

НОВАЯ ПОЛЬША

№6(109)

2009

Мартин Войцеховский: Дать России шанс

Карл Дедечиус о своей личной Польше

СТИХИ ЯРОСЛАВА МАРКЕВИЧА

Ежи Йохимек: Христос и белые медведи

Ян Воленский об Альфреде Тарском

Полемика Стефана Братковского с Анджеем Корашевским

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

**Вы можете подписаться на «Новую Польшу»,
перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте,
факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты
с пометкой: *prenumerata*.**

Наш адрес:

Nowaja Polska
Biblioteka Narodowa
al. Niepodległości 213
02-086 Warszawa

Подписка в Польше:

Название банка: BANK HANDLOWY SA I O/WARSZAWA

Номер счета: 55103010160000000003327001

Цена 1 экз. — 7 зл.

Цена годовой подписки — 84 зл.

Подписка за границей:

Название банка: BANK HANDLOWY SA I O/WARSZAWA

Адрес банка: ul. Traugutta 7/9 Warszawa

Номер счета: PL 55103010160000000003327001

SWIFT: CITIPLPX

Цена годовой подписки — 70 евро или 90 долларов

Информация о подписке за границей:

Тел. +48 22 608-27-95

Факс: +48 22 608-25-05

e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о подписке в Польше:

Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74

e-mail: czaspatron@bn.org.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 6(109)
2009

ИЮНЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Войцех Сурмач, Лонгина Гжегурская 3
МЫ СПРАВИМСЯ!

Марек Рабий 6
СПАСИБО, МЫ ПЕРЕЗВОНИМ

Виктор Кулерский 10
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Мартин Войцеховский 19
ДАТЬ РОССИИ ШАНС

Тереса Черневич-Умер 22
ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ БИБЛИОТЕК

МОЯ ЛИЧНАЯ ПОЛЬША 28
Беседа с Карлом Дедециусом

Марек Радзивон 31
ЕВРОПЕЕЦ ИЗ ЛОДЗИ

Ярослав Маркевич 33
СТИХОТВОРЕНИЯ

Ивона Смолька 40
ПРИКЛЮЧЕНИЕ СОЗНАНИЯ

Ежи Йохимек 42
ХРИСТОС И БЕЛЫЕ МЕДВЕДИ

ДАЛЕКО ИЛИ... 49
Беседа с Ежи Йохимеком

Лешек Шаруга 53
ДВАДЦАТИЛЕТИЕ: ПОЭЗИЯ МАСТЕРОВ

Марта Замбжицкая 59
НОВАЯ РУССКАЯ ДРАМАТУРГИЯ
НА ПОЛЬСКИХ СЦЕНАХ

	Эльжбета Савицкая КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА	62
	Агнешка Зегер ДРУГОЕ ПРОСТРАНСТВО	66
	Наталья Барбьер ТАМ, НА НЕВЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ...	70
	Лешек Шаруга ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	74
	Ян Воленский АЛЬФРЕД ТАРСКИЙ, ЛОГИК С ФАНТАЗИЕЙ	78
	Стефан Братковский ПОЛЕМИКА С АНДЖЕЕМ КОРАШЕВСКИМ	83

Редакционный совет

Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер *(зам. гл. редактора)*
Кристина Пашек *(секретариат)*
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
BIBLIOTEKA NARODOWA
Al. Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава

тел: _____ (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: _____ (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: _____ nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале
для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д. 15, кв. 49
тел: _____ 621-41-42
e-mail: _____ mic@inbox.ru

Журнал издается под патронажем Национальной Библиотеки
по поручению Министра Культуры
и Национального Наследия Республики Польша
Тираж 4700 экз.

Переводчики: А. Базилевский, Е. Гендель, Н. Горбаневская,
Н. Кузнецов, М. Курганская, С. Политыко, Е. Шиманская.

Фото ©: Е. Ciolek (стр. 18), Е. Lempp (стр. 31, 40), Archiwum (стр. 49, 78).

Войцех Сурмач
Лонгина Гжегурская

МЫ СПРАВИМСЯ!

*У нас, молодых, такая жажда жизни, что кризис нас не волнует.
Если нас уволят, мы откроем собственные фирмы.*

Кризис — как пожар в лесу, который всё выжигает до самой земли, но он же ее удобряет и создает прекрасную почву для роста новых деревьев. Кризис — лучшая возможность для молодежи выйти на рынок, занять место, освободившееся от старых, обанкротившихся фирм. В период кризиса возникли крупнейшие фирмы в США, такие как «Майкрософт» или «Хьюлетт-Паккард». «Кризис — ваш великий шанс, не упустите его!» — призывал в январе молодых слушателей на международном конгрессе в Канзасе Карл Шрамм, президент американского Фонда Кауфмана, крупнейшей в мире организации, занимающейся поддержкой предпринимательства.

Среди тысяч слушателей его речи были трое гостей из Польши. Они слушали внимательно, но в отличие от остальных у них по щекам не шли красные пятна — они лишь слегка улыбались. Слова Карла Шрамма не стали для них неожиданностью, ибо молодежь в нашей стране ни к чему призывать не надо. Плохие новости об экономике мы принимаем к сведению, не моргнув глазом, и делаем свое дело, то есть тяжело трудимся, чтобы добиться успеха. Мы, конечно, боимся снижения зарплаты или увольнения, но не слишком — мы справимся. Всегда можно поискать другую работу или открыть собственную фирму и продолжать жить в полную силу. И неожиданно оказывается: жить не только для себя, но и для Польши.

«Мы полны отваги и не боимся кризиса. Даже когда нас увольняют, мы не отказываемся от мечты» — таков был ответ преобладающего большинства поляков в возрасте 25-34 лет в опросе, проведенном фирмой «MillwardBrown SMG/RC» в конце прошлого года. В марте фирма провела по заказу «Ньюсуика» повторный опрос на эту тему. И мы видим: прошли три месяца непрерывной бомбардировки драматическими сообщениями о кризисе, но по-прежнему почти половина молодых людей не боится рецессии. По-прежнему сохраняющийся у молодежи оптимизм подтверждает и опубликованный две недели назад опрос Центра им. Адама Смита «Money track 2009». На вопрос: «Видите ли вы какие-то шансы на улучшение своего материального положения?» — 32,2% респондентов ответили: да. И всем им от 20 до 39 лет. Участники той же группы опрошенных указали, что для увеличения заработка они готовы взяться за дополнительную работу (а не играть в спортлото, как заявило большинство поляков).

Дополнительная работа? В период кризиса и массовых увольнений? Неисправимые оптимисты? Вовсе нет. Многие из них в последнее время обнаружили, что их жизнь может кардинально измениться в лучшую сторону благодаря тяжелому труду. «Труду в любых условиях», — замечает соавтор опроса проф. Доминика Майсон с кафедры психологии личности Варшавского университета. Поэтому несмотря на сложные экономические условия мы не суетимся, не нервничаем и делаем свое дело. Как следует из новейших опросов, проведенных фирмой SMG/KRC по заказу «Ньюсуика», так поступают 76% молодых поляков.

Как это возможно, что мы не сдаемся перед лицом кризиса? По мнению проф. Доминики Майсон, мы, молодежь, как правило, не боимся нового, незнакомого, иного. И постоянно чего-то ищем.

Агнешка Бялек (29 лет) и Михал Бонк (33 года) первый серьезный рубеж в жизни преодолели полтора года тому назад, когда поженились. Потом следующий катаклизм — смена места работы. Она была координатором проектов в пиар-агентстве, сейчас работает брэнд-менеджером в международной корпорации. Он — когда-то брэнд-менеджер, теперь координатор проектов в крупной фирме. Оба они утверждают, что эти переломы научили их жить в условиях перемен. Кризис они вовсе не склонны недооценивать, тем более что работают в иностранных фирмах, где глобальная рецессия ощущается больше, чем в польских. Но они работают как всегда: напряженно и профессионально.

Для личной жизни у них остаются лишь выходные: ужин в пятницу в хорошем ресторане или суббота, проведенная, например, где-нибудь в спа-салоне за городом, — это для них норма. Остальную часть заработанных денег они тратят на развитие (он как раз закончил МВА, она собирается идти по его стопам) и мечты (лыжи, теннис, лошади). Потом придет время планировать семью. «Мы осуществляем свой план. Ни от чего не отказываемся», — уверяют они. Об увольнении из-за кризиса они даже не думают: их совсем недавно приняли на новое место работы, потому что в своем деле они первоклассные специалисты.

Куба Кубицкий (31 год) и Ярек Болинский (34 года), владельцы фирмы «Пропеллер-Фильм», могут только позавидовать их стоическому спокойствию. Они специализируются в производстве рекламных роликов и ясно ощутили, что заказчики урезают рекламные бюджеты. Нескольких заказов оказалось под вопросом, возросло нервное напряжение, но они справились. «Мы приспосабливаемся к потребностям рынка, мы в состоянии пойти на значительное снижение цены», — храбро бросает Куба, который наряду с низкой ценой и высоким качеством услуг предлагает клиентам мощную энергию и увлеченность молодой команды. Таким способом «Пропеллер» в последнее время перехватил проекты, которые первоначально должны были достаться известным киностудиям. Эти проекты оказались в их фирме, потому что она дешевле, но совсем не хуже. «Нельзя сказать, что у нас растет число клиентов. Но их остается стабильно столько же, а это большой успех», — говорит Куба и подчеркивает, что если проявлять гибкость, то это всегда себя оправдывает.

— Такими могут быть только молодые поляки. Без комплексов и вперед, — не скрывает радости Дариуш Жук, который вместе с двумя друзьями, Мариушем Турским и Яцеком Александровичем (все 1980 г.р.), создал пять лет тому назад механизм помощи молодежи, начинающей собственный бизнес, — Студенческие инкубаторы предпринимательства (СИП). За это время они выпустили на рынок уже более 2,5 тыс. фирм. В прошлом году к ним обратилось около 300 молодых поляков, а в этом году — уже почти 800. У них эти люди получают дотации от спонсорских фондов и от фондов ЕС на раскрутку бизнеса, в течение года работают под бухгалтерским и маркетинговым зонтиком СИП. А потом им приходится рассчитывать уже только на себя. Создатели СИП и были теми тремя молодыми слушателями, которые легкой улыбкой реагировали на выступление шефа Фонда Кауфмана. Они поехали в Америку и произвели там сенсацию. Их проект, то есть СИП, был признан одной из трех лучших форм поддержки молодых предпринимателей в мире. «Но мы будем самыми лучшими, ибо у нас в стране большой потенциал», — говорит Жук, а проф. Майсон комментирует: «В конце концов мы перестаем быть обществом людей, непрерывно жалующихся, а катализатором перемен становится наш друг кризис».

Яцек Шафадер (32 года), специалист по рекламе и интернет-продажам, на протяжении десяти лет оправдывал профессиональные ожидания своих очередных шефов. А в последние пять месяцев ему уже не надо удовлетворять ничьих ожиданий, кроме своих собственных. Фирма «hoopla.pl», в которой он работал, обанкротилась — теперь он разворачивает собственную деятельность под названием «Афирмада». Он предлагает то же, что и прежде, — то есть применение интернет-рекламы и новых технологий в бизнесе, только на 30% дешевле. «Я чувствую, что могу наконец делать то, что хочу, а кризис парадоксальным образом стал моим союзником. Он привлек клиентов, которым приходится экономить, и они идут ко мне», — рассказывает Яцек, не скрывая своего удовлетворения.

Шафадер — не единственный человек, чью биографию кризис изменил к лучшему. В январе и феврале по данным ГСУ работу потеряло около 160 тысяч человек. Часть из них не сможет найти новое место работы, поэтому будет создавать его для себя. «Мы получаем десятки вопросов о том, как открыть фирму. Еще год назад практически никто не обращался к нам с таким вопросом», — говорит Марек Еречек из портала [przepisnabiznes\[рецепт бизнеса\].pl](http://przepisnabiznes[рецепт бизнеса].pl).

— Революция в жизни часто подталкивает к действию, — дает свое заключение Яцек Санторский, психолог, специализирующийся на проблемах бизнеса, — но одной мотивировки недостаточно, — предостерегает он, — ибо для достижения успеха в бизнесе необходима решительность, а источник ее — в сильном характере.

«Человек с характером», — так оценивает сам себя строитель из Познани Роман Навроцкий (35 лет). Он называет себя «специалистом по выстраиванию всего» и «прекрасным материалом для формирования директорских качеств». Четыре года назад он начинал работать в крупной строительной фирме. Когда наступил кризис, то сначала кончились сверхурочные, а в октябре он услышал: «Sorry, Ромек, ты тут больше не работаешь». До середины декабря он дотянул за счет «халтуры». Январь был драматичным. «Я думал, что с ума сойду без работы», — рассказывает Навроцкий. Поэтому он решил, что больше никто никогда его с работы не уволит, и открыл фирму. Необходимое оборудование у него уже есть, первый клиент — тоже, вдобавок он убежден, что бывший начальник еще пожалеет о своем решении, ибо Навроцкий хочет стать ему серьезным конкурентом.

— Потребность доказать окружению, что ты чего-то стоишь, — вот один из сильнейших стимулов начать экономическую деятельность, — комментирует успехи строителя Ромека проф. Ханна Годлевская-Майковская из Института предпринимательства Главной торговой школы. — Но предприниматель должен быть также готов к риску и уметь быстро реагировать на внезапные изменения.

Такими чертами характера явно обладает Зося Бугайная (28 лет), специалист в области архитектуры логотипа, то есть формирования его дизайна. Когда-то Зося работала журналисткой на познанском радио, затем без колебаний бросила столицу Великопольши ради столицы всей Польши. Здесь она работала для самых престижных маркетинговых агентств. В ее клиентском портфолио были «Кока-Кола», «Вольво», «Филипс» и «Хайнц». А это невероятный капитал. Расставшись с агентством «Эдельман», она с сентября работает как свободный художник. В качестве фирмы «Bugajna Communication» Зося предоставляет услуги даже на 40% дешевле, чем в качестве сетевого специалиста по дизайну. «А когда же, как не в условиях кризиса, конкурентоспособность более всего в цене?» — задает она риторический вопрос, готовясь бороться за клиентов.

Социолога проф. Ханну Свида-Зембу, которая на протяжении нескольких десятков лет занимается изучением проблем молодежи, не удивляет такая конфронтационная позиция молодых поляков. По ее мнению, молодые люди берут жизнь за рога, ибо просто не соотносят кризис с собственной судьбой. Он их не беспокоит, так как они не ощущают непосредственной опасности. Всегда есть какая-то альтернатива.

— Для них, по правде говоря, ничего не происходит. Кризис существует лишь в СМИ, он виртуален, — поясняет Ханна Свида-Земба. И обращает внимание на новый аспект изменений, проявляющихся в молодых поляках. — Мои студенты начали затрагивать на занятиях темы общественного характера. Ранее об этом даже речи не было, — добавляет она. Таким образом лозунг «Мы справимся!» имеет уже двойное измерение — деловое и социальное.

Такие замечания — как бальзам на душу для Мачека Щехуры (33 года), вице-президента Евробанка, который уже много лет активно занимается общественной деятельностью, в частности в гражданском «Проекте: Польша». Миссия «Проекта» — собирать молодых людей вокруг решений, которые изменят нашу страну, превратив ее в современное государство. Щехура вспоминает появившиеся два года назад научные исследования проф. Януша Чапинского, посвященные общественному капиталу, очень они ему запомнились. Если говорить о гражданской активности (доверие к другому человеку, число добровольных ассоциаций и фондов), то Польша выглядит хуже всех в Евросоюзе. Сегодня это в конце концов меняется. А коллега Щехуры (он тоже работал в «Проекте: Польша»), Павел Лисевич (30 лет), сотрудник государственного казначейства, занимающийся поддержкой приватизации, говорит коротко: «Мы вступали в свою профессиональную жизнь после 1989 года. Нам не пришлось переживать разделов, войн, коммунизма. Мы — самое счастливое поколение в этой стране за двести с лишним лет. Глупо было бы подчиняться чему-то столь ничтожному с исторической точки зрения, как кризис».

Правильно, мы справимся!

Марек Рабий

СПАСИБО, МЫ ПЕРЕЗВОНИМ

После поколения процветания приходит поколение кризиса. Через год может оказаться, что каждому третьему среди безработных меньше 25 лет.

Хуже всего — ждать. Сознание того, что после рассылки множества анкет ты не получаешь ни единого ответа, досаждает не меньше отсутствия денег. Можно утешаться, что тебе нет еще и тридцати, что перед тобой — целая жизнь. Но какое же это утешение, когда старт во взрослость начинается с регистрации в качестве безработного?

Нынешний год должен был стать самым лучшим из всех, какие прожил до сих пор Мартин Радван. Этот 28-летний выпускник Ягеллонского университета по специальности «государственная администрация» незадолго до предыдущих каникул защитил там второй диплом, на сей раз — по истории. «С двумя факультетами, свободным английским языком, хорошим французским, ворохом зачетных студенческих практик и стажировок, а также с почти гарантированной штатной должностью в банке БПХ я верил, что поймал ветер в паруса и что передо мной открыты все пути в мире», — говорит Мартин. У него в голове даже не мелькнула тогда мысль, что вместо стремительного вступления в профессиональную жизнь его ждут долгие месяцы нервного напряжения и унижений в поисках работы.

Вселенная начала для него рушиться осенью, вскоре после краха американского инвестиционного банка «Леман Бразерс», название которого раньше у Мартина практически ни с чем не ассоциировалось. Тем временем психоз, вызванный на финансовом рынке этим банкротством, привел к тому, что работа в краковском отделении банка БПХ, еще недавно находившаяся на расстоянии вытянутой руки, внезапно оказалась несбыточной мечтой. Тому отделу, где предстояло работать Мартину, резко урезали бюджет, а затем его вообще ликвидировали. Позднее всё уже шло только хуже. Анкеты, рассылаемые целыми пачками; в среднем раз в неделю — собеседование в какой-нибудь фирме. Каждое очередное — все дольше и мучительней. Но по-прежнему бесплодное. Подробнейшие расспросы, придирки к мелочам, тест за тестом. Хорошо, если до этого вообще доходило. Из сорока с лишним фирм и учреждений, куда Радван отправил заявления, откликом его удостоил, быть может, десяток. «Везде я слышал до удивления одинаковые ответы: у вас нет опыта, необходимого на этой должности. Словно бы я добивался, по меньшей мере, кресла вице-президента, а не самой обычного места за полторы-две тысячи злотых в месяц».

Круг таких, как Радван, быстро растет. С конца 2008 г. рынком труда снова заправляют предприниматели, и это плохое известие для 800 с лишним тысяч потенциально новых работников, оканчивающих нынешним летом средние школы и университеты. Речь идет не только об уровне безработицы, которая между декабрем и мартом выросла с 9,5 до 11,2% и будет расти дальше. Правительство ожидает, что в 2010 г. она остановится в районе 14%, пессимисты говорят даже о 17%, то есть о том, что наблюдалось в первый год после вступления Польши в Евросоюз. Проблема в том, что и нынешний кризис — как и предшествующие — сильнее всего ударяет по молодежи, только-только вступающей на рынок труда. Сокращая затраты, предприниматели редко принимают новых сотрудников, а если уж и берут, то не начинающих. С увольнениями всё наоборот: под нож в первую очередь идут кадры, привлеченные в ходе того форсированного набора персонала, который велся на протяжении последних двух-трех лет, когда фирмы сотнями принимали на работу молодежь, лишь бы справиться с растущей горой заказов или обслужить новых клиентов. «Число предложений для выпускников сократилось за нескольких месяцев на каких-нибудь 70%, — считает Кристина Кавецкая из малопольского агентства по найму рабочей силы «Global Business Solutions». — Предпринимателей уже не интересуют ни оценки в аттестате или дипломе, ни число пройденных практик и стажировок. В расчет идет только опыт».

Ничего странного, что уже в марте из условных ста безработных, зарегистрированных в службе занятости, каждый пятый был моложе 25 лет. До конца года к этой возрастной категории может принадлежать каждый третий, не имеющий работы. Среди молодежи уровень безработицы уже сейчас приближается к 22% (в среднем по Евросоюзу он составляет сегодня около 18%), и мало надежд, что в нынешнем году этот показатель остановится, не достигнув 30%. При черном сценарии, если наша экономика вступит в рецессию и останется в таком состоянии два-три квартала, безработица среди выпускников средних и высших школ может дойти даже до 35-40%. Иными словами, она достигнет уровня, который отмечался четыре-пять лет назад, когда экономика только начинала переводить дыхание после замедления, наблюдавшегося в первые годы текущего десятилетия.

Нынешний кризис, откровенно говоря, только раскручивается, и многие отрасли еще не затронуты им всерьез. «В энергетике, информатике или управлении производством выпускники по-прежнему находят первую работу без особых трудностей», — замечает Казимеж Седляк, владелец фирмы кадрового консалтинга «Седляк & Седляк». Это слабое утешение для тех, кто связал свое профессиональное будущее с секторами экономики, больше всего пострадавшими от глобальной рецессии и ее польских отголосков, например с автомобильной промышленностью или строительством.

Влодзимеж Шмигель, 19-летний парень с оконченной школой профессионального обучения в Калише, уже семь с лишним месяцев безуспешно ищет работу по специальности «электромонтер», которой его обучали. Когда год назад он кончал школу, спрос на строителей был огромным. Поэтому Шмигель не очень-то спешил идти на стройку в своих краях. Он устроил себе долгие каникулы в Ирландии, у старшего брата, сочетая их с заработком в евро. «Я был уверен, что в резерве для меня всегда есть работа на стройке у нас в стране за 3-4 тысячи на руки».

В Польшу он вернулся в последних числах октября, когда кончилась работа в польской строительной бригаде в Корке. У начальника вдруг резко сократился объем заказов, и в итоге тот оставил лишь людей с наибольшим опытом. Влодеку он сказал только, что укладывать кабели в стене способна даже его дочка. «Тут я разозлился и вернулся домой, но теперь и у нас с работой хило, — сердится Влодек. — Время от времени я через дружков вылавливаю какого-нибудь мелкого левака, но насовсем не зацепишься».

Безработица среди молодежи, к сожалению, деморализует глубже и быстрее, чем та, что затрагивает людей постарше. Школа, экзамены, общественный порядок — все это должно подготовить человека к первой работе. И вдруг этой работы нет. Один, второй, третий отказ может оказать разрушительное воздействие на молодую, еще только формирующуюся личность. «Поражения, в действительности вытекающие из ухудшения конъюнктуры, легко могут привести человека к уверенности в недостаточной собственной ценности, в своей прямо-таки непригодности, — объясняет Иоанна Хайдтман, специалист по социальной психологии из Ягеллонского университета. — Среди тех, кто испытал безработицу сразу же после окончания школы, на рынок труда никогда уже не вернется намного больше лиц, чем из числа тех, кто потерял работу на более позднем этапе карьеры».

Горечь безработицы у молодых выпускников высших учебных заведений усугубляется, если они вложили труд в получение такого образования, которое было спрофилировано под конъюнктуру, а не по собственной заинтересованности. Молодые люди, то ли сами по себе, то ли поддавшись уговорам родителей, выбрали правоведение, маркетинг либо банковское дело, потому что несколько лет назад казалось, будто в этих сферах всегда будет светить солнце. Сегодня они с ужасом обнаруживают, что эта инвестиция — отнюдь не страховой полис от безработицы. «Они с трудом взобрались на верхушку лестницы, которая была приставлена не к той стене», — так определяет эту ситуацию американский антрополог Джозеф Кэмпбелл. «Многие из моих знакомых по учебе слышат теперь от предпринимателей: будьте гибкими, поменяйте профессию. Интересно, а сумели бы они сами с такой легкостью перечеркнуть пять лет жизни, — возмущается Изабелла Яблонская, прошлогодняя выпускница Вроцлавского университета по специальности «политология», работающая сегодня на ставке в магазине готовой одежды. — Да и за какие деньги мне, к стати говоря, переквалифицироваться, если моего олада едва хватает на то, чтобы снимать комнату».

Когда шесть лет назад Иза начинала учиться, экономика как раз встряхивалась после предыдущего кризиса. Быстро падавшая безработица, укреплявшийся злотый, растущие заработки казались многим ее ровесникам явлением столь же естественным и вечным, как цикл времен года. «Я выбрала себе несколько практик и стажировок в области связей с общественностью, потому что такая работа подходила к моему образованию, — объясняет Иза. — Кроме того, газеты были полны подобных предложений, и я испытывала уверенность, что связываю свое будущее с перспективной сферой. Когда осенью в прессе слово «кризис» начали склонять во всех падежах, число приглашений на работу по пиару и связям с общественностью резко сократилось — как и бюджеты, выделяемые фирмами на услуги таких агентств». Иза сбавила тон и начала искать другую офисную работу, хотя бы ассистентки или секретарши. Безрезультатно. «Я остолбенела: оказалось, что девушка, подающая документы на подпись директору или президенту и управляющая графиком его дел, должна теперь знать не меньше двух иностранных языков, а приветствуются еще и две или три специализации. Интересно, много ли начальников в Польше обладают таким образованием?» Иза уже знает, в чем больше всего нуждается сегодня молодежь: сразу после учебы получить в Польше хорошую работу. «Хорошую» не означает «хорошо оплачиваемую» — ей хватило бы пока полторы тысячи злотых на руки. «Лишь бы только заниматься чем-нибудь поумнее, чем заваривать кофе или подавать брюки в магазине. Чем-то таким, что дает шанс на развитие и в перспективе — на действительно приличные заработки».

Иначе видят ту же самую проблему предприниматели. По их мнению, несколько лет непрерывного бума на рынке труда взвинтили материальные запросы молодых людей до абсурда. Как сообщает Главное статистическое управление, только в прошлом году средняя начисленная зарплата выпускника выросла с 1,6 до 2,5 тыс. злотых. В Варшаве мало кто после солидного учебного заведения готов был приступить к работе за сумму меньше 3,5-4 тыс. зл. в месяц. Денежные аппетиты молодежи разжигались как открытием новых финансовых учреждений: банков, агентств инвестиционного консалтинга, страховых фирм, — так и развивающейся деятельностью иностранных инвесторов в Польше. Например, в Неполомице под Краковом немецкий концерн MAN открыл завод по сборке грузовиков, наняв на работу 550 человек и, конечно же, высоко взметнув ставки заработной платы. Окрестные предприниматели оказались вынужденными приспособиться к предлагавшемуся там уровню зарплаты. Пан Ежи, директор по кадрам одной фирмы, выпускающей упаковки неподалеку от Неполомице, считал тогдашние финансовые ожидания выпускников просто наглостью. «Молодой человек, совершенно зеленый в профессиональном смысле, приходил на собеседование и с места в карьер заявлял, что нам не о чем разговаривать, если мы не можем заплатить ему минимум 3 тыс. злотых чистыми, — раздраженно вспоминает он. — Сегодня, когда MAN уволил уже 150 человек, те же самые люди готовы сражаться за оклад в две тысячи».

Кризис на самом деле остужает денежные аппетиты молодых. «У меня уже нет чрезмерно высоких требований, мне хватит 1200-1500 злотых на руки», — утверждает Мартин Ковальский, прошлогодний выпускник средней школы из городка Оборы под Торунью, до сих пор остающийся без работы. Пока что он охотнее всего стал бы заниматься продажами по телефону либо через Интернет или же сделался коммивояжером, чтобы иметь время на высшее экономическое образование, которое он видит как пропуск в будущую, достойно оплачиваемую работу. С той лишь разницей, что в кризисные периоды даже повышение квалификации не всегда это гарантирует. 24-летняя Юстина Павловская из Полупина в Любушском воеводстве после средней школы окончила учебный курс по специальности «администрация и логистика», но работу себе никак не находила. Штатную должность в фирме, производящей промышленные холодильные установки, она получила в ноябре после новых курсов, где готовили... сварщиков. «Работы при кризисе хватает, не хватает только денег. Уже шесть месяцев я не получаю премию», — говорит Юстина, добавляя, что на снижение основной зарплаты она уже не согласится.

Всё имеет свои границы. Консультанты по трудоустройству утверждают, что предприниматели не должны рассчитывать на возврат к временам поколения, получавшего в начале десятилетия 1200 злотых в месяц, то есть к молодой армии послушных, дисциплинированных рабов, которые гнут спину, горбятся по десять и больше часов в сутки за жалованье, близкое к минимальной зарплате.

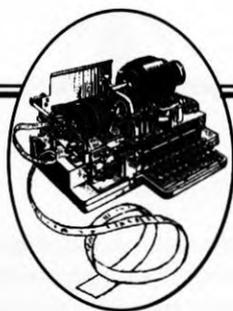
Открытие европейских рынков труда привело к тому, что предложение отечественных фирм больше не остается единственным доступным, даже если шансы на хорошо оплачиваемую работу за границей сегодня значительно уменьшились. Однако самая большая перемена произошла в обычаях, нормах и ценностях труда. Еще несколько лет назад на рынке был распространен миф о трудоголике, который достигает главных для себя целей в первую очередь на работе. «Сегодня большинство молодежи рассматривает работу уже не как место реализации своих жизненных запросов и устремлений, а как источник доходов, дающих возможность самореализации в других плоскостях, например в семейной или связанной с хобби», — полагает Юстина Липовская, руководитель отдела вербовки фирмы кадрового консалтинга HRK.

Превращение поколения процветания в поколение кризиса — это, понятное дело, не только польская специфика. В Германии за последние 12 месяцев процент безработных моложе 25 лет возрос даже до 22%. В Испании работы нет у каждого третьего молодого человека, хотя год назад эта проблема касалась лишь 15% из них. Всё больше трудностей с первичным введением молодых людей на рынок труда испытывают и такие зажиточные страны, как Великобритания, Швеция или Франция, а в более бедных, например в Греции или Италии, всё чаще дело доходит до уличных протестов молодежи, сражающейся за первое рабочее место.

Виноват в этом не только кризис. В странах с глубоко этатизированной экономикой и сильными профсоюзами рынок труда легко закостеневаает, потому что привилегии работников трудно примирить с интересами тех, кто еще только борется за первую в жизни вакансию. Ситуацию обостряют последствия глобализации, которая забирает из Европы рабочие места по производству простых товаров, чем раньше занимались выпускники профессиональных училищ или средних школ. Наряду с этим в технологически продвинутых отраслях отчетливо видна недостаточная приспособленность квалификации, вынесенной из учебного заведения, к нуждам текущего рынка труда. Европейская комиссия уже в 2007 г. была тревогу по поводу того, что почти каждый второй выпускник высшей школы в Евросоюзе по существу не подготовлен к занятиям хоть какой-нибудь профессиональной деятельностью. В Польше, где среди выпускников университетов и институтов до сих пор преобладают гуманитарии, эта проблема еще серьезнее.

Итак, действительно ли мы приговорены к росту армии молодых безработных? Не обязательно. В будущем году экономика должна снова приступить к созданию новых рабочих мест, но уже сегодня просматриваемая впереди демографическая яма ощутимо уменьшит численность молодежи в средней и высшей школе, а это через несколько лет значительно ослабит ее давление на рынок труда. Таким образом, поколение кризиса не успеет окрепнуть.

Newsweek
POLSKA

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

■ Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, накануне июньских выборов в Европарламент самой большой поддержкой пользуется «Гражданская платформа» (ГП, 48%). Следующие места занимают «Право и справедливость» (ПИС, 30%), Союз демократических левых сил (9%) и крестьянская партия ПСЛ (5%). Поддержка других партий ниже 5-процентного избирательного барьера. (*«Газета выборча», 13 мая*)

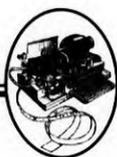
■ «Европейская народная партия (ЕПП), в которую входят 74 христианско-демократические, консервативные и крестьянские партии из 34 стран Европы, впервые проводит свой конгресс в Варшаве. Во Дворец культуры и науки прибудет более двух тысяч гостей, в т.ч. канцлер Германии Ангела Меркель, председатель Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу и председатель Европарламента Ханс-Герт Поттеринг (...) Депутаты Европарламента разделены на политические фракции. В настоящее время их семь. Самая крупная (285 депутатов) — это коалиция Европейской народной партии и Европейских демократов (ЕПП — ЕД) (...) Польшу в ней представляет ГП и один евродепутат от ПСЛ (...) Вторая сила Европарламента — Партия европейских социалистов (PSE), в которую объединены европейские социал-демократы (...) Из Польши в состав PSE входят Союз демократических левых сил и «Уния труда» (...) Евродепутаты из Польши, представляющие ПИС и «Самооборону», входят в «Союз за Европу наций» (UEN), который объединяет евроскептиков и националистические правые партии». (*«Жечпосполита», 29 апреля*)

■ «Лех Валенса, лидер «Солидарности» и бывший президент Польши, выступил в четверг на варшавском конгрессе европейских христианских демократов с важнейшей речью. Его чествовали как героя (...) Большое впечатление произвел короткий фильм о Валенсе и «Солидарности», в котором об исторической роли польского профсоюзного движения говорили бывший президент Франции Валери Жискар д'Эстен и бывший президент США Джордж Буш-старший (...) «Европа помнит, что все началось здесь, в Польше, с переговоров за «круглым столом». Мирная революция изменила Европу», — сказал Баррозу». (*«Газета выборча», 2-3 мая*)

■ Марек Зюлковский, профессор познанского Университета им. Адама Мицкевича, вице-маршал Сената: ««Круглый стол» стал большим успехом (...) во времена, когда во всех странах коммунистического блока еще стояли советские войска, а об открытии железного занавеса можно было только мечтать (...) «Круглый стол» привел к мирному и бескровному свержению коммунистической диктатуры (...) Смена государственного строя не была ни реформой сверху, ни революцией снизу: она была договоренностью элит режима и оппозиции (...)» Согласно опросу ЦИОМа, 41% поляков оценивает «круглый стол» положительно, и лишь 11% — отрицательно; 44% оценивают его как «общественный договор», и только 26% — как «сговор элит». «Наиболее разумным в сложившейся ситуации» назвали его 30%, 37% согласны с утверждением, что «он имел свои хорошие стороны, но компромисс зашел слишком далеко», и только 8% оценивают его как «ненужную уступку коммунистическим властям». Подавляющее большинство поляков уверено, что соглашения «круглого стола» «сделали возможной мирную, бескровную передачу власти» («да» — 74%, «нет» — 8%), хотя, с другой стороны, «привели к тому, что в Польше режим и его главные представители не ответили за свои преступления» («да» — 51%, «нет» — 21%). Лишь меньшинство считает, что это соглашение было ненужным, потому что старый строй и так вскоре бы рухнул («да» — 27%, «нет» — 47%). (*«Газета выборча», 25-26 апр.*)

■ Бывший президент Польши Александр Квасневский: «Нас с трудом можно было назвать даже периферией Европы, а сегодня мы важная ее часть. Даже если нам всё еще кажется, что не настолько важная, как мы ожидали». (*«Политика», 9 мая*)

■ «Здание Европарламента. В середине — огромный овальный холл, в который сверху падают лучи солнца. Через этот холл проходит каждый посетитель Европарламента, в том числе многочисленные экскурсионные группы. Именно там во вторник повесили мемориальную доску с надписью «Зал Бронислава Геремека» (...) «Мой отец был поляком, евреем и свидетелем

зверств XX века. И вот сегодня имя мальчика, ученика Януша Корчака, с улиц варшавского гетто попало сюда, в далекий Страсбург, город, символизирующий объединенную Европу», — сказал Мартин Геремек». (*«Газета выборча»*, 22 апр.)

■ ««Я не хочу, чтобы 4 июня [в годовщину победы «Солидарности» на парламентских выборах 1989 г. — *Ред.*] профсоюзные деятели с флагами «Солидарности» били дубинками полицейских и наоборот (...)», — сказал вчера Дональд Туск. И перенес политическую часть празднования из Гданьска в Краков, чтобы не пересекаться с демонстрациями, которые профсоюзы запланировали на этот день у памятника погибшим судостроителям (...) Поэтому приглашенные в Польшу премьер-министры Вышеградской группы встретятся с молодежью на Вавеле. В Краков приедет и канцлер Германии Ангела Меркель». (*«Польска»*, 8 мая)

■ «Юзеф Пшибыльский, 1943 года рождения (...) Слесарь и сварщик. В 1978-1980 гг. — помощник Богдана Борусевича, печатник и распространитель листовок и независимых журналов (...) В августе 1980 г. — один из организаторов забастовки в гданьском «Будиморе». В числе других подписал августовское соглашение 1980 года. В сентябре 1980 г. эмигрировал в Бельгию (...) Не любит подожженных шин, воя сирен, стука касок и пустословия (...) «Когда в моей брюссельской фирме дела пошли плохо, мы с товарищем решили: выхода нет, будем работать за полставки, три дня я и три дня он. А они [судостроители], когда предприятие разваливается, колотят касками в двери Европарламента (...) А те, кто подписал [в августе 1980 г.] Гданьское соглашение — собрались ли они отпраздновать вместе хоть одну годовщину? Более того: они организуют в августе конкурирующие друг с другом торжества! Слово «Солидарность» не объединяет, а разделяет. Одни обвиняют других в присвоении названия профсоюза. Когда я смотрю на это, мне становится все более ясно, что это — не моя «Солидарность»». (*«Польска»*, 8 мая)

■ «В пятницу Лех Валенса был гостем конгресса, пожившего начало общеевропейской избирательной кампании в Европарламент партии евроскептиков «Либертас» (...) «Трудно разобраться в неожиданных политических виражах Леха Валенсы. В Польше он поддерживает ГП, которая слепо одобряет евроинтеграцию, а в Италии — евроскептиков из «Либертаса», — говорит депутат от Пис Коваль». (*«Жечпосполита»*, 2-3 мая)

■ ««Я сделал это не бесплатно», — сказал Лех Валенса в интервью каналу ТВН-24 о своем выступлении 1 мая на международном съезде «Либертаса» в Риме». (*«Жечпосполита»*, 4 мая)

■ «Европейские дотации (29,5 млрд. евро) превысили взносы, уплаченные Польшей за пять лет членства в ЕС (13,4 млрд. евро), на 16 млрд. евро (по нынешнему курсу — 70 млрд. злотых)». (*«Впрот»*, 10 мая)

■ «44,4 млрд. злотых выплачено польским крестьянам непосредственно из бюджета ЕС, 4968 км дорог отремонтировано и проложено благодаря финансированию из бюджета ЕС, только за последние два года около 800 тыс. поляков получили официальную работу в странах ЕС, 350 законов и постановлений регулируют введение в Польше европейских норм». (*«Жечпосполита»*, 30 апр. — 1 мая)

■ Профессор Варшавского университета Ежи Вилькин: «После вступления в ЕС в 2004 г. к крестьянам потекли огромные, беспрецедентные деньги. Но крестьяне должны были приспособиться к господствующим на общем рынке условиям, соблюдать европейские нормы — например, связанные с качеством продукции (...) К сожалению, часть дотаций они просто проели (...) Но, с другой стороны, река прямых дотаций, которая текла к большинству крестьян в первые три года нашего членства в ЕС, имела смысл. Она вызывала у крестьян положительное отношение к Единой сельскохозяйственной политике и позволяла уменьшить цивилизационную пропасть между городом и деревней. После вступления Польши в ЕС у крестьян появилась наконец уверенность в завтрашнем дне». (*«Газета выборча»*, 27 апр.)

■ «Согласно европейскому экологическому законодательству, 16% территории Польши находится под особой охраной. Брюссель убеждает: заботиться об окружающей среде и беречь природу нужно, потому что без нее мы погибнем. Эта сфера регулируется, ни много ни мало, шестьюстами директивами, постановлениями и другими правовыми актами. Вступая в ЕС, Польша обязалась их соблюдать. В ближайшие 20 лет соблюдение экологических норм обойдется Польше в 120-140 млрд. злотых. Более половины этой суммы мы получим из европейского бюджета. Европейский фонд уже сейчас финансирует 83 крупные польские водно-канализационные системы». (*«Газета выборча»*, 30 апр. — 1 мая)

■ С 1 мая гражданам государств ЕС уже не нужно получать разрешение, чтобы купить в Польше участок под строительство. По данным министерства внутренних дел и администрации, в прошлом году такие

разрешения получили 106 иностранцев: 49 немцев, 14 англичан, 10 австрийцев, по 7 французов и шведов. (*«Жечпосполита»*, 27 апр.)

■ Пять лет Польши в ЕС — сравнение экономических показателей Польши в 2004 и 2008 гг.: ВВП (в млрд. зл.) — 925 и 1266; ВВП на душу населения (в тыс. евро) — 9 и 13,5; прямые иностранные инвестиции (в млрд. евро) — 10,2 и 11,2; безработица — 19% и 9,5%; экспорт (в млрд. евро) — 65,9 и 114,6; импорт (в млрд. евро) — 70,3 и 139,3. Данные предоставили ГСУ и Польский национальный банк. (*«Политика»*, 25 апр., вкладыш *«Польша в ЕС. Первые 5 лет»*, а также опровержение в *«Политике»*, 2 мая)

■ Согласно опросу ГфК «Полония», «52% поляков самым большим достижением последних 20 лет считают вступление в ЕС. Кроме евроинтеграции, мы высоко ценим создание свободного рынка (28% респондентов) и появление больших частных фирм (24%). Немного меньше опрошенных назвали также работу в Польше многочисленных иностранных фирм (...) Каждый четвертый поляк считает достижением возможность купить любую валюту. Для каждого десятого успех — это частные школы, вузы, банки, поликлиники». (*«Жечпосполита»*, 4 мая)

■ Согласно опросу ГфК «Полония», 77% поляков довольны членством Польши в ЕС. 55% хотят, чтобы в Евросоюз вступила Украина, 39% высказываются за вступление в ЕС Хорватии, 31% — Белоруссии, а 27% — Турции. Членство в ЕС Грузии поддерживают 17% опрошенных, Сербии — 16%, России — 15%, Македонии — 13%, Черногории — 11%. (*«Жечпосполита»*, 29 апр.)

■ Бывший президент Польши Александр Квасневский: «Как это расценивать? Польша подписала Лиссабонский договор, но не ратифицирует его. Хочет участвовать в европейских проектах, но критикует европейские прогнозы (...) Устраивается большое празднество с приездом премьеров нескольких стран, но проходит оно на фоне подожженных шин. Сначала эти премьеры слушают выступление Леха Валенсы на тему Европы, а на следующий день видят его фотографию с выступления на конгрессе антиевропейской партии «Либертас». (*«Пшеглэнд»*, 17 мая)

■ «Евросоюз торжественно открыл программу «Восточное партнерство», направленную на сближение с шестью бывшими республиками СССР: Украиной, Белоруссией, Молдавией, Грузией, Арменией и Азербайджаном (...) Польско-шведскую инициативу удалось реализовать в рекордные сроки — премьер-министр Дональд Туск изложил и представил ее на саммите в Брюсселе меньше года назад». (*«Жечпосполита»*, 8 мая)

■ «По официальным правительственным данным, в 2004-2008 гг. из Польши уехало на заработки более 2,2 млн. человек (...) Больше всего поляков выехало в Великобританию, Германию и Ирландию (...) В Польше наиболее ощутимым последствием массовой эмиграции стало снижение безработицы. За менее чем четыре года она упала с 20 до менее 10% (...) Из данных польского Нацбанка следует, что в 2004-2008 гг. эмигранты переслали в Польшу около 80 млрд. злотых. Для нашего ВВП, намного превышающего 1 триллион, 100 млрд. — это немного, но эти деньги помогли ограничить зоны нищеты в восточных районах страны, наиболее страдающих от безработицы. Они также значительно подстегнули потребление, благодаря чему содействовали росту ВВП». (*Томаш Доминьяк, «Польша»*, 27 апр.)

■ «Экономическое замедление и растущая безработица привели к тому, что мы начали ограничивать затраты на потребление. По данным ГСУ, в марте мы купили на 0,8% меньше товаров, чем год назад». (*«Польша»*, 28 апр.)

■ «Растет количество «плохих» кредитов (...) В случае домашних хозяйств число кредитов, находящихся под угрозой, выросло на 25% (с 10,4 млрд. до 13,1 млрд. злотых). В секторе задолженности по предприятиям рост составил 12,4% (с 12,2 до 13,7 млрд. злотых)». (*«Жечпосполита»*, 15 апр.)

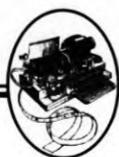
■ «Только в январе и феврале в Польский долговой реестр было внесено 50 тыс. имен (...) В течение первых двух месяцев этого года сумма непокрытых банковских задолженностей выросла более чем на 1,3 млрд. злотых. Это в три раза больше, чем за тот же период 2008 года». (*«Дзенник»*, 27 апр.)

■ «В первом квартале 2009 г. в Польше зарегистрировано 105 банкротств. Это на 11% больше, чем год назад (...) Обанкротились главным образом фирмы из отрасли производства и услуг». (*«Впрост»*, 3 мая)

■ «По расчетам министерства финансов, в апреле инфляция выросла до 3,9% (с 3,6% в марте) (...) Инфляцию подстегивают в основном растущие цены на продукты питания (...) Выросли и цены на горючее (...) Немного дороже обойдется теперь отдых, обустройство квартиры, пресса и связь». (*«Дзенник»*, 5 мая)

■ «Министр труда Иоланта Федак сообщила, что уровень безработицы снизился с 11,2% в марте до 11% в апреле». (*«Дзенник»*, 1 мая)

■ «Поразительные успехи польской экономики: в марте промышленное производство было всего на 2% ниже, чем год назад (...) Так что по сравнению с остальной Европой мы лидируем.

В феврале (более свежих данных пока нет) производство в ЕС снизилось на 17,5%. А в Германии оно упало на 20,6%». («Дзенник», 6 апр.)

■ Проф. Станислав Гомулка: «В марте этого года у нас было на два рабочих дня больше, чем год назад. ГСУ подсчитало, что с учетом этого фактора производство упало почти на 11%». («Дзенник», 21 апр.)

■ **«Министерство финансов без труда продало десятилетние облигации (...) После неудачных торгов правительственными облигациями Италии и Великобритании продажа польских правительственных бумаг при троекратно более высоком спросе инвесторов — это успех (...) Вместо запланированных 1,5 млрд. злотых объем продаж составил почти 5 миллиардов, поэтому организованы дополнительные торги». («Жечпосполита», 9 апр.)**

■ «По данным ГСУ, прошлогодний дефицит сектора правительственных и местных учреждений достиг 49,5 млрд. злотых, т.е. 3,9% ВВП. Это на 11 млрд. больше, чем допускают маастрихтские критерии (...) Согласно критериям вступления в зону евро, дефицит не может превышать 3% объема экономики, т.е. в Польше — 38 млрд. злотых». («Дзенник», 23 апр.)

■ **«Начиная с 2004 г. продовольствие стало нашим основным экспортным товаром. В 2004 г. на рынки ЕС было продано около 70% экспортируемых нами продуктов питания, а в 2008 г. эта цифра выросла до 90% (...) Если еще в 2002 г. с польских конвейеров сошло менее 300 тыс. автомобилей, то в 2008 г. их было 864 тысячи (...) Более 90% этой продукции идет на экспорт (...) Еще в 2003 г. польский ВВП составлял 43% средней по ЕС, а в 2008 г. достиг уже 51%». («Польска», 29 апр.)**

■ «Через пять лет в Польшу придет первое судно со сжиженным газом. Польская нефтегазовая компания (ПНГК) подписала договор с катарским концерном (...) До 2014 г. мы будем получать по 1 млн. тонн сжиженного газа (LNG) в год. Это означает, что после регазификации в проектируемом газопорте близ Свиноустья к польским потребителям будет поступать около 1,6 млрд. кубометров катарского топлива в год. В настоящее время спрос на газ в Польше составляет около 13,5-14 млрд. кубометров в год». («Жечпосполита», 16 апр.)

■ **«Вчера участники консорциума, планирующего строительство газопровода из Норвегии в Швецию и Данию, приняли решение о приостановке этого проекта (...) После краха «Сканледа» у Польши осталась лишь одна инвестиция, дающая шанс на поставки нероссийского газа, — газопорт». («Жечпосполита», 30 апр. — 1 мая)**

■ «В последнем рейтинге инвестиционной привлекательности компании «PricewaterhouseCoopers» наша страна поднялась с 15-го места на 5-е. В списке 20 государств нас опережают лишь четыре — Чили, Болгария, Малайзия и Китай. Всё более высокие оценки Польши связаны с низким инвестиционным риском (...) Нас выгодно отличает большой рынок труда, стабильная политическая ситуация и членство в ЕС (...) Но приток инвестиций ограничен кризисом. Уже в прошлом году он уменьшился с 16,6 до 12 млрд. евро (...) В 2008 г. 834 менеджера из 43 стран, опрошенных аудиторской компанией «Ernst & Young», назвали Польшу лучшим в Европе местом для инвестиций». («Жечпосполита», 30 апр. — 1 мая)

■ **«Согласно вчерашнему прогнозу Еврокомиссии, в этом году польская экономика сократится на 1,4% (...) Дефицит государственных финансов достигнет в этом году 6,6% ВВП, а в будущем — 7,3% (...) «Прогноз Еврокомиссии ошибочен. Мы предвидим в этом году экономический рост», — утверждает министр финансов Яцек Ростовский (...) Даже если бы Еврокомиссия была права, то и так на фоне других стран мы выглядим очень хорошо. Экономика Германии сократится на 5,4%, а Ирландии — на 9%». («Польска», 5 мая)**

■ «В октябре МВФ прогнозировал, что экономика Польши вырастет в этом году на 3,8%. В январе Еврокомиссия говорила о 2% роста, в марте Всемирный банк — о 0,5%, в апреле МВФ предсказывал падение на 0,7%. Наконец, в понедельник Еврокомиссия сообщила, что наша экономика сократится на 1,4%. Очевидно, не только наш министр финансов был слишком оптимистичен в своих прогнозах, предсказывая рост сначала на 4,8%, потом на 3,7% и наконец — на 1,7% (...) Гораздо опаснее прогнозируемого сокращения экономики — рост дефицита государственных финансов. По мнению Еврокомиссии, он достигнет 6,6% в этом году и 7,3% в будущем, по мнению же министра Ростовского — 4,6% (...) Так или иначе, нас ждет несколько лет высокого уровня безработицы и роста фискальной нагрузки». (Рышард Хольцер, «Тыгодник повшехный», 10 мая)

■ **«По мнению Европейского банка реконструкции и развития, в этом году ВВП Польши не изменится, а будущем вырастет на 0,8%. Это самый высокий показатель среди стран Восточной и Центральной Европы, где в 2009 г. экономика сократилась в среднем на 2,9%». («Дзенник», 8 мая)**

■ «Правительство обнародовало свои предложения по бюджету на следующий год. По мнению министерства финансов, в 2009 г. экономика вырастет на 0,5-1,3%, инфляция составит 1,5-1,9%». («Дзенник», 6 марта)

■ «Польские города охватила мода на собственные монеты. Первые (именуемые «мерками») отчеканила в 2006 г. Ястарня. С тех пор ввести собственную валюту решили полтора десятка польских городов — в т.ч. Краков, Познань, Сопот, Мальборк и многие города Силезии. Местные деньги называются по-разному: дукаты, ящeki, талеры, фунты, янтари, цидеры, рыбки, крейцеры, динары. Как правило, эмиссия составляет около 20 тыс. монет. В основном монеты чеканятся из меди, а также, в небольших количествах, из серебра и золота». («Польска», 27 апр.)

■ «В 2008 г. благодаря отчислениям от налогов общественно-полезные организации получили 292 млн. злотых. Жертвователями стали более 5 млн. граждан. В 2003 г. налогоплательщики — около 80 тыс. человек — отчислили от своих налогов около 10 млн. злотых». («Пшеглэнд», 26 апр.)

■ «По данным Института статистики католической Церкви, в 2000 г. на воскресную мессу ходило 47,5% верующих, в 2004 г. — 43,2%, в 2008 г. — 40,4%». («Газета wyborча», 30 апр. — 3 мая)

■ «В 2008 г. в духовные семинарии поступало 695 юношей. Это на 10% меньше, чем год назад. Число кандидатов в священники систематически падает. За последние годы — почти на 40%. Еще в 2005 г. на первый курс в семинарии было зачислено 1145 человек». («Газета wyborча», 29 апр.)

■ ««Transparency International Polska», неправительственная организация, занимающаяся борьбой с коррупцией (...) за несколько десятков тысяч злотых выдает оказавшейся в трудной ситуации фирме сертификаты морали. Выданный «Transparency» сертификат морали — это свидетельство, что фирма функционирует прозрачно и непричастна к коррупции (...) В частности, в 2008 г. за несколько десятков тысяч такой сертификат получил футбольный клуб «Видзев» (Лодзь) (...) Тогда он как раз пытался предотвратить перевод в низшую лигу за коррупционные преступления». («Дзенник», 30 апр.-1 мая)

■ Проф. Януш Чапинский из Варшавского университета: «Сущность общественного капитала — это связь между людьми и способность к сотрудничеству. Его можно измерять уровнем доверия, коррупцией, социальной активностью, развитостью неформальных связей, количеством знакомых, друзей, членством в разных организациях (...) На определенном уровне зажиточности человеческий капитал перестает играть роль — важным становится капитал общественный. Начиная с 2000 г. этот уровень находится где-то между 8 и 10 тыс. долларов ВВП на душу населения.

У нас сейчас он составляет около 7 тысяч. Когда мы перейдем эту отметку, ключом к дальнейшему росту будет уже не то, что каждый носит в себе (образование, здоровье, индивидуальная подготовка), а то, что существует между нами. Слабость общественных связей — недоверие, коррупция, nepotизм, отсутствие неофициальных контактов, замкнутость в своих маленьких мирках — превратится в тормоз необычайной силы. У поляка, который не доверяет никому, кроме семьи, есть на то причины: те, кому он не доверяет, не доверяют ему. В такой атмосфере общиe действия не могут быть эффективны (...) Польша — это страна с одним из самых низких общественных капиталов в мире (...) За 20 лет, в течение которых в Польше исследовался общественный капитал, мы не продвинулись ни на шаг». («Политика», 18 апр.)

■ Ежи Нойман, адвокат: «Уволена [ведущая Польского телевидения] Ханна Лис. Как должна была поступить Ханна Лис, когда ей дали заведомо незаконное распоряжение пустить в эфир объективно ложную информацию? (...) На государственные СМИ возложена миссия (...) Выпускать в эфир ложь — это измена миссии (...) Журналисты не должны стоять перед столь драматическим нравственным выбором (...) Намного более эффективную защиту от патологий дает правильный подбор людей, а не буква закона (...) Разве законодательство виновато в том, что общественной и государственной жизнью все чаще управляют личности, которые ни за что не должны были оказаться на занимаемых ими должностях?» («Газета wyborча», 2-3 мая)

■ «Канцелярия президента закупает доски, гвозди и металлическую сетку, из которых должны быть сооружены три тысячи курятников для грузинских беженцев из Южной Осетии. «Грузинское правительство построило для них дома, а к нам обратилось за помощью в сооружении курятников», — говорит Малгожата Госевская из канцелярии президента». («Впрост», 3 мая)

■ «Согласно опросу ЦИОМа, президента Леха Качинского хвалят 23% поляков, а критикуют 68% (...) Хуже всего о Качинском (хоть он и профессор) думают люди с высшим образованием». («Газета wyborча», 16 апр.)

■ «До президентских выборов остался год. Согласно опросу Института Номо Номини, сегодня 30% избирателей собираются поддержать кандидатуру Дональда Туска, 16% — Леха Качинского, а 14% — Владимира Цимошевича». («Жечпосполита», 11 мая)

■ ««Это был хороший день для польско-российских отношений», — сказал министр иностранных дел Радослав Сикорский о своем визите в Мо-

скую (...) «Обе стороны стремятся к улучшению взаимоотношений, — заверил Сергей Лавров. — В целом мы удовлетворены тем, что, несмотря на сохраняющиеся во многом субъективные трудности, правительство Туска проводит линию на преодоление перекосов в наших отношениях»». (*«Жечпосполита»*, 7 мая)

■ «Помимо деклараций о хозяйственном обмене и энергетическом сотрудничестве, Лавров сообщил также о возобновлении фестиваля русской песни в Зеленой-Гуре. «Это показывает, как важен был этот визит», — улыбается Дмитрий Бабищ». (*«Польска»*, 7 мая)

■ «Российские СМИ: осквернено кладбище советских солдат. «Сгорело несколько венков — вероятно, они занялись от свечей», — объясняет варшавская городская стража». (*«Жечпосполита»*, 11 мая)

■ «Российский МИД протестует против «осквернения кладбища советских солдат в Варшаве» (...) Заявление министерство опубликовало на своем сайте. (...) «Это не был какой-то особо сильный пожар, — сообщила пресс-служба варшавского отделения пожарной охраны. — На двух квадратных метрах сгорело полтора десятка венков. Тушение длилось меньше получаса. С этим справился один пожарный. Серьезных повреждений не зафиксировано. Нет причин подозревать и умышленный поджог». (*«Газета wyborча»*, 12 мая)

■ «Только за первый квартал экспорт в Россию сократился на 40%. Новые, более высокие налоги ограничивают его еще сильнее». (*«Дзенник»*, 11 мая)

■ «Двух российских дипломатов попросили покинуть Польшу. По требованию Варшавы из Польши уехали представители военного атташе, а Москва в ответ выслала двух польских дипломатов, — сообщило агентство Интерфакс, уточняя, что инцидент имел место в конце прошлого года». (*«Тыгодник повшехний»*, 10 мая)

■ «По данным польской Службы военной контрразведки, Алексей К. и Сергей П., два заместителя военного атташе посольства Российской Федерации в Варшаве, создавали у нас сеть платных информаторов, вербовавшихся среди офицеров польской армии (...) Один из офицеров сообщил об этом СВК и был использован в игре с россиянами, создавая видимость сотрудничества». (*«Газета wyborча»*, 7 мая)

■ «В Варшаве есть несколько тайных, обнаруженных много лет спустя тюрем НКВД (...) На ул. Сверцца, 2, в вилле «Ясный дом», содержались, в частности,

ротмистр Витольд Пилецкий и генерал Эмиль Фильдорф (...) Застенки НКВД будут взяты под охрану воеводским инспектором по охране памятников культуры. Среди первых в реестр исторических памятников попадут тюрьмы на ул. Сверцца, 2 и на Стшелецкой, 8, а также на ул. 11 ноября 1968 года». (*Александр Пинкас, «Жечпосполита»*, 28 апр.)

■ Адам Ротфельд: «Согласие в группе по трудным вопросам зависит от визита Путина (...) Российские ученые, входящие в состав группы, руководствуются профессионализмом и известны своей добросовестностью и честностью в этом исключительно болезненном вопросе [катынского преступления]. Мы составили список из 14 трудных проблем. Среди них польско-советская война, вопрос о советских военнопленных, содержащихся в начале 1920-х в нашей стране, репрессии против польского населения в СССР в начале 1930-х, отношение к Коминтерну, нападение Красной армии на Польшу [17 сентября 1939]. Есть и вопросы периода ПНР. Однако важнее всего Катынь. Без выяснения всех фактов и обстоятельств и без предоставления польской стороне документов, касающихся этого преступления, мы не продвинемся дальше (...) Самое главное — что россияне всё еще готовы разговаривать. 26 мая в Варшаве самые знаменитые историки будут говорить о причинах II Мировой войны. На следующий день в Кракове встречается наша группа». (*«Дзенник»*, 15 апр.)

■ «15 лет спустя Легница снова привлекла внимание россиян. На этот раз речь идет не о размещении в городе 50-тысячного военного гарнизона, а об экскурсии и культурном опыте. Благодаря фильму «Малая Россия» Вальдемара Кшистека россияне вспомнили, что в Нижней Силезии есть город, который для многих был самым важным в Центральной Европе (...) Фильм рассказывает о трагической любви жены русского военного к польскому офицеру. Действие происходит в Легнице и основано на подлинных событиях. Ежегодно в день поминовения усопших легничане возлагают цветы и зажигают свечи на могиле Лидии Новиковой, которая предпочла самоубийство разлуке с любимым». (*Томаш Возняк, «Польска»*, 29 апр.)

■ Владимир Гринин, посол России в Польше: «Я мечтаю о создании специальной межправительственной структуры по сотрудничеству польской и российской молодежи по примеру контактов, налаженных между польской и немецкой или французской и немецкой молодежью (...) Международный статус Польши укрепляется, что

естественным образом повышает нашу заинтересованность контактами с вашей страной (...) Необходимо объединять европейскую цивилизацию, к которой я отношу континентальную Европу, Россию и Соединённые Штаты». («Пшеглэнд», 10 мая)

■ «Лех Валенса, Тадеуш Мазовецкий, Вислава Шимборская, три бывших председателя Конституционного суда — Ежи Степень, Марек Сафьян и Анджей Цолль, а также Адам Михник подписали международное обращение с призывом отменить смертные приговоры участникам восстания за независимость в Тибете, вынесенные судами КНР». («Газета wyborча», 24 апр.)

■ Польша решила бойкотировать конференцию ООН по расизму. Причина — заявление президента Ирана, назвавшего Израиль расистским режимом. Польский евродепутат, бывший премьер-министр Ежи Бузек: «МИД принял правильное решение (...) Когда мы защищали права человека в Чечне, то тоже вызвали недовольство России, как теперь мусульманского мира. И всё-таки хорошо, что мы нашли в себе смелость это делать (...) Исторический опыт возлагает на Польшу обязанность занимать такую позицию. Это принципиальные вопросы, за которые мы боремся из поколения в поколение». («Дзенник», 21 апр.)

■ «Несколько тысяч человек собрались вчера в полдень перед памятником Героям гетто, чтобы почтить память участников еврейского восстания, начавшегося 66 лет назад. Делегации канцелярии президента, правительства, властей Варшавы, посольства Израиля и ветеранских организаций под барабанный бой возложили к памятнику венки. Лишь после них к монументу подошел Марек Эдельман, последний оставшийся в живых руководитель восстания в варшавском гетто (...) Восстание вспыхнуло 19 апреля 1943 года (...) В борьбу включились около 800 повстанцев из Еврейской боевой организации и Еврейского военного союза (...) Бои в гетто продолжались до 16 мая. Их символическим концом стал взрыв Большой синагоги. По немецким данным, погибло около 7 тыс. евреев, а 6 тысяч погибли в пожарах и под развалинами домов. Еще 50 тысяч были вывезены в лагерь смерти». («Газета wyborча», 20 апр.)

■ «Краковский Ягеллонский университет (старейший в Польше) присвоил Мареку Эдельману титул почетного доктора за «защиту непреходящих ценностей — добра, правды и свободы, а также за возвращение веры в способности и силы человека». Университет отдал должное и его научным достижениям в области кардиологии и рака груди». («Газета wyborча», 30 апр. — 1 мая)

■ «Американцы почтили память Ирены Сендлер (...) В воскресенье на канале Си-Би-Эс пройдет премьера американского фильма «Miss Irena's Children» режиссера Кента Харрисона — о польской сотруднице содействия, спасшей 2,5 тыс. еврейских детей из варшавского гетто». («Жечпосполита», 18-19 апр.)

■ «Торжества по случаю 200-летия со дня смерти полковника Берко Йоселевича организовал в Польше посол Франции Франсуа Барри Лоншан (...) Во время восстания Костюшко происходящий из еврейской семьи торговцев лошадьми Берко Йоселевич (...) создал еврейский легион (...) Потом он сражался во французской армии под Аустерлицем, а также участвовал в кампании 1807 года. Погиб 8 мая 1809 г. под Коцком в кавалерийской атаке на австрийских гусар. Йоселевич был кавалером польского ордена «Virtuti Militari» и французского ордена Почетного легиона». («Газета wyborча», 21 апр.)

■ «Молодые евреи прошли от ворот бывшего лагеря Аушвиц I до Аушвица II-Биржанау. «Марш живых» в память о миллионах евреев, убитых немецкими нацистами во время II Мировой войны, прошел в 18-й раз. В нем участвовали 7 тыс. молодых людей, в т.ч. 1 тыс. поляков». («Жечпосполита», 22 апр.)

■ ««Молодые израильтяне не совсем понимают, почему в Польше они должны находиться под вооруженной охраной. Значит, с ними может что-то случиться? Их инструктируют, что нельзя выходить на улицу в футболках с еврейскими буквами и говорить на своем языке в публичных местах», — говорит Яцек Олейник из Музея истории польских евреев, организатора встреч ровесников из Израиля и Польши». («Газета wyborча», 16 апр.)

■ «Результаты опроса, проведенного Центром исследования Катастрофы Ягеллонского университета (...) Мнение, что евреи якобы имеют слишком большое влияние на то, что происходит в Польше, встречается всё реже. Под ним подписываются 15% 18-летних поляков, а еще десять лет назад речь шла о трети респондентов. Лишь 8% опрошенных согласны с утверждением, что многие польские политики имеют еврейское происхождение (...) 55% молодых, то есть на 33% больше, чем в 1998 г., не считают, что меньшинства могут приносить вред Польше (...) Однако некоторые ответы озадачивают. 15% 18-летних согласны с утверждением, что на современных евреях лежит вина за смерть Христа на кресте. Десять лет назад таких было лишь 8,5%». («Жечпосполита», 16 апр.)

■ «Польские цыгане — одно из самых дискриминируемых в ЕС меньшинств, считает Европейское агентство по защите основополагающих прав (...) 48% польских цыган считают, что в течение последнего года столкнулись с дискриминацией. 70% из них уверены, что расовая дискриминация в Польше повсеместна. 28% утверждают, что стали жертвой нападения или угроз на расовой почве. 53% — что, опасаясь дискриминации, они избегают некоторых мест». («Газета выборча», 23 апр.)

■ «10 марта в белостокской торговой галерее «Бяла» трое мужчин среди бела дня напали на шведку кубинского происхождения, студентку местного Медицинского университета. Причиной оказался цвет кожи — более темный, чем у среднего жителя Белостока (...) Это произошло на глазах у всех и перед камерой наблюдения галереи — при полном равнодушии покупателей, продавцов и охраны». («Газета выборча», 18-19 апр.)

■ «Белостокский суд арестовал на месяц 17-летнего подростка, которого подозревают в избиении чернокожего гражданина Франции (...) В четверг они с группой приятелей напали на остановке на 34-летнего француза и стали его избивать». («Жечпосполита», 4 мая)

■ Михаэль Шудрих, главный раввин Польши: «Всегда есть какие-то отщепенцы, ненавидящие евреев, негров (...) Общественная проблема — не столько само по себе такое поведение, сколько ситуация, когда зло не уравновешивается добром. Когда один человек говорит что-то недостойное, а другие молчат». («Газета выборча», 9-10 мая)

■ «Начиная с 2007 г. Европейский суд по правам человека вынес семь приговоров, в которых констатируется нарушение прав человека в ходе люстрационных процессов». («Пшеглэнд», 10 мая)

■ «Директор варшавского зоопарка Анджей Крушевич защищает слона Нино, которого депутат от ПиС Михал Гжесь обвинил в гомосексуализме (...) В пятницу в познанском зоопарке на открытии нового современного слоновника Крушевич публично объявит, что слон Нино — не гей. «Надеюсь, что тогда депутат ПиС отстанет от животного», — говорит Крушевич». («Дзенник», 23 апр.)

■ «До 2014 г. во всех странах ЕС на всех продовольственных продуктах вводятся этикетки, информирующие о том, что до привоза на бойню животное содержалось в гуманных условиях (...) На нашем рынке уже имеются яйца, помеченные в соответствии с условиями разведения кур. Покупая, мы можем выбрать яйца кур, разводимых в более гуманных условиях. Яйца №0 — из

экологических хозяйств, №1 означает, что куры ходят на открытом пространстве, №2 — что их содержат в закрытом помещении, №3 — что они живут в клетках». («Впрост», 17 мая)

■ «На Хельском полуострове 24-летний житель Ястарни утонул в Балтийском море, пытаясь спасти свою собаку». («Дзенник», 24 апр.)

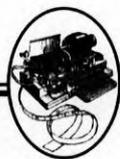
■ «С 90-х годов популяция стрижей уменьшается, а главная причина этого — ремонтные и термоизоляционные работы (...) В Варшаве организации по охране птиц добились того, что для получения кредита на подобные инвестиции инвестор обязан предоставить экспертизу орнитолога. Однако выполнение его рекомендаций уже никого не интересует (...) В Варшаве истреблены огромные поселения стрижей в спальных микрорайонах в Стегнах, Урсынове, Садыбе, Чернякове, Таргувеке. Сигналы об уничтожении мест их гнездования поступают со всей Польши». (Иоанна Подгурская, «Политика», 25 апр.)

■ «Когда стрижи возвращаются в Польшу, они пытаются попасть в свои старые гнезда — бывает, целыми днями висят, прицепившись к тем местам, где когда-то были их гнезда. Иногда самок с птенцами замуровывают, обрекая на медленную смерть. Ведь стрижи устойчивы к голоду, они могут прожить без еды не несколько дней, как другие птицы, а несколько недель. Анджей Крушевич утверждает, что они умирают до 7 недель». (Адам Вайрак, «Газета выборча», 12 мая)

■ «По всей Польше началось весеннее выжигание травы — один из самых глупых и жестоких польских обычаев. От поджогов, которым нет никакого хозяйственного оправдания, на лугах гибнут тысячи животных (...) Известно, что потери огромны. Зайцам, ежам, множеству птиц, ящериц, змей, косуль не удастся спастись при пожаре, температура которого достигает нескольких сотен градусов (...) Лишь в 2008 г. зафиксировано 102 пожара леса, занявшегося от сельскохозяйственных угодий. Сгорело 65 гектаров леса». (Якуб Хелминский, «Дзенник», 14 апр.)

■ «Почти по всей Польше в лесах введен третий уровень пожароопасности. В леса позволено входить исключительно лесникам. За нарушение запрета грозит штраф до 500 злотых. Только за последний месяц в польских лесах вспыхнуло более 600 пожаров». («Дзенник», 2-3 мая)

■ «На территории Мазовии (...) расположено 184 тыс. гектаров государственных лесов (...) В прошлом году в них собрано около 7 тыс. тонн мусора. Его вывоз и утилизация обошлись в 1,2 млн. злотых. В прошлом году только в одной

Варшаве на уборку 7 тыс. гектаров леса город потратил 500 тыс. злотых. А в этом году сумма достигнет 800 тысяч. Строительно-ремонтные предприятия вывозят в леса строительный щебень, обломки блоков, банки из-под краски, остатки арматуры. Обычные граждане, не желая платить за вывоз мусора, выбрасывают в лес целые багажники пакетов с мусором (...) Каждый

хозяин квартиры или дома обязан подписать договор с мусороуборочным предприятием (...) Таких договоров не имеют около 20% владельцев варшавской недвижимости, то есть более 19 тыс. домов и квартир (...) Они не подписывают договоров, вывозят мусор в лес, и их за это не преследуют и не наказывают». (Доминика Ольшевская, «Газета wyborcza», 8 мая)

К 20-летию ВЫБОРОВ 4 ИЮНЯ 1989 ГОДА

По случаю двадцатилетия свободных выборов, в результате которых Польша обрела свободу, варшавский музей литературы организовал выставку «Чудесные годы. Музыка, поэзия, живопись. 70-е – 80-е годы». В буклете написано: «Мы стремимся взглянуть на то трудное время сквозь призму музыки, поэзии, живописи, а также увидеть его глазом фотообъектива. На выставке представлено около 100 выдающихся произведений живописи, скульптуры, графики из музеев и частных коллекций и столько же документальных снимков, выполненных выдающимися польскими фотографами».

Из числа показанных на выставке работ мы публикуем знаменитую фотографию Эразма Цёлека, на которой запечатлены ворота Гданьской судовой верфи во время забастовки 1980 года. Прекрасным дополнением к ней будет стихотворение о Януша Станислава Пасерба.

Януш Станислав Пасерб

МОЛИТВА

О Авраам идущий из Ура к далёкому Городу
о Моисей ты прошедший сорок пылающих лет
между людским отчаянием и суровой любовью Бога
патриархи бредущие через пустыню к обетованию
молитесь за нас
дабы мы пережили Массу и Мериву
и не возлюбили спокойной неволи

Перевод Андрея Базилевского

Мартин Войцеховский

ДАТЬ РОССИИ ШАНС

Удивительное дело: когда Обама протягивает руку России, его поддерживают в этом французы, немцы и итальянцы, а в Польше оживают страхи, что Запад в очередной раз нас предаст. Сегодня Запад — это и мы.

Я недавно разговаривал с двумя русскими — оба они решительно в оппозиции к властям в Кремле, но, несмотря на это, очень по-разному смотрят на сегодняшнюю Россию. Первый — это известный правозащитник Лев Пономарев, избитый на прошлой неделе в Москве. Его можно встретить на любом антипутинском митинге. Он протестовал против войны в Чечне, против репрессий в отношении нефтяного короля Михаила Ходорковского, требовал отыскать убийц журналистки Анны Политковской. В прошлом году осмелился протестовать против российской агрессии в Грузии, постоянно протестует против вытеснения оппозиции из политики, затыкания рта прессе и запретов на уличные демонстрации демократов.

В последнее время Пономарев ведет кампанию под лозунгом «Нет концентрационным лагерям в Европе!» — за улучшение ситуации в российских тюрьмах и исправительных колониях. Фотографии, свидетельствующие о страшном положении в российских тюрьмах, говорят сами за себя. Но это одна сторона медали. Потому что при этом Пономарев говорит о России то, что необычайно интересно и неоднозначно: «В России уже нет тоталитаризма, а лишь авторитаризм, да и то довольно мягкий».

» Разные России

Всё зависит от региона, конкретного губернатора, начальника тюрьмы, начальника милиции. Есть гуманные, старающиеся что-то исправить, а есть такие, кто ведет себя хуже, чем во времена Брежнева.

Пономарев признаёт, что нет общей закономерности, что не везде плохо. Есть регионы, в которых удается разговаривать с властью.

Вот такая Россия. Словно одна и та же, но разная. В конце концов, это самая большая страна в мире. Смотреть на нее сквозь призму почти что западной Москвы и Петербурга — это ошибка. А с другой стороны, Россия — это не только ущемление прав человека в Чечне и телевидение, целиком подчиненное Кремлю.

Соратница Пономарева Татьяна Рудакова рассказывает, что власти в некоторых регионах даже благосклонно смотрят на деятельность правозащитников. Часто они не могут официально помочь, чтобы не конфликтовать с местным начальством милиции, прокуратуры или ФСБ, но хотя бы не мешают. То есть в российском монолите путинизма есть дыры, и довольно большие. Проблема в том, что иногда их трудно заметить, а чаще мы, пожалуй, просто не хотим их видеть. «Правозащитники в определенном смысле стали частью этой системы. Власть начала нас терпеть, принимать наше существование, но это не значит, что она нас слушает или тем более считается с тем, что мы говорим», — говорит Пономарев.

» Ничего здесь не меняется?

Мой второй собеседник — это Виктор Суворов, живущий ныне в Великобритании, автор популярных исторических книг, когда-то резидент советской военной разведки ГРУ в Женеве, который в 70-е годы перешел на сторону Запада. Он утверждает, что Медведев ничего не может сделать, потому что сознательно согласился с ролью марионетки в окружении Путина. «По правде говоря, за это я еще меньше уважаю Медведева, чем Путина, — говорит Суворов. — Путин сформирован КГБ и не может быть другим. А Медведев — интеллигентный, образованный, видел мир, но при этом осознанно принял роль куклы».

Вместе с тем Суворов считает, что агрессивная, националистическая риторика Кремля и части российской элиты — это блеф. На самом деле их интересуют деньги, вывоз капитала на Запад, размещение нажитого в безопасном месте, вне досягаемости российской казны или ФСБ, обучение детей в

престижных западных школах — словом, обустройство собственной жизни. «Я не верю в угрозу новой гонки вооружений, потому что деньги, идущие в России на вооружение, где-то исчезают, — говорит Суворов. — Наши олигархи покупают зарубежные футбольные клубы, яхты, виллы, но не построили ни одного моста, больницы или кусочка дороги в России. Наша элита действует не как патриоты, а как колонизаторы. С такой ментальностью нельзя вести гонку вооружений».

С одной стороны, это правда. Самый крупный филантроп из российских олигархов, Михаил Ходорковский, уже шесть лет сидит в тюрьме. Он поддерживал не то, что власти считали приоритетным. А с другой стороны, русская угроза реальна, ведь прошлогодняя война с Грузией не была фиктивной. В ней не применялось, возможно, суперсовременное оружие, это не был шедевр военного искусства, но при всем при том Россия первый раз после распада СССР решилась использовать армию за пределами своих границ. Поэтому Суворов считает, что попытки диалога Запада с Россией — это как разговор мышки с кошкой: рано или поздно кошка набросится и сожрет мышку, ибо такова кошачья природа.

» Не так страшна Россия

Вопрос, чью точку зрения принять. Пономарева, видящего ситуацию во всей сложности, или Суворова, ставящего однозначный, простой диагноз. Польскому мироощущению ближе взгляд Суворова. Может, мы уже и не боимся России как агрессора, который непосредственно на нашу страну нападет, но опасаемся ее — и по историческому опыту имеем к тому основания. Война в Грузии, интернет-атака на Эстонию, когда там демонтировали памятник советскому солдату в Таллинне, или недавняя газовая война с Украиной показывают, что поводы для опасений существуют, а наши фобии — это не навязчивая идея.

Есть ли по ту сторону нечто, что успокоит наши страхи, продемонстрировав, что сегодняшняя Россия качественно другая, чем во времена Брежнева, Андропова или даже раннего Горбачева? Есть ли нечто, что можно признать очевидным успехом российских перемен после 1991 года?

По-моему, это «нечто» — российский стиль жизни. Русские могут сегодня (т.е. приблизительно со времени краха СССР), в первый, пожалуй, раз в истории, сами формировать свою частную жизнь. Государство перестало навязывать, каким ты должен быть, какие иметь взгляды, какие ценности исповедовать. Конечно, если ты хочешь сделать карьеру государственного чиновника, здесь все далеко не так. Но даже если ты государственный служащий, то в частной жизни полностью свободен. Нам это может показаться смешным, потому что даже в условиях ПНР можно было позволить себе определенную свободу духа, внутреннюю эмиграцию, частичную интеллектуальную или моральную свободу. В советской России не то чтобы это было совершенно невозможно, но несказанно труднее, чем в коммунистической Польше.

Высокий рейтинг команды Путина и Медведева вовсе не обеспечен тем, что русские органически не способны к демократии, как утверждает часть польских и не только польских исследователей с Ричардом Пайпсом во главе. В самой России, самим русскими, последние десятилетия видятся как период относительной стабильности, процветания, сопряженный с чувством безопасности, возрождением национальной гордости, уязвленной распадом СССР. Одновременно сохраняется невероятно широкое — во всяком случае, с точки зрения среднего гражданина — поле свободы, какой не знали, как минимум, несколько поколений. Для русских то, что произошло после 1991 г., — это действительно революционное изменение, и этого не затмевает регресс прав и свобод в период правления Путина. Важно, что можно иметь заграничный паспорт, дающий возможность ездить по всему миру, если только есть деньги, что можно безнаказанно обогащаться и открыто тратить, вполне легально повышать свой материальный уровень. Что места, в которых можно предаваться блаженству потребительства и западного образа жизни, находятся уже не только за западной границей и на страницах запретных журналов, а рядом.

Когда в 2003 г. я стал корреспондентом «Газеты выборчей» в России, то, хотя часто раньше бывал в этой стране, все же очень опасался, что должен буду поменять стиль жизни, что буду делать покупки не в гипермаркетах, а на сермяжных базарах и в грязных магазинах, где сначала платишь в кассу, а потом получаешь покупки у прилавка (как это было в СССР), что буду отрезан от развлечений вроде кегельбана, похода в ресторан или просмотра более или менее нового западного фильма. Я боялся, что поездка в Россию, пускай сама по себе чрезвычайно интересная, лишит меня возможности проводить время так, как я привык в Польше в 90-е годы. Ничего подобного. В том и состоит русская революция последних двадцати лет, что из «иног мира», которым с любой точки зрения СССР был еще в 80-е

годы минувшего века, русские попали в водоворот глобальной и рыночной массовой культуры. Ее можно назвать дешевой, возмущаться ее уравнилительной мелкотравчатостью, но в ней есть место и элитарности, индивидуализму, поиску самовыражения, что русские неустанно пробуют делать. Этот процесс затронул уже не только Москву и Петербург, но и периферию — прежде всего, понятно, богатые регионы. 35 самых крупных российских городов, насчитывающих свыше миллиона жителей, более напоминают Запад, чем прежний советский Восток. Русская политика и ментальность заметно отстают от изменившегося стиля жизни, но все же есть надежда, что это когда-нибудь изменится. И это не только мое личное суждение. «России нужно время. Это бредни, что мы не способны к демократии. Просто это продлится дольше. Может, 15, 20, а может, и 25 лет», — объяснял мне когда-то Григорий Явлинский, бывший лидер либеральной партии «Яблоко».

Бывший советник премьера России, известный экономист Михаил Делягин восхищался в конце 90-х китайской моделью развития. Он убеждал, что это намного лучше для России, чем либеральный капитализм. Так, впрочем, считала значительная часть российской элиты, восхищенная тем, что можно осуществлять хозяйственную трансформацию, не утрачивая власть и не меняя политических правил игры. Делягин отправился по гранту в Китай. По возвращении я спросил его, восхищается ли он по-прежнему китайской моделью. «У нас это не пройдет», — услышал я в ответ. — «Почему?» — «Наше общество не такое, как китайское», — ответил Делягин.

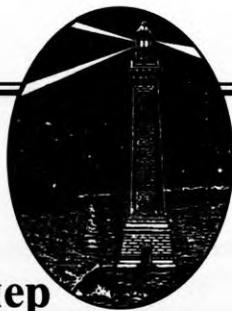
Можно считать, что по сравнению с нами и с западным миром русские иначе ведут себя по отношению к государству, они более покорны, менее смелы. Но им далеко и до обществ, готовых принять «казарменный капитализм», как китайцы или корейцы. И мы должны это учесть. Есть шанс, что западный образ жизни быстрее изменит сознание и потребности русских, чем китайцев.

А заявления, что только мировой хозяйственный кризис изменит Россию, — это, как минимум, наивность. Конечно, кризис заставит смягчить риторику, но этого мало для реальных перемен, необходимо переосмысление целей. А оно произойдет только тогда, когда российская элита захочет решительно сделать ставку на Запад, потому что сочтет это выгодным. Давайте, умудренные ошибками 90-х годов, создадим такую ситуацию.

» Открытая Россия — это не утопия

Поэтому меня и удивляет, что, когда новый президент США протягивает руку России и его в этом поддерживают французы, немцы и итальянцы, в Польше оживают страхи, что Запад в очередной раз нас предаст, что-то решит за нашей спиной, поступит с нашими интересами. Сегодня Запад — это и мы. Быть может, рождается шанс помочь России сделать выбор, на который она не может решиться со времен распада СССР. С точки зрения образа жизни она уже стала Западом. Скептики скажут, что им стали и мегаполисы в Китае, но это не влияет на демократизацию Среднего царства. Русских, однако, намного меньше, и Россия в большей мере укоренена в европейской культуре, чем Китай, что парадоксальным образом легко наблюдать, двигаясь к востоку от Москвы. Возможно, под воздействием жестов Обамы российские элиты после 20 лет реформ задумаются, выгодно ли им углубить изменения последних лет или остаться при видимости демократии и руководимом государством свободном рынке — в надежде, что через какое-то время снова вырастут цены на сырье. Правда, по прогнозам экспертов, действительно вырастут, поэтому времени у нас не так много. Нефтяное Эльдorado снова позволит Москве ни с кем не считаться.

Россия, тесно сотрудничающая с США и Западом, не сможет оставаться такой, как сегодня, не сможет оставаться только видимостью демократии, не сможет вести себя так, как в прошлом году в Грузии или недавно на Украине. Россия, более тесно связанная с Западом, автоматически станет более дружественной к Польше и другим своим соседям. А если предложение Обамы будет отвергнуто или Россия не захочет вести честную игру, то Запад, в том числе и Польша, скорректирует свою политику. Мяч сегодня на половине русских. В наших долгосрочных интересах начать эту игру, а не высказывать опасения, когда игра еще не началась.

Тереса Черневич-Умер

ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ БИБЛИОТЕК

23 апреля, как раз в тот момент, когда отмечался Всемирный день книги, в варшавской Национальной библиотеке состоялось торжественное открытие Программы развития библиотек, проводимой в жизнь Польско-американским фондом свободы и Фондом развития информационного общества (ФРИО) в сотрудничестве с Фондом Билла и Мелинды Гейтсов. В церемонии приняли участие, в частности, министр Михал Бони — глава постоянного комитета совета министров, Петр Жуховский — государственный секретарь в министерстве культуры и национального наследия, а также ответственные сотрудники министерства науки и высшего образования и министерства внутренних дел и администрации наряду с представителями органов местного самоуправления и библиотечного сообщества со всей Польши.

Директор Национальной библиотеки Томаш Маковский подчеркнул, что официально открываемая программа откликается на многочисленные требования и пожелания сообщества библиотечных работников: «Она создает шанс для библиотек, особенно тех, которые находятся в достаточно мелких населенных пунктах. Сильная библиотека — это высокий интерес к печатному слову. А высокий интерес к печатному слову — это компетентное общество».

О деталях и особенностях программы говорили Ежи Козьминский, президент Польско-американского фонда свободы, и Яцек Войнаровский, президент ФРИО и вместе с тем руководитель всего проекта.

Программа развития библиотек нацелена на публичные библиотеки во всех сельских и сельско-городских гминах, а также в тех городских гминах, где число жителей не превышает 20 тысяч. Она будет осуществляться в 2009-2013 гг. и охватит 3350 библиотечных учреждений в 1120 гминах. Программа, на осуществление которой предусмотрен бюджет в размере 32 млн. долларов, предполагает, в частности, систему обучения библиотекарей, компьютерное и телекоммуникационное оснащение библиотек, укрепление библиотечной системы, поддержку информационных и агитационных кампаний.

Редакция

■ ■ ■

...Пани Мария просматривает в Интернете журнал «Порадник домовый» («Домашний справочник»), потому что его покупка в киоске слишком обременительна для семейного бюджета, а в очереди ждет пан Петр, которому нужно распечатать формуляры налоговой декларации и заполнить их дома в спокойной обстановке, после чего отправить бланки по почте вместо того, чтобы ехать со всеми бумагами в инспекцию. Четырнадцатилетний Войтек роется в книгах, но, едва компьютер освободится, тут же проверит в Интернете, где еще он может поискать данные для своего доклада. Пани Ивонка договорилась прийти вечером, чтобы без суеты поговорить по Скайпу со своим братом, который уже год работает в Ирландии. Где это все происходит? В гминной библиотеке, спустя несколько лет.

Писать о планах и проектах, даже самых ценных, всегда несколько рискованно. Нет никакой гарантии, что их осуществление пройдет без помех или вносимых по ходу дела изменений, да и конечный эффект может отличаться от первоначально предполагавшегося. С другой стороны, хорошие замыслы стоит распространять независимо от этапа их внедрения, чтобы тем самым подсказывать предложенные решения другим лицам, заинтересованным данной областью. Из этих соображений изложим здесь исходные предпосылки и первые результаты внедряемой в Польше Библиотечной программы (БП), которая дает большой шанс публичным библиотекам в малых населенных пунктах, позволяя им превратиться из традиционных хранилищ книг в современные культурные центры, не только предлагающие пользоваться книжным фондом, но еще и вдохновляющие местную общественность на поиски информации и знаний при помощи современных средств коммуникации.

БП — это идея Билла и Мелинды Гейтсов. Билл Гейтс, соучредитель фирмы «Микрософт», и его жена, желая израсходовать часть своего гигантского состояния на благородные цели, учредили крупный фонд, у которого имеется несколько сфер деятельности — США, Всемирная программа здоровья и Всемирная программа развития. В рамках Всемирной программы развития был разработан проект модернизации библиотек, чтобы те могли обеспечивать своим пользователям доступ к новым информационным и коммуникационным технологиям, то есть, говоря кратко, к Интернету.

Эту программу модернизации библиотек Фонд Гейтсов успел внедрить либо сейчас внедряет уже в десяти странах, действуя везде (кроме Польши) в сотрудничестве с их правительствами. Началось всё с компьютеризации и интернетизации свыше 11 тыс. публичных библиотек в США. Затем программой были охвачены Чили (2000), Мексика (2002), Литва (2006), Латвия (2006) и Ботсвана (2006). В каждом из перечисленных государств на протяжении тех нескольких лет, пока там продолжалась программа, было потрачено от нескольких до многих десятков миллионов долларов на финансирование бесплатного доступа к Интернету в публичных библиотеках, а также на необходимое обучение сотрудников и пользователей библиотек. К примеру, в Мексике за 30 млн. долл. модернизировали треть публичных библиотек, а в Латвии — почти 900, иначе говоря, все действующие учреждения такого рода, израсходовав в течение четырех лет немного больше 16 млн. долларов.

В настоящее время ведутся приготовления к осуществлению БП в Румынии, Болгарии, Украине и Польше.

Чтобы реализовать БП в Польше, Фонд Гейтсов начал в 2007 г. сотрудничать с Польско-американским фондом свободы. Это первый случай, когда Фонд Гейтсов действует в одной связке с неправительственной организацией, а не с правительством. С целью претворения этой программы в жизнь Польско-американский фонд свободы учредил ФРИО, чтобы преодолеть различия юридических, бухгалтерских и прочих установлений. И эта организация занимается сейчас разработкой детализированного плана осуществления БП, а затем будет внедрять ее на территории Польши. Всё это предприятие запланировано на четыре года и продлится до 2013-го. ФРИО намерен не ограничиваться пожертвованиями Фонда Гейтсов, а изыскивать средства из других источников, чтобы по мере их нахождения и привлечения включать в БП очередные библиотеки.

Первый этап программы — это продолжающаяся год фаза планирования, которая завершится в марте 2009 года. Ее цель — тщательно изучить положение польских публичных библиотек и их сотрудников, чтобы на основании собранных сведений приспособить программу к местным условиям и специфическим потребностям. Уже проведено много изысканий — качественные и количественные исследования библиотек, библиотекарей, пользователей. Занялись публичными библиотеками — сельскими, сельско-городскими, а также теми из городских, которые расположены в небольших городах, то есть, как правило, в гминах, насчитывающих не более 20 тыс. жителей. Не располагая возможностью помочь всем библиотекам (да и не все они, вероятно, нуждаются в поддержке), фонд решил в первую очередь добраться до самых маленьких, которым требуется доступ к информации и повышение квалификации персонала в области применения новых технических возможностей. Из 8489 польских публичных библиотек 6650 обслуживают жителей деревень и маленьких городков. Это число складывается из 2291 гминной библиотеки и 4359 их филиалов. Библиотечной программой воспользуются примерно три тысячи таких учреждений, то есть около половины. Прежде всего это будут филиалы — наименее современные из библиотечных учреждений.

Качественные опросы, проведенные в 78 гминах, состояли из индивидуальных интервью — с библиотекарями, представителями гминных властей, учителями и лицами, которые активно действуют, к примеру, в добровольной пожарной дружине, гминном центре культуры, церковном приходе или кружке деревенских хозяек — и групповых интервью с жителями. На их основании можно было установить, как функционируют библиотеки в конкретных местных общинах.

Количественные опросы охватили 902 библиотеки, 500 библиотекарей, 1021 сельского жителя и 615 пользователей библиотек. Анализу подверглась деятельность библиотек, их финансирование и оснащение, особенно тем оборудованием, которое дает возможность доступа к Интернету, затем

— статус библиотекарей, их положение в общине и готовность к обучению, далее выяснялись потребности и ожидания жителей, их навыки обращения с компьютером и Интернетом, стандартные способы пользования библиотеками и, наконец, оценка местных библиотек их посетителями.

Персонал ФРИО провел также ряд консультаций с потенциальными партнерами программы, принадлежащими к библиотечному сообществу: директорами воеводских библиотек, руководством Национальной библиотеки и Общества польских библиотекарей, а также с отдельными неправительственными организациями и властями — как на правительственном, так и на муниципальном уровне.

До сих пор во всех странах Библиотечная программа характеризовалась в первую очередь технической ориентацией — велась поставка компьютерного оборудования и программного обеспечения. Между тем оказалось, что в Польше, к удивлению исследователей, с компьютерным «железом» дела обстоят в целом неплохо — по крайней мере в главных библиотеках каждой из гмин (как правило, там действует одна библиотека и один или два ее филиала в других населенных пунктах). Ранее уже проводились какие-то программы модернизации библиотек, и в их рамках туда успели доставить немало компьютерной техники. Выяснилось, что пункты публичного доступа в интернет существуют в 60% библиотек, то есть, вообще говоря, во всех базовых библиотеках, и в 40% филиалов. Однако зачастую эти технические средства оказывались изрядно устаревшими (известно, как быстро стареют компьютеры и программное обеспечение), слаба также оснащенность периферийным оборудованием: например, сканерами располагали 42% обследованных точек, а проекторами — только 3%. Как правило, очень низка также пропускная способность канала для выхода в Интернет — ниже 1 Мб/с.

Зато значительно хуже выглядят «жилищные условия», в которых приходится работать библиотекам. Помещения, как правило, слишком малы с точки зрения реальных потребностей, часто они находятся в зданиях, не приспособленных к проводимой в них деятельности. Целых 30% филиалов лишены туалета. Само собой, программа этого не исправит — обязанности в этой области лежат на местных властях, которые финансируют библиотеки. В ходе опросов было обращено внимание и на то, что в целом библиотечная система слаба. Дело в том, что библиотеки и их филиалы подчиняются местному самоуправлению и не имеют постоянных связей с поветовыми и воеводскими библиотеками. Отсутствует и центральная организация, координирующая работу всех публичных библиотек на всепольском уровне.

Несмотря на эти недостатки и упущения, само по себе создание пунктов публичного доступа к Интернету — далеко не самая насущная потребность сельских общин. В рамках предшествующих программ удалось организовать несколько тысяч таких пунктов, растет и доступность компьютеров и Интернета в домашних хозяйствах: в деревнях уже 44% хозяйств имеют компьютер, однако сетью регулярно пользуется лишь небольшая часть сельских жителей. Огромная проблема в том, что очень многие люди не ощущают потребности употреблять компьютер с целью поиска информации либо улаживания каких-то своих дел. Тем, у кого компьютер есть, он служит прежде всего источником развлечения, а не инструментом, дающим возможность индивидуального развития или же улучшения качества жизни. И вот что любопытно: многие родители покупают детям компьютер с целью «обеспечить им лучший старт», но сами не знают, на что, кроме игр, его можно использовать. Поэтому так важно найти и обучить лиц, способных показывать окружающим те возможности, которые несут с собой новые технологии, а также выгоды и преимущества, вытекающие из их использования. В соответствии с основными положениями БП именно библиотекарям можно — после соответствующей подготовки — поручить такую функцию.

Сотрудники ФРИО установили, что в библиотеках деревень и небольших городов работают 9600 библиотекарей, главным образом женщины. Их средний возраст — 44 года. Свыше 40% библиотечных работников имеют высшее образование (тогда как средний показатель по стране составляет 15%) и еще 21% — специальное профессиональное. Отсюда видно, что библиотекари — это группа компетентных людей, обладающих значительным потенциалом и наверняка способных после соответствующего обучения внести изменения в работу своей библиотеки. Большинство из них имеет определенный опыт работы с компьютером — всего лишь 4% библиотечных работников никогда им

не пользовались. Зато им не хватает умения выполнять работу, выходящую за пределы принятых до сих пор стандартов, динамично и по-современному управлять своей библиотекой или сотрудничать с другими учреждениями, например с общественными организациями, недостает им также умения распознавать нужды местной общественности. Это положение должны изменить учебные курсы, подготовленные в рамках БП. Есть смысл добавить, что из проведенных опросов вытекает следующее: библиотекари позитивно настроены по отношению к тем, кто к ним обращается, и охотно примут участие в обучении, чтобы потом модернизировать деятельность библиотек и лучше удовлетворять меняющиеся потребности их посетителей. Многие из них — настоящие идеалисты, которые с большой готовностью обогатят свою работу осмысленными действиями, вместо того чтобы спокойно ждать выхода на пенсию. В свою очередь, люди, которые берут книги, как правило, высоко оценивают работу и компетентность библиотекарей.

Опросы, проводившиеся Фондом развития информационного общества, должны были помочь в выяснении того, каковы ожидания и потребности у жителей деревень и малых городов и какими из них могли бы заняться библиотеки. Оказалось, что они очень сильно разнятся, и это вытекает из специфики конкретных гмин.

Некоторые гмины уже компьютеризованы вполне удовлетворительно, другие — весьма слабо, в некоторых эффективно действует культурный центр либо дом культуры, тогда как в других такого учреждения вообще нет. Существуют и типично сельскохозяйственные гмины, и такие, где жители преимущественно находят работу в большом городе. В какой-то части гмин проводятся проекты Евросоюза, в других этого нет. Везде, однако, не хватает мест, где можно было бы встречаться, не находясь при этом в обществе выпивающих. Следовательно, как место встреч пригодились бы не кафе, новые дискотеки, бары или закусочные, а многофункциональные центры местной активности. Такую роль и могли бы играть маленькие библиотеки, так как в деревнях очень часто филиал гминной библиотеки — это единственное место, предлагающее публичные услуги. В числе дополнительных форм деятельности, за которые могли бы взяться библиотеки и которые позитивно оценивают жители, библиотекари и местные власти, оказались — естественно, помимо содействия обычному чтению книг и распространению культуры — организация киносеансов и выставок, проведение занятий для детей, создание кружков по интересам, организация пунктов ксерокопирования, помощь немолодым людям в пользовании компьютерами, обеспечение доступа к местной информации, снабжение туристической информацией, обучение закладке блогов, помощь в контактах с властями при помощи Интернета, содействие в поисках работы. От 30% до 50% жителей деревень и малых городов заявляют о своем желании участвовать в такого рода действиях или пользоваться ими, в настоящее время не располагая возможностями для этого (отсутствие доступа, недостаток денег).

На основании результатов опросов, проведенных ФРИО, сейчас составляется подробный план действий по модернизации библиотек в мелких населенных пунктах. Туда, где не хватает технических средств, они будут доставлены. Почти две тысячи точек получат новые компьютеры и дополнительное оснащение к ним. Стоимость комплектов оборудования будет дифференцированной в зависимости от нужд и текущего наличия техники в данном месте — от менее четырех до 15 тыс. злотых. Благодаря эксплуатации этой техники библиотеки смогут взяться за предоставление дополнительных услуг — таких, которые более всего желательны в той или иной общине.

Чтобы это стало возможным, необходимо подготовить библиотекарей к решению новых задач. Фонд сконцентрирует свою деятельность главным образом на этом. Цикл обучения библиотекаря должен продолжаться 10 месяцев — по два-три дня учебных курсов ежемесячно. В первую очередь их станут учить планированию работы своей библиотеки, иными словами — современным методам управления, выявлению нужд местных жителей и умению предпринимать действия по их удовлетворению, способам выработки четкой специализации библиотеки. Предполагается, что библиотекари после такой переподготовки сами решат, что именно — кроме выдачи книг, помощи в их выборе и побуждения к чтению — они могли бы предложить тем, кто к ним обращается. После этого каждый библиотекарь пройдет специализированное обучение, касающееся тех новых услуг, которые будет оказывать их библиотека. Третьей тематикой обучения станет практическое пользование компьютером,

Интернетом, дополнительными техническими средствами. Библиотекари будут также в процессе обучения развивать у себя коммуникативные навыки — представление деятельности своей библиотеки, методы добывания средств от местных бизнесменов или из фондов Евросоюза. Библиотечные сотрудники, прошедшие обучение, не останутся предоставлены самим себе. Для них будет организована целая система поддержки. Появится возможность просить помощь у библиотекарей-консультантов, которым можно будет позвонить и посоветоваться, а на сайтах специального портала, предназначенного для рядовых библиотекарей, станут публиковаться самые разнообразные сведения. Такую информационную поддержку и опеку обеспечит ФРИО; кроме того, в каждой воеводской библиотеке уже сейчас работает специалист по информатике, и его знаниями сумеют пользоваться работники гминных библиотек и филиалов.

В планы фонда входит, кроме всего прочего, попытка повлиять на систему обучения библиотекарей таким образом, чтобы в высших учебных заведениях создали специализацию по управлению местной библиотекой в небольшом населенном пункте, для чего необходимы совсем иные знания и умения, чем при работе, например, в научной библиотеке.

В настоящее время сотрудники ФРИО окончательно дорабатывают всевозможные критерии и условия вступления в Библиотечную программу. Набор в нее будет проводиться на конкурсной основе, так как на все библиотеки денег не хватит, а пользоваться программой будут только желающие, то есть те, кто готов проходить обучение и менять свои прежние служебные обязанности. Условием привлечения гминных библиотек к БП будет, кроме того, включение в работу не только их персонала, но и местной общественности. Для внедрения изменений понадобится устанавливать связи и создавать местные коалиции, так как сам библиотекарь, действуя в одиночку, без поддержки властей и без заинтересованности жителей, мало что сумеет сделать. В глубинке состояние дел в библиотеке никогда не бывает самой важной проблемой — внимание там обращают и деньги выделяют в первую голову на строительство либо ремонт дорог и водопроводов. Поэтому библиотекари должны создать команду, в которую, кроме них, войдут сотрудник гминной администрации, кто-нибудь из местных лидеров и представитель НПО. Вся эта авторитетная компания должна участвовать и в каких-то этапах обучения, и в планировании всей стратегии развития каждой из библиотек. Ожидается также вклад от гмины: она должна, по меньшей мере, освежить помещения, обеспечить доступ к интернету, организовать для жителей место работы на компьютере (пожертвованное оборудование не должно служить внутренним нуждам библиотеки), застраховать и обеспечить сохранность техники, а также решить еще несколько вопросов, перечень которых сейчас дорабатываются. Таким образом, если гминные власти не оценят предлагаемую им модернизацию библиотек и не захотят сотрудничать, то на их территории БП внедряться не будет. Есть смысл напомнить, что в Польше подключение деревень к Интернету частично финансируется государством, только не всем об этом известно. ФРИО оповещает, куда надлежит подавать заявление о такой дотации.

Чтобы увеличить шансы на успех БП, фонд заключает сейчас соглашения по вопросу ее внедрения с министерством культуры и национального наследия, министерством внутренних дел и администрации, Управлением электронной коммуникации и властями каждого воеводства. Задача этих договоренностей — обеспечить благожелательное отношение и помощь. Коллектив фонда заинтересован в том, чтобы организовать вокруг программы публичные дебаты, повысить престиж библиотек, заставить принимающих решения осознать библиотеки как учреждения, обладающие всеми данными для превращения в местных лидеров. Правда, уже теперь некоторые библиотеки действуют весьма динамично, но их достижения неизвестны широкой публике. По большей части между библиотеками из разных гмин нет никакого общения, а потому даже если работники какой-то из них организуют для окрестных жителей что-то интересное, пусть хотя бы обязательную популяризацию чтения книг и журналов, но с помощью инновационных методов, то другие ничего не знают об этом и, следовательно, не могут брать пример с более изобретательных коллег. Сообщество библиотекарей весьма раздроблено и разобщено, люди чувствуют себя одиночками, зачастую — недооцениваемыми. Чтобы изменить это, ФРИО в сотрудничестве с Обществом польских библиотекарей намеревается сделать общедоступным особый портал, где разместится осново-

полагающая информация для библиотекарей, в том числе, конечно же, и о БП, а также различные курсы электронного обучения (так называемого е-обучения), сведения о хороших, практически опробованных методах и, наконец, примеры местных достижений, чтобы библиотекари могли учиться друг у друга и взаимно стимулировать себя. Планируются, кроме того, ежегодные воеводские конференции, где библиотекари смогут знакомиться и обмениваться опытом, и тоже раз в год будет проходить всепольский съезд сельских библиотек в Варшаве.

Персонал ФРИО планирует в ходе внедрения программы тесно взаимодействовать с воеводскими библиотеками. Они, как известно, хорошо оснащены, и в них есть занимающиеся обучением инструктивно-методические отделы, так что после завершения БП они могли бы естественным образом продолжать процесс повышения квалификации библиотекарей в сфере новых услуг. По этой же причине фонд хочет восполнить возможную нехватку технических средств в воеводских библиотеках и сверх обычной провести добавочную переподготовку лиц, которые руководят в них образовательными подразделениями. Правда, ближе к гминным располагаются, казалось бы, поветовые библиотеки, но, к сожалению, сейчас они находятся в неудовлетворительном состоянии. Во-первых, их сеть не покрывает всю страну; во-вторых, лишь отдельные из них имеют достойный вид, а также располагают надлежащими помещениями и оборудованием, которые позволяют браться за решение новых задач.

Вскоре, как только будут готовы точные условия участия в Библиотечной программе, фонд объявит набор в нее и разошлет информацию во все библиотеки, органы самоуправления и СМИ. Таким образом, первое зачисление пройдет совсем скоро, второе — осенью 2010 года. Из предварительных оценок вытекает, что заинтересованность участием в программе велика.

Надо признать, что БП выглядит весьма многообещающе. Действительно, есть большой смысл в том, чтобы библиотеки сделали местом, где имеется доступ к информации и культуре не только при помощи книг, но еще и через интернет, где можно повышать свои знания и квалификацию посредством курсов е-обучения, научиться писать резюме, поговорить по скайпу с родственниками, находящимися за границей, распечатать бланки или формуляры, просмотреть сетевую периодику, подглядеть, чем хвалятся соседние гмины, совершить виртуальное путешествие, показывать в сети свои достижения. Со временем наверняка так и будет. Несомненно, это зависит от библиотекарей — удастся ли им соответствовать новым требованиям. Нередко эту профессию выбирают люди, которые ищут спокойную работу и не обладают ни ярким темпераментом, ни потребностью активизировать окружающих. Другим препятствием могут стать местные власти, так как многое зависит от их благосклонности и действенного участия, в том числе финансового. Если нужды библиотек не всегда замечены в периоды процветания, то в годы кризиса для них может действительно не хватать средств — даже на тот ожидаемый фондом собственный вклад гмин, который поставлен условием присоединения к программе. Смогут ли задуманные действия настолько активизировать Общество польских библиотекарей, чтобы и после прекращения программы оно было в состоянии интегрировать свое сообщество и заботиться о его делах и развитии? Однако труднее всего, как представляется, преодолеть психологический барьер у многих людей — в том числе из состава местных властей, — не знающих, для чего можно использовать компьютер и какие выгоды извлекать благодаря нему, а потому считающих, что компьютер — не для них. Труднее всего убедить людей, которые всю жизнь прекрасно обходились без компьютера, что это не только пустое развлечение и потеря времени или же электронная таблица, подлежащая заполнению на службе, но и великолепный современный инструмент, чрезвычайно облегчающий жизнь. Труднее всего разбудить в людях новые потребности, которые они сумеют удовлетворить благодаря современной технологии и информатике.

МОЯ ЛИЧНАЯ ПОЛЬША

Беседа с Карлом Дедециусом

— *Многие ли сегодня в Германии читают польскую литературу?*

— Мои переводы с польского на сегодняшний день разошлись в двух миллионах экземпляров. Для страны с 80-миллионным населением это не так много, но и не так уж мало. Немецкие поэты читают и цитируют польских авторов весьма часто и с большим уважением.

А польская поэзия в книжных магазинах Германии соседствует на полке с произведениями самых знаменитых немецких авторов.

— *В польской гимназии в Лодзи вас всё же больше, чем Гёте, формировал Мицкевич.*

— С немецкой литературой мне пришлось ближе знакомиться после войны. В гимназии у нас был немецкий язык, на немецком я разговаривал дома, с матерью, но мне казалось, что в то время я лучше владел польским. До сих пор не могу поверить, что, сдавая экзамен на аттестат зрелости, я писал о «Германе и Доротее» Гёте, да ещё по-немецки, — об этом можно узнать из моего аттестата зрелости, факсимиле которого я получил в 80-е годы из Лодзинского городского архива.

Сегодня я могу сказать, что вся моя жизнь складывается из литературных тем, которые я проходил ещё в школе.

— *В 1939 г. вы попали на трудовой фронт, затем в армию, а потом оказались в советском плену. Там вы и начали интересоваться русской литературой?*

— Когда я был «пациентом» лагерного лазарета, русская женщина-врач принесла мне почитать сборник стихов Лермонтова. Мне пришлось учить кириллицу, по ночам, буква за буквой. Я научился читать стихи, потом — их понимать, а потом я с ними подружился. В конце концов я начал их переводить: Лермонтова, Пушкина, Есенина.

— *В 1949 г. вы вернулись в Германию. Что тогда происходило с польской литературой в Германии?*

— Начало было трудным. У немцев было полно собственных проблем, а тут ещё примешивалось неприязненное отношение ко всему, что исходило с Востока. Такая позиция была в порядке вещей. Такое же отношение было и к нам, переселенцам, даже к членам собственных семей. Я переводил в свободное время, по необходимости малые формы — стихи, афоризмы. Прозы я избегал, она требовала больше времени.

— *Как вам удавалось получать польскую литературу после войны?*

— Вначале я искал своих ровесников — Бачинского, Гайцы, Ружевича. Книги мне присылали знакомые из Лондона или Парижа. На основании этого случайного выбора я сформировал собственную историю польской литературы.

Подобно Мицкевичу и Милошу я руководствовался тем, что если кому-то есть что сказать, он не должен концентрироваться на форме. Я не обращал внимания на то, к какой школе относится автор, является ли он представителем первого или второго авангарда, — меня интересовало, представляет ли стихотворение нравственную ценность и историческую правду.

Эпиграфом к своей автобиографии я взял строки об истине («А солнце Истины горит для всех равно /Различия племен не ведает оно». *Пер. О.Румера*). Это отрывок из стихотворения, которое студент Мицкевич написал своему учителю истории Иоахиму Лелевелю, по происхождению немцу.

Критика в Польше функционирует иначе, чем в Германии. В Польше самым важным считается поэт, особенно если он уже завоевал признание читателей. Для меня же важнее всего само произведение, его тема, послание, конструкция. Я нахожу стихотворение и вижу, что вряд ли его можно считать первоклассным, но в нем есть некие образы или обороты, которые по-немецки звучат чудесно, поэтому я его перевожу. В Польше такой мой подход часто критикуют. И, наверное, это понятно: великие поэты не любят, чтобы вокруг них крутились поэты калибром поменьше. В немецкой литературе бывает так, что посредственный поэт напишет одно хорошее стихотворение, но оно оказывается столь значительным, что потом из школьной программы попробуй его убери.

Я издал, например, малую антологию лодзинских поэтов. В Польше их мало кто знает. А я нахожу у них великолепные строки.

— *А первые контакты с польской эмиграцией?*

— С Вежинским в Лондоне, с Милошем в Америке, с Бженковским в Париже — от них я получал «Культуру», «Ведомости» и другие издания — для меня они были важным источником информации. Много польских писателей, к счастью для меня, находилось в эмиграции, почти вся группа «Скамандр» была в Нью-Йорке и Лондоне.

Я познакомился с Тадеушем Новаковским из Лондона, позднее работавшим на радио «Свободная Европа» в Мюнхене. Уже тогда во мне прорастало это новое понятие: Европа. На открытии института в Дармштадте я сказал, что не государства для меня интересны, а народы: их прошлое, будущее и *conditio humana*.

— *Название своей первой антологии — «Урок тишины» — вы почерпнули из поэзии Тимотеуша Карповича, из его стихотворения о той минуте, когда трепет крыльев мотылька кажется слишком громким.*

— Название подчеркивает атмосферу послевоенной новой польской лирики и обращено к ее педагогическому значению. Урок — то, что учит чему-то, и тишина — необходимое после бури погружение в созерцание. Урок и тишина дают возможность для самоосознания и самопознания. Для поэзии Запада в послевоенные годы эта свежая струя воздуха с Востока была необходима.

— *Вы переводите произведения почти двухсот поэтов. Немцам вы открыли Милоша и Шимборскую, Вы дружите с Ружевичем, у вас даже был один и тот же учитель в гимназии. В чем секрет его столь выдающейся карьеры в Германии?*

— Он смог растрогать немцев. Крупнейшие поэты и прозаики буквально носили его на руках: Грасс, Энциенсбергер. После 1945 г. всех нас охватило ощущение, что хватит с нас патристического пафоса и лжи, выраженных в длинных и запутанных фразах. Ружевич всё поставил на ноги «провинциализма» простоты. Он положил начало современной лирике. Содержание, образ, никаких эпитетов, никаких орнаментальных излишеств, никакой музыки — искренность и истина должны были говорить прямо. Причем так, чтобы эти стройные, прямые высказывания — несмотря на лапидарность — были поэзией.

Немцы тогда начали слушать бывшего «врага». Заметили его стремление к примирению, к пониманию. Потом они начали читать и лирику военного времени, например Бачинского, научились воспринимать ее сердцем. Поначалу они опасались такого чтения, не читали произведений ни польских, ни русских авторов. Теперь же русские авторы пользуются в Германии большим спросом и польские тоже.

— *А Херберт?*

— Он совершенно другой. Это гуманист, который на основе прочитанных книг, путешествий и полученного образования переживал и описывал свое собственное повторение пройденного по истории Европы. Ружевич — поэт, пишущий о дне сегодняшнем, но прежде всего с перспективы военного лихолетья. Он открыл язык новый, язык одержимости, язык нравственности, а Херберт заново открывал для польского читателя понимание европейской культуры. Очищал то, что было оболгано, оказалось завалено руинами военных или идеологических катастроф.

— *Наряду с Милошем и Хербертом, наряду с высоким стилем, в польской поэзии XX века, есть и другая традиция: Бялошевский, Виршиа, потом Задура, Саммер, «Брульон» и многие из тех, кто пишет скорее в разговорном стиле.*

— Я переводил их всех. Проблема в том, что поэт, который находит у меня хотя бы одно из своих стихотворений, автоматически желает, чтобы их было больше. Но одному переводчику не справиться с подобной задачей. В Польше слишком много поэтов способных, даже гениальных или многообещающих. Я надеюсь, что они найдут переводчиков среди своих ровесников.

— *Применительно к польской литературе часто появляется понятие провинциальности. Что это, собственно, означает?*

— Я искал польскую действительность в Кракове и Лодзи, в Силезии, на Мазурах и на Подолье, потому что самых крупных поэтов давала всё же провинция. Баден-Вюртемберг дал Шиллера, Гессен — Гёте, который еще в Веймаре говорил на диалекте, это видно по «Фаусту». Я бы культивировал именно такое значение провинции.

Теперь господствует мода, а не группы, программы, четкое мировоззрение. мода быстро проходит. Так называемая трудная литература, содержательная, требующая подготовки, то есть труда, остается. Понятно, что без необходимого комментария иностранец не сможет понять «Дядю» или «Свадьбу». Но и нам без знания истории не понять исторические хроники Шекспира или трагедии Шиллера. А что касается «Будденброков» Томаса Манна, то это гениальный пример рассказа о «провинциальном» городе и обывателях Любека на рубеже XIX-XX веков.

Если исходить из контекста всей Европы в целом, то Польша — провинция, в этом смысле провинция и Германия, которая, впрочем, была когда-то мозаикой разных государств. Европейский патриотизм в будущем станет совершенно иным, нам надо лишь проявлять больше солидарности.

Полякам не следует стараться писать так, как пишут другие, как модно ныне писать на Западе или на Востоке. Польская действительность всегда была иной, поэтому для чужого читателя это всегда известие из «инога мира».

— *В своих воспоминаниях вы цитируете «Дневники» Роберта Музиля, его слова о постоянстве и отваге в бою.*

— Музиль спровоцировал меня на рассказ о том, что я пережил, но я отвечаю ему скорее негативно. Он находил удовольствие в воинственности, я же сторонюсь воен.

— *Вы пишете, что государственность, Европа, Германия или Польша — это для вас, жившего в Лодзи, городе многих культур, было второстепенным. Своего рода «наивность», которая не позволила вам заметить перемены, ведущие к войне. Томас Манн писал о такой «наивности», что она много раз его спасала.*

— Мои школьные друзья, которых не интересовали музыка, искусство, поэзия, зато интересовали история и точные науки, которые не ошибались при перечислении дат, властителей и их достижений, прекрасно ориентировались в политике — они вместо стихов читали газеты. Я газет почти не читал, зато стихи — с энтузиазмом. Я пытался даже их переводить, играл на скрипке — этими занятиями тогдашний объем моих серых клеточек был заполнен полностью. Война всё это в некотором смысле изменила.

Вы говорите о наивности у Томаса Манна, а я, немец, сошлюсь на польскую писательницу. «Размышления аполитичного человека» Манн писал во время I Мировой войны, издал их в 1918 г., в возрасте 43 лет, когда он уже был нобелевским лауреатом, но по-прежнему, как он сам о себе говорил, оставался «аполитичным» и «наивным». В 1939 г. мне было 18 лет, и единственным моим стремлением было получить аттестат зрелости и пойти учиться в вуз — ничего особенного. Много позже я нашел утешение у Марии Кунцевич, которая в возрасте 48 лет написала воспоминания.

Я обратил на нее внимание случайно. Ее мать была скрипачкой, а это как раз та мелочь, которая меня немедленно электризует. «Ключи» Марии Кунцевич — это исповедь о незнании истории. Родившись в Самаре при царском режиме, она получала образование в Польше, Нанси, Париже. До войны много путешествовала и была свидетелем многих громких политических афер, написала цикл репортажей о Палестине. Она была членом ПЕН-клуба, переводчиком отдела прессы МИДа, присутствовала на мирной конференции в Париже. Несмотря на это, она не сумела правильно оценить ситуацию в Европе. Сама она сравнивает себя с Алисой в Стране Чудес. В этой наивности людей зрелых, образованных и причастных к политике, я нахожу утешение и оправдание своей незрелости периода «бури и натиска».

— *Вы не пытались с ней познакомиться?*

— Я хотел с ней познакомиться. Я завидовал ей, этим ее, как сказал бы Гете, «годам странствий». Когда я добрался до Чикаго, где она вела занятия по польской литературе, ее там уже не было. Я обменялся с ней лишь одним письмом. Зато перевел «Ключи».

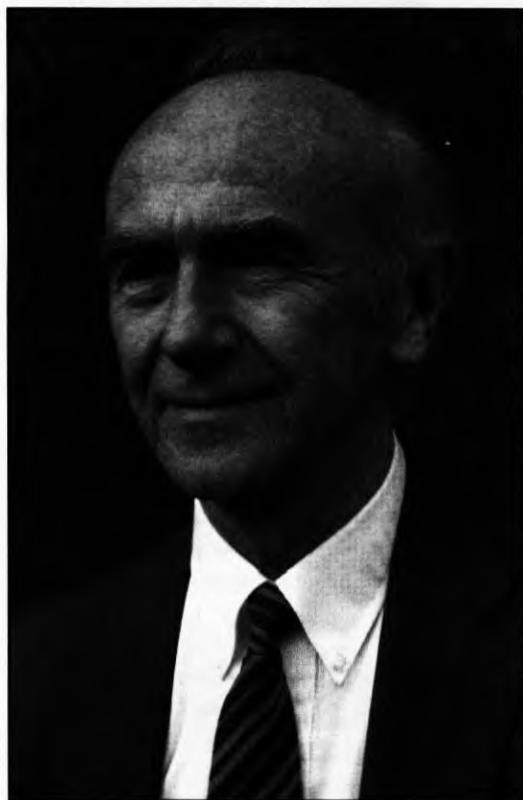
Беседу вела Агата Пызык

Марек Радзивон

ЕВРОПЕЕЦ ИЗ ЛОДЗИ

Воспоминания Карла Дедечиуса

Карл Дедечиус

Крупнейший немецкий пропагандист современной польской литературы, директор Института польской культуры в Дармштадте, издатель 50-томной «Polnische Bibliothek», автор «панорамы польской литературы XX века». Замечательный переводчик.

В своих воспоминаниях Карл Дедечиус рассказывает о своем пути к этим успехам. Это история немца, родившегося в Лодзи, который дома говорил по-немецки, но во дворе с друзьями — обычно по-польски, история немца, окончившего польскую гимназию, отправленного во время войны на Восточный фронт, солдата Вермахта, который несколько лет находился в советском плену, а после освобождения в 1949 г. отыскал родственников в Веймаре и спустя три года через Западный Берлин бежал на Запад.

Дедечиус, который на протяжении многих лет не был сотрудником никакого научно-исследовательского института, не нашёл своего пристанища ни в одном из университетов, в какой-то момент так прямо и пишет: «Я не полонист и не ученый, а просто дилетант». Действительно, Карл Дедечиус — переводчик-любитель, четверть века он зарабатывал на жизнь, служа страховым агентом в фирме «Альянс», а свободное время посвящал литературным переводам. Возможно, это не самый важный сюжет его воспоминаний, хотя и весьма впечатляющий: парень из военного поколения сначала преодолевал тяготы повседнев-

ности, потом — не имея поначалу ни заработка, ни имени, ни позиции и вопреки здравому смыслу — упрямо занимался делом не только ненужным, но еще и вызывавшим подозрение.

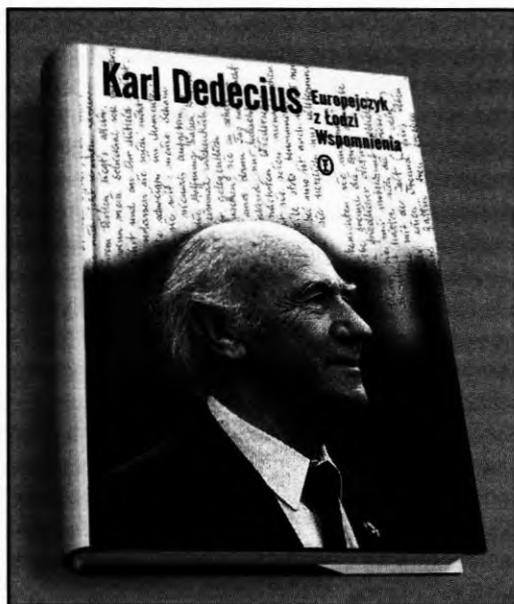
«Урок тишины», первая составленная Дедечиусом антология, вышла в 1959 году. Он долго убеждал издателя, так как современная поэзия из страны за железным занавесом, подготовленная малоизвестным переводчиком, — вовсе не рецепт к достижению большого успеха. «Я опирался на дорогие сведения, почерпнутые из немногочисленных журналов и нескольких сборников поэзии, — вспоминает Дедечиус. — Добыть их мне стоило немалого труда. Железный занавес, антипатия по отношению к немцам, отсутствие ответа на мои просьбы, недоверчивость в связи с проявляемым мною любопытством, подозрительность со стороны немецких и польских официальных лиц». Власти ПНР подозревали Дедечиуса даже в сотрудничестве с ЦРУ.

«Европеец из Лодзи» — это рассказ о жизни, которую в какой-то момент пришлось начинать заново. Первая часть кажется лаконичной, даже легковесной, но есть в ней и нечто более весомое — это не только воспоминания об интересной жизни и необыкновенных встречах, это свидетельство страшного, отмеченного войной опыта. Вторая часть, в которой много анекдотических сюжетов, состоит из очерков, в канву которых автор включил фрагменты переписки или стихи; очерки

посвящены писателям, которых переводил Дедечиус, — среди них, в частности, Лец, Пшибось, Херберт, проф. Казимеж Выка; есть также очерк о тех, кто составлял круг людей, связанных с «Ты-годником повсехным».

«Все, что я пережил, в том числе и то, что мне бы хотелось сохранить в памяти, постепенно улетучивается, вытесняется из моей памяти днем сегодняшним и будущим», — пишет Дедечиус. Ибо есть опыт пограничный, который с трудом можно передать словами, который невозможно описать пером, даже столь тренированным как у Дедечиуса. Вот мы читаем о Лодзи, в которой сосуществовали мир еврейский, польский и немецкий, об аттестате зрелости, полученном в мае 1939 г., о трудовом отряде, о бегстве в Ломжу и Львов, наконец, о душевной растерянности фольксдойча, которому гораздо ближе были польские друзья, нежели новые порядки, установленные немцами из Рейха. А

потом описание окружения в Сталинграде и нескольких лет пребывания в советских лагерях в Закавказье: «В лагере вспыхнула дизентерия. От нее умерли, наверное, тысячи людей. (...) Снег становился все краснее. Сильные, прежде «хорошо питавшиеся» люди, будучи тут вечно голодными, умирали быстрее. Дольше жили слабые, у которых не было аппетита и не было даже сил, чтобы принести себе воды из реки».

«Европеец из Лодзи» — это история, символичная для всего поколения немцев, входивших во взрослую жизнь в конце 1930-х, но вместе с тем это история о том предназначении, которое выпадает человеку и которое он выполняет, несмотря ни на что. В 1985 году Тадеуш Ружевич писал Дедечиусу во Франкфурт-на-Майне: «Тебе лишь кажется, что ты живешь в большом современном городе, на самом же деле ты живешь в пустыне Халкис — в монастыре отшельников — замураванный среди тысяч книг».

*Karl Dedecius. Europejczyk z Łodzi.
Przel. Sława Lisecka. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2009.*

gazeta
WYDAWNICTWO

Ярослав Маркевич

Перевод Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

Кто купит

Правда затеряна в хитросплетениях языка,
только ты можешь её отыскать, и только так ты спасёшь
свою бедную голову и скрытую в её глубине
пещеру сознания.

Быть может, только эта пещера и существует,
тогда тем более стоит её изучить и почувствовать,
ведь там изначально живут божества и идеи,
когда мы вселились, они уже там обитали, —
так говорит Платон — а я ему верю, ибо он сказал:
поэт способен чего-то достичь не прежде,
чем избавится от чувств и отрешится от разума.
Отрешится от разума — но как от него отрешиться?
Продать? Разум в цене, когда он желанен, —
а кто купит старый, уже нежеланный разум?
После того как очистишься от разума,
на экране сознания должен остаться дэймонион —
внутренний голос, который вёл Сократа,
но ведь Платон никогда не слышал дэймониона,
он поставил на дороге ложные указатели
— и все наивно пошли за ним в чисто поле,
послушавшись того, кто слышал, будто Платон слышал,
якобы Сократ слышал голос дэймониона.

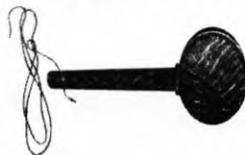

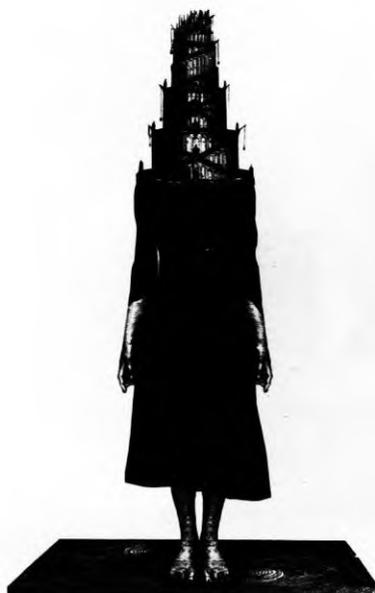

Стахура *santo subito*

У него в голове было больше света, чем снаружи,
и потому он всё время ходил, ездил, пробовал разобраться, далеко ли
мир простирается за предел его головы и куда уезжают
все эти люди, толкущиеся на вокзалах,
а однажды решил проверить, герметичны ли
границы плоти — сосуда, вне которого
простирается мир, и не сошёл с путей до последнего мгновенья,
он без конца прокручивал в голове слова, больше всего
его привлекали палиндромы, а роза упала на лапу азора,
ароз аупа ланала пуазора, прочти задом наперёд,
зеркало, не требующее зеркал, всезеркало.
Поговорить мы любили, хуже было с умением жить,
он знал один только способ — пригреть,
словно его сильное, обременительное для него самого суперэго.
предпочитало иметь двух-трёх гавриков под контролем,
ведь он всё же был не уверен, не до конца, в себе,
взять кого-то в аренду для него стало способом выжить.

И вот наконец он сам решил сдать себя в аренду,
тогда и нашёлся неизвестный арендатор,
который возделывал его сознание три года,
а потом ушёл
и забрал его с собой.

Вавилонская башня

Позади только пейзажи, реки, озёра, горы,
всё это видно сквозь пулевое отверстие в затылке,
оружие было нечищеным и пробило изрядную брешь,
империя сознания обрела ещё один берег,
немедленно, словно ждали за горизонтом, — швартуются корабли,
привозят новые сказки, рассказы в товарах, сигары,
заботливо скрученные на бёдрах девушками юга,
ткацкие челноки тоже причаливают, семиглавые дни на колёсах тачанок
выезжают на берег и, не оглядываясь, уносятся в лес,
Чапаев ждёт,
отваливают добротные плоты с новейшими моделями вавилонской башни
в масштабе 1:1, на горизонте смятение, ибо горизонт
не примет некоторых моделей, вид униженной башни,
она сама тонет в тёмной воде, её не принимает пространство света,
сразу скажу — это я, привязанный к высоте,
там, на краю земли, и я не уверен,
что исчезну за горизонтом.

Во всё горло

Концерт яростной музыки, гневный бунт
из-за того, что всё так, как есть, солист орёт во всё горло,
а ведь эту музыку её давние первооткрыватели
использовали для того, чтобы приземлить Бога,
Бог, абстрактное и возвышенное существо,
может ощупать землю только человеческими стопами,
привыкшими нюхать прах.

А тут, на сцене, затянутой дымом, как через пять секунд
после конца света, когда на картине Мемлинга
уже брезжит воскресение из мертвых, на фоне корчащихся людей
невозмутимо сидит жёлтая фигура Будды,
Будде в пальцы, сложенные в мудру удивления,
вставлен на высоте пупка семилестник марихуаны,
а марихуана зеленеет при одной только мысли о ней.

***

День обещал быть прекрасным,
обещал, обещал,
пока не начал заикаться,
чтоб разогнаться
и перемахнуть через то,
что невозможно себе представить,

что невозможно сказать
ни с ветром, ни против ветра,
и на крыльях ветряка
ничего не написано,

так о чём же речь?

а солнце всходит и заходит,
всходит и заходит,
всходит и заходит,
как бешеное.

Бытийство

Вода на улицах, как сон, текущий из ушей,
ботинки из автопокрышек,
автомобили из жалоб на пешее хождение,
женщины из вторсырья, после коррекции,
свежеокрашенные, —

а говорят, вначале был свет, только свет,
и неизвестно, кто бросил тень.

Итак, сон сутки напролёт, сон для миллионов: убийства,
копуляция, деньги — и таинственные знаки на небе,
о, края, скрытые за лонным бугорком,
туда и обратно, оттуда и до хвоста.

Сон миллионов заслоняет бытие лишь на миг, но этого хватит,
чтоб зерно было брошено и упало во тьму.
Бытие до того продвинуто в бытии, что становится бытийством
и рождает Бога — могущественную абстракцию.

Похоже, что Бог любит тех,
кто видит Его сон, а кто засыпает в иных снах,
тот ускользает от власти Его —

и происходит иной посев — бытие вновь становится бытийством,
но почва разума, истощённая первым посевом,

всё никак не может родить Иного Бога и не знает Его лица,
ибо бытие не знает ничего, пока не осуществится.

Ещё в словаре Линде *бытийство* означает
естество, природную форму, *die Gestalt*.
Линде иллюстрирует это фрагментом стихотворения Войцеха Хростицкого:
«Там Аретей устремился под море,
к Аретузе влекомый в бытийстве своём».

* * *

Бумажный барабан
заговорил на крыше,
и всё стало ясно как день —
словно в день того дня,
когда дни ещё не жили
у меня в мозгу
и были свободны.

Ивона Смолька

ПРИКЛЮЧЕНИЕ СОЗНАНИЯ

Ярослав Маркевич — поэт, родившийся в 1942 году. Его причисляют к авторам «новой волны». Дебютировал он в 1965 г. книгой стихов «Солнечный стадион». Следующая книга — «Я пришел спросить о собственном имени времени вносимого мной» (1968) уже содержит все наиболее характерные черты его лирики. Сюрреалистическое видение открывает перед нами мир, у которого нет границ. Начинается великое приключение сознания, познающего себя и действительность. Воображение создает поток образов, ассоциаций, видений. Возникает вопрос: что здесь внутреннее, а что внешнее, что субъект, а что — зеркало, отражающее того, кто смотрит?

Главное, и в этом поэт убежден с момента дебюта, — противостоять причинно-следственной логике, устанавливающей законы реальности. Воспротивиться ей — значит обрести свободу и уверенность в том, что, только задавшись вопросом о своем сознании, исследуя собственный разум, можно понять, что есть мир и наше бытие во времени. Поэт пытается уловить и то, что происходит в нас, и то, что являет собой внешнюю проекцию нашей фантазии, стремлений и страхов. Эта креационистская поэзия основана на предпосылке, что мы сами порождаем мир:

*в каждом из нас вселенная
открывает и закрывает своё око.*

Герой этой лирики замечает: всюду таится смерть, распадом охвачено всё, что он видит, и высказанное слово, и само бытие во плоти — ибо плоть есть самоуничтожающаяся материя.

В книге 1971 года «Поддерживая радостную видимость продолжения марша» Ярослав Маркевич писал:

*Я продукт чего-то извне
растёт область неведомого
которое меня определяет.*

Неведомое — это смерть. В лирике Маркевича появляется человек-«мертвяк», он заселяет пространство, обреченное на гибель. Это место, где всем вменены в обязанность одна идея, один, общий тип видения и реакций.

*Те, кого мы не успели съесть,
поедают нас. Мы уже знаем вкус своих языков,
вкус общего пота, вкус красок, которыми до сих пор
писали только прекрасные картины.*

Это мир, отданный во власть отчаянию, здесь можно верить лишь в то, что «кто-то рождается, а потом его надо похоронить». Первая задача, которую ставит перед собой герой этой поэзии, — уговорить себя быть свободным. Начиная с книги «В телах женщин всходит солнце» и вплоть до книги «И» в поэзии Маркевича происходит сотворение нового мира.

Истинное бытие разворачивается вне культуры и вне разума, который задает ложные вопросы. Разум хочет всё сохранить в единой форме — в форме одной истины, ему нужно назвать чувство, чтобы его понять. Называя — он фальсифицирует чувства, бежит «от слова к вещи, от вещи к причине». Необходимо успокоить разум, остановить его работу, дабы могло оказаться, что «стена смерти — это иллюзия».

Всё сущее, говорит поэт — а ему близко мышление последователей дзэн-буддизма — есть тоска, печаль, несвобода и всяческая неполнота — всё есть «болезнь разума». Всё, что существует, для создающего разума — проблема.

Изначально, чуть ли не с самого дебюта, в эту поэзию вписано ощущение пространства. Происходит неустанный раскрой вещей и расслоение пространства — биологического, психического, нарастание дистанции между пейзажами. Любую форму можно раскрыть, самая плотная материя наполнена «красным ветром, веющим в камне». Такому видению служит симультанизм, параллелизм образов и времен, создание меж-образов, меж-времен. «Между» становится связкой, пространством, где конец смыкается с началом. В этом пространстве есть «вид на себя из глубины себя», здесь можно быть одновременно объектом и субъектом, тем, кто действует, и тем, что подвержено действию. Человек — носитель вселенной — замечает работу своего разума. Трансцендентность — в нем самом, его тело, прежде никчемный клочок материи, подвластный смерти, теперь вписано во «вседерево», мир стал единством. Герой этой лирики

*В зеленом ковре опознал своё тело
Вселенную опознал как своё тело
белый свет дня
и черный свет разума*

Материализуется всякое психическое состояние, и поэтому невозможен вопрос: что есть настоящая реальность. Что существует на самом деле? Лестничная клетка и комната или стена, выросшая вдруг посреди дома и выбрасывающая героя вовне? Границы нет. Нет деления на мир объективный и субъективный. Есть единое, тождественное бытие сознания.

Древняя книга «Зогар» учит: «Весь дольний мир сотворен по образу мира горнего. Всё, что существует в горнем мире, является нам как бы в отражении, при этом оба мира есть одно и то же». Эту истину выражает поэзия Ярослава Маркевича. Разум успокоен, а воображение все так же переполнено видениями, тревожно, сюрреалистично, оно осваивает новые территории.

Эта поэзия выражает убеждение, что «единственная поистине неведомая вещь — мы сами». Она прошла долгий путь от лирики, подчиненной навязчивой идее смерти, распада и страдания, чтобы найти мир целостный, не подлежащий никаким ограничениям.

Фрагменты этого мира можно произвольно соединять и рассеивать. Остается открытым вопрос о границах познания, и в то же время вопрос этот отрицает оппозицию между мыслимой и немислимой реальностью.

Когда-то молодой поэт в соответствии с поэтикой «новой волны», выразившей бунт поколения 68-го года, писал:

*Не соглашайся на себя
в согласии сам с собой
ты согласишься на всё.*

Через много лет он приходит к согласию с миром, вот только мир этот сперва должен был подвергнуться перелицовке и раскрыть другую сторону своей сути.

Ежи Йохимек

Перевод Марины Курганской

ХРИСТОС И БЕЛЫЕ МЕДВЕДИ

(отрывок из романа)

Вот уже несколько дней кружили непроверенные слухи, что из лагерей будут освобождать неизлечимых больных — тех, кто в условиях заключения не сможет выздороветь, инвалидов и т.п. У такого освобождения было свое название: «активровка», что означало списать человека на свалку. Старые лагерники утверждали, что однажды уже такое было. Говорили, что первыми освободят «доходяг».

Христос не спал всю ночь... Сам видел. Я всегда просыпался несколько раз за ночь. И не я один. Почти у всех было воспаление мочевого пузыря. Приходилось часто выбегать из барака.

Христос не спал всю ночь... Утром, однако, он не выглядел усталым. Всегда разговорчивый, на этот раз не проронил ни слова. Но на рассвете все бывали молчаливы. Никто не высыпался. Но все же мне странно показалось... Кто-то задал ему вопрос. А Христос посмотрел словно сквозь него. Ничего не ответил.

Было еще холоднее, чем вчера. Градусов двадцать... По реке уже плыли небольшие льдины. Зима обещала быть ранней и суровой... Конец октября или уже ноябрь...

После вчерашнего случая через всю реку протянули стальной трос. Лодки переплывали на другой берег, как на привязи. Похоже было, что переправа закончится не скоро. Плыла еще только первая партия заключенных. Более двух сотен ждали своей очереди.

Все случилось в мгновение ока. Крик... Тонет!!! Несколько запоздалых испуганных восклицаний... Ах и ох!.. И бултых...

Лишь тогда я понял, что кто-то в одном белье в несколько прыжков достиг берега и сиганул в воду. Все глаза были устремлены на реку. Берег крутой. Сразу глубоко...

Морель дернул меня за бушлат.

— Это Христос!

— Чего стоите?! Чего ждете?! — кричит наш конвоир. — Бросьте ему веревку! Жердь давайте!.. Не стойте! Вашу мать! Шевелись!.. Ведь утонет!..

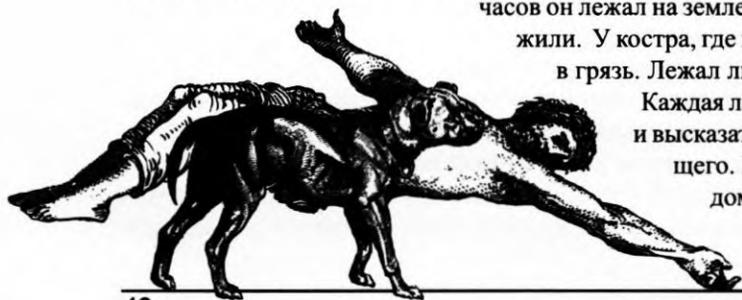
Люди бросаются к берегу... Веревки, жерди, багры... Но он сам выныривает... Пара гребков кролем... И несколько десятков рук вытаскивают его на берег. Несколько бушлатов разом накрывают промокшего насквозь, синего. Выворачивается, вырывается. Рубашка — в клочья. Мышцы напряглись. Держатся. Страхивает людей как щепки:

— Мой брат тонет, — слышу я его голос. — Еще можно спасти! Пустите, идиоты!!!

— Раззявы! Вашу мать!.. Сброд! Подлецы! Держите его! — орет конвоир. — Держите его, паскуды!

Его держали двадцать человек. Связали руки и ноги. Привязали к дереву, потому что он по-прежнему порывался прыгнуть в воду «спасать брата». Успокоился только через час, когда я растолковал ему, что брата уже не спасти, что в действительности у него с самого начала не было никаких шансов. Потом я пожалел, что сказал так. Это известие и мои доводы добились его окончательно. Несколько часов он лежал на земле, распростершись крестом. Там, где его положили. У костра, где промерзшая сверху земля таяла, превращаясь в грязь. Лежал лицом в грязи.

Каждая лагерная шишка считала своим долгом подойти и высказать свои замечания и суждения по поводу лежащего. Подошел и начальник конвоя с собакой. Следом за ним — прораб с главным агрономом.

— Ну и что? — обратился к нам начальник конвоя. — Успокоился? — И покрутил пальцем у виска.

— Знаем мы таких, — сказал прораб. — Прикидывается и больше ничего. Лишь бы не работать. Это опытный симулянт.

— Прикидывается? — удивился начальник конвоя. — Если бы я просто не знамо как хотел симулировать, все равно бы сегодня в воду не прыгнул. А этот еще и нырял до дна... Вы его знаете? — обратился он к нам. — Сколько ему осталось срока? За что сидит?

— У него 16-80. А тянуть немного осталось. Года два.

— Ну, что я говорил! — воскликнул начальник конвоя с торжеством. — Если б ему десять сидеть, то еще стоило бы изображать сумасшедшего. А за два года, даже с гаком, только сумасшедший прыгнет в льдины.

Но прораб был редкий сукин сын.

— Стоило, не стоило, — сказал он. — Если вы действительно хотите убедиться, то выстрелите ему из нагана над ухом. Сразу увидим, какой он сумасшедший.

Начальник конвоя пожал плечами.

— Скажете тоже. Из нагана стрелять.

— Ну так спустите на него собаку. Увидим, что он запоет, когда пес схватит за задницу.

— Постыдились бы, — сказал начальник охраны. — С какой стати я должен травить его собакой... Однако, — добавил он после паузы, словно борясь с собственным любопытством, — пусть собака подойдет и его обнюхает. Она ничего ему не сделает. А испугаться он и так не испугается.

Собака спокойно обнюхала распростертого крестом Христоса, который даже не дрогнул. Черный нос овчарки приближался к человеческой голове, втягивая запах... А потом собака попятилась. Слово испугалась чего-то. Но сразу застыла на месте, успокоилась.

Я не заметил, когда Христос пошевелился. Теперь овчарка сидела напротив него. Он протянул руку и погладил зверя по голове. Собака прикинула к земле, тихая и покорная.

Когда я наконец посмотрел на начальника конвоя и прораба, победного торжества на их лицах не было. Они еще немного постояли и ушли. Овчарка побрела за ними.

Христос поднялся, подбросил дров в костер. Теперь он казался более нормальным, словно пришел в себя. Я решился подойти к нему и спросить, как он себя чувствует.

— Прекрасно... Слушай, — сказал он тихо и отчетливо. — Слушай, что я тебе скажу. Когда пойдем обратно на зону, вы должны вести меня силой, лучше на веревке, как собаку... Как только придем, сразу отведите меня в медпункт и расскажите, что со мной сегодня было. Делайте вид, что вы перепуганы. Лучше никому не говори. Думаю, ты всё теперь понял. Может, потом еще подвернется случай поговорить...

Вечерело, пора было возвращаться. Начальник конвоя отдал приказ. Мы трое должны были, под особой охраной, отвести Христа на зону.

Он не сопротивлялся. Дал перевязать себя толстой веревкой как поясом. Мы боялись, что он будет от нас убежать, а это могло плохо закончиться... Но не успели мы тронуться в путь, как он попросил на секунду задержаться... Поднял с земли здоровенное березовое бревно... Не бревно... Крест. Взгромоздил на плечо и пошел за нами следом на поводке.

Конвоир то смеялся, то принимался издеваться над Христосом, — зачем он несет такую тяжесть. И правда. Даже для двоих она была чрезмерна... А он делал это как будто без всякого усилия. Шел, выпрямившись.

Первый скандал разразился в коридоре медпункта. Христос не хотел расстаться со своим крестом. Борьба с ним было бесполезно. Старик, который регистрировал больных, и санитарка подняли крик прежде, чем мы успели объяснить, в чем дело. Нам велели очистить помещение. Мы ответили,

пусть сами попробуют... словом, они только тогда успокоились, когда попытались это сделать. Им не удалось сдвинуть с места ни Христа, ни крест.

Еще хуже было то, что Христос не хотел входить без своего креста в кабинет врача. Когда подошла наша очередь, мы вошли туда одни. Решили всё узнать без него.

Наты Андреевны не было на месте. Оказалось, что вчера в лагере появился еще один врач, молодой армянин с добрыми миндалевидными глазами и пятнадцатилетним сроком. Армянин хотел осмотреть Христа... Мы сказали ему о кресте. Тогда доктор сам вышел в коридор. Попросил Христа не беспокоиться за свой крест, никто его не сможет даже пошевелить, — лишь бы заманить его в кабинет. Но Христос не понимал или не слышал. Я объяснил ему по-польски. Он дал себя уговорить. Мы остались в коридоре.

Через несколько минут открылась дверь. Армянин попросил меня быть посредником в разговоре. Только я собрался войти, как в этот момент показался Христос. Взял свой крест и покинул медпункт.

Врач сказал, что даст ему освобождение на три дня — это единственное, что он пока может сделать. Включая сегодняшний день. А дальше... А дальше неизвестно, что и как будет. Попросил, чтобы мы за ним приглядывали.

Христос уже сидел в бараке на нарах. В углу стоял его крест. Мне казалось, что Христос собирается спать. Но нет. Сначала он снял с себя все ватное тряпье. Потом — лохмотья, оставшиеся от рубашки, и повязал их как передник. Голову обмотал сеткой от комаров и заткнул за нее большую деревянную ложку. Так, как в шляпу втыкают перо. На голые плечи накинул одеяло. Сел на нары по-турецки, руки скрестил на груди и замер неподвижно.

Нам хотелось есть... Несколько раз мы порывались пойти в пищеблок, но, взглянув на него, не могли решиться. Наконец он встал. Держа двумя руками большую эмалированную миску, величественным шагом удалился из барака.

Мы двинулись за ним... Так и есть, он отправился в больничку. Туда, где выдавали обед освобожденным от работы. Значит, всё в порядке. Самое большее — он мог немного замерзнуть в своем странном облачении... Мы пошли в столовую.

Из столовой можно было заглянуть внутрь кухни, которая располагалась в центре помещения. Кухню от столовой отделяли стеклянные окна. Жратву выдавали в трех окошках. Около каждого — свой котел.

Подошла моя очередь... Вдруг ужасный крик! Кухарка, собиравшаяся выдать мне обед, выронила из рук половник. Сорвалась с места, пробежала несколько шагов и встала как вкопанная.

— О, Господи! — она подавила в себе крик и заслонила лицо руками.

Я пододвинул ближайшую скамейку и вскочил на нее, чтобы увидеть, что там случилось, на противоположной стороне. В окошке напротив меня был виден Христос. На вытянутых руках он держал свою миску. На голой груди у него был большой кровавый крест, из него текла и текла кровь. Христос стоял молча и неподвижно. Я тоже застыл.

Старший повар, почтенный седобородый Аким Аверьянович, вбежавший на кухню на зов поварих, остановился в изумлении. Но самообладания не потерял.

— Не видишь, человек есть хочет, — сказал он поварихе, которая, остолбенев, уставилась на окровавленного человека. — Чего ждешь? Накорми его!

Кухарка была полькой по происхождению. Звали ее Станислава. По-польски она почти не говорила. Но знала, что Христос — поляк и что мы с ним держимся вместе. Позвала меня. Я подошел. Незаметным движением сунула мне что-то в окошко.

— Поделись с ним, — шепнула она.

Два порядочных куска мяса... Его месяцами, а то и годами не видели в лагере. А каши, наверное, с шесть обычных порций.

Христос сидел на своем месте. Как тогда. Я невольно перевел взгляд на его голую грудь. Крест больше не кровоточил.

В бараке было темно. Полумрак. Некоторые эски уже засыпали. Другие грелись у печки, освещавшей их красноватым светом. Никто не смотрел ни на меня, ни на Христа. Но я все равно не решился отдать ему мясо, пока все не уснуло.

— Станислава просила тебе передать... Я говорил с поварами. Они про тебя спрашивали, — шепнул я тихо.

— Тебе интересно про крест? — ответил он, словно угадав мои мысли. — Могу рассказать... Я вошел в третий барак, тот, самый большой... Чтобы как можно больше народу меня видело... Пробежал по проходу и прыгнул в окно. Как тогда в воду... Потом стеклом... Ведь окно-то я разбил... Порезал себя этим стеклом.

— Ты и вправду рехнулся?

— Мне было бы спокойнее, гораздо спокойнее, если бы и ты в это поверил. Когда наконец пове-ришь, не забудь мне сказать. Это будет настоящая победа.

— Тебе плохо?

— Приятного мало... Но чтобы плохо — нет, не очень.

— Я имел в виду стекло и крест.

— И я. Мучаешься только от необходимости постоянно концентрироваться. Я сам себя убеждаю, что должен так сделать. Изю всех сил себя убеждаю, что хочу этого. Теперь я вынужден хотеть. Мне нельзя отступать. *Alea jacta est**.

Ночью я проснулся. Христа не было... Я выскочил из барака раздетый. Чтобы не терять вре-мени. Но попятился. Ноябрь ударил сорокаградусным морозом. Я вернулся за бушлатом и выбежал. Христос прохаживался величественным шагом. В одном белье... Даже не в белье. Голый по пояс. В одеяле, брошенном на плечи.

— Ты, брат, так замерзнешь или заработаешь себе воспаление легких! Ну кто тебя сейчас видит.

— Ошибаешься, — возразил он. — Да и не в этом дело.

После «развода» — отправления бригад на работу — обязательно устраивали переключку лагер-ников, которые по тем или иным причинам оставались в зоне. Одновременно нарядчик и коменданты шныряли по всем баракам в поисках «отказников». Тех, кто должен был работать, но уклонился.

Загонщики вошли за начальником караула в барак. Христос сидел неподвижно на нарах. Ведя счет, начальник караула оказался возле него и лишился дара речи. Сбился. Золотников, который счита-л вместе с ним, тут же его поправил.

— Это что еще за чучело? — начальник был поражен.

— Симулирует сумасшествие, — ответил Золотников тоном, не допускавшим сомнений.

— А, это тот, что в воду сиганул... Говорите, прикидывается?

Золотников обратился к нарядчику:

— У него есть освобождение от работы?

Нарядчик заглянул в свой список. Проверил несколько раз.

— Нет. Нету. Было до вчерашнего дня.

— Его нужно немедленно посадить в карцер. Как только закончим проверку. Это наглый симу-лянт. — Золотников с ненавистью смотрел на Христа.

— У него нет больничного, — вмешался я, — потому что он вообще не ходит к врачу. Я хотел его заставить, просил, уговаривал... Всё напрасно. До него ничего не доходит.

— Но ложку держать он умеет, — оборвал меня Золотников. — И знает, что говно не едят... От-личает... Вообще, не ваше дело, и не вмешивайтесь. Справимся без вас.

Когда ударил гонг, что означало конец переключки, Христос вскочил и вышел вон. Прямо-ком в столовую...

* Жребий брошен (лат.). — Здесь и далее прим. пер.

Золотников привел нарядчика и двух комендантов бараков — Мишку и Яшку.
— Где этот симулянт? — обратился он ко мне.
— Какой симулянт? — уточнил я, словно и вправду не знал, кого он имеет в виду.
— Не догадываетесь, о ком речь? — издевательски спросил Золотников. — Симулянт. Этот ваш польско-жидовский вонючий Христос!.. Теперь дошло?
— Не знаю такого, — сказал я спокойно. — Но я хотел бы вас, пан товарищ, предостеречь, чтобы вы таких сочетаний не употребляли. Ваш срок, пан товарищ, заканчивается, если не ошибаюсь, через несколько месяцев.
— Угрожаете? Мне угрожаете?.. Ха-ха-ха!.. Может, жалобу напишете? Пишите. А я вас сотру в порошок. Понятно?

Загонщики вышли из барака. Я выбежал следом. Знал, что они будут искать Христа, пока не найдут. И они искали его целый час. Шарили по всем баракам и укромным местам. Никого... Мне уже самому стало интересно. Я ломал голову, куда он мог подеваться...

И увидел его первым... В столовой в такое время обычно получала завтрак бригада, обслуживающая администрацию лагеря. Эти выходили на работу позже остальных. Их называли «начальством». Они тоже были зэками. Но — не чета остальным. Им давали лучшую жратву. Котел ИТР. Никому и в голову не могло прийти, что Христос отправится в столовую вместе с ними.

После меня его заметил Мишка-чечен. Заржал и принялся потешаться над своими, которые продолжали поиски. Христос неторопливо возвращался в барак. В одну секунду все четверо окружили его, нарядчик схватил за одеяло. Но Христос даже головы не повернул. Одеяло осталось в руках преследователя. Христос продолжал медленно шествовать дальше.

— Эй, ты, Иисус Христос, — крикнул Яшка, преградив ему дорогу. И в тот же самый момент споткнулся и растянулся перед Христом во весь рост. Прямо под ноги нарядчику, который из-за него тоже упал...

Христос осторожно обошел лежащих.

Загонщики были в бешенстве. Один Мишка веселился. Но мгновенно посерьезнел, как только увидел, что вокруг собираются зрители. Они бросились на Христа вчетвером... Ведь дело пахло подрывом авторитета. «Власти» не могли справиться с нагим человеком, который не оказывал им никакого сопротивления.

Не могли справиться...

Сам не знаю, как это произошло. Я глазом не успел моргнуть, как все четверо лежали на земле. Поднимались с вытаращенными от удивления глазами под крики и смех собравшихся. Христос ступал не спеша, как будто ничего не случилось. Они бросились за ним. Золотников схватил его за ногу и дернул. Христос ловко приземлился на снег, как кот... Я и правда не знаю, как это произошло... Золотникова отбросило назад. Он согнулся в три погибели. Застонал, прижимая локти к животу.

Но Христос не успел подняться... Не знаю, может, если бы он поторопился... На него навалились трое. Яшка схватил за левую руку, нарядчик и Мишка за ноги. Волокли его по снегу на голой спине. Христос совершенно не сопротивлялся.

— Живее! — крикнул Золотников, который уже успел встать и прийти в себя. — Чтобы кожу с задницы содрать!

Толпа бросилась в их сторону. Многие, наверное, из любопытства... Другие... Аким Аверьянович преградил загонщикам дорогу. Неизвестно откуда взявшийся кусок льда угодил Мишке в спину. Другой — разбился о Золотникова. Мучители остановились, но не отпустили Христа.

— Вы что вытворяете?! — сказал сурово и серьезно Аким Аверьянович. — Вы с ума сошли? Голого человека по снегу?...

— Вы что делаете, гады ебанутые?! — напирал на загонщиков Ленька Кривой, размахивая у них перед носом дрыном. — Вы что с человеком делаете, крысы в жопу ёбаные? Сукой буду, хуй мне в глотку, если вас всех сегодня не повывозит отсюда вперед ногами Васька Рогов!

Золотников бочком выскользнул из кольца зевак и с криком понесся в сторону караулки. Потом раздался выстрел из нагана. Начальник караула, размахивая оружием, мчался в сторону столпившихся.

— Разойтись! — орал Золотников, бежавший рядом с конвоиром, вооруженным винтовкой.

— Разойтись! — как эхо ответил «голубятник» с ближайшей вышки. Окрик и предупредительный выстрел.

Люди бросились врассыпную. Но совсем не ушли... Остались только загонщики, Аким Аверьянович, Ленька Кривой и Христос на снегу.

— Что здесь происходит? Кто его избил? — спросил начальник караула, показывая на Христоса и пряча наган в кобуру.

— Это они, гады, — показал Ленька на загонщиков.

— Обожди, — отодвинул Леньку Аким Аверьянович. — Гражданин начальник караула, пусть вас не удивляет, что люди не позволили волочить голого человека по снегу. Голого и не в своем уме. На что это похоже! Не допустите такого!

— Мы его волокли, потому что он не хотел идти в карцер, — сказал Золотников. — Никакой он не псих. Он симулянт и лентяй, который не хочет работать.

В этот момент Христос встал. Ленька набросил ему на плечи одеяло. Христос медленно побрел в сторону женского барака.

— Куда?! — гаркнул вслед нарядчик.

Еще два неспешных шага... И вдруг он помчался как стрела. И скок головой вперед... — звон разбитого окна, треск рам. В бабьем бараке визг и топот ног. Через секунду в дверях показывается Христос... Даже не поранился... В правой руке держит большой осколок стекла. Как меч. Идет в сторону загонщиков. Шагает торжественно и смотрит прямо перед собой, словно никого не замечая. Загонщики на всякий случай уступают ему дорогу. Сам начальник караула в последнюю секунду отскакивает в сторону. Но именно в этот момент Христос останавливается, беспомощно опускает на землю свой прозрачный меч и ставит на него ногу. Стекло с хрустом ломается.

— *Pax vobiscum**. — Христос возносит руки и поворачивается кругом. — *Pax vobiscum, pax vobiscum*, — повторяет он троекратно. — Прости им, ибо не ведают, что творят.

Аким Аверьянович шепнул мне:

— Иди к Натe Андреевне. Ничего не говори о нем. Скажи лишь, что Аким Аверьянович просит ее сейчас же прийти. Скажи, очень важное дело.

Мне с трудом удалось уговорить санитарку, чтобы вызвала Натy. Но не успела она сделать два шага, как Ната была уже в дверях. Я передал ей просьбу Акимa Аверьяновича.

— Он там? — спросила Ната.

— Аким Аверьянович на кухне.

— Нет... Этот мой Христос несчастный.

— Его отвели в столовую. Наверное, он еще там.

Примерно через десять минут Ната с Акимом Аверьяновичем вошли в столовую. Я подождал минут пятнадцать. Неудобно было подслушивать или заглядывать в окно. И я уже не рассчитывал... Меня, однако, позвали. Оказалось, что я нужен как переводчик. Христос говорил только по-польски, по-латыни, черт знает на каком еще... Во всяком случае не по-русски. Не реагировал на слова, произнесенные на этом языке.

Персонал кухни подсматривал и подслушивал, облепив окошки изнутри. Все были скорее в приятном возбуждении. Такое зрелище! Одна Ната была раздражена. Не любила чувствовать себя беспомощной.

— Сию секунду прекратите прикидываться сумасшедшим. Иначе это для вас плохо кончится, — сурово сказала она Христосу.

Но тот посмотрел на нее, словно на неземное создание, и простер над ней руки. Будто благословлял ее. И лишь после паузы сказал:

— *Filia mea! In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti ego te absolvo***.

* Мир вам (лат.) .

** Дочь моя! Отпускаю тебе грехи во имя Отца и Сына и Святого Духа (лат.).

Я отнесся к роли переводчика самым серьезным образом. Перевел, заметив, что это сказано по-латыни.

— Да, да, — воскликнула из окошка Станислава. — Я еще помню. Так говорит ксендз, когда отпускает грехи.

Никто не смеялся. Сцена была настолько нелепа, что при других обстоятельствах я бы покатился со смеху. Я и в самом деле не понимаю, почему не мог даже улыбнуться. Только у Наты это получилось.

— Теперь, — сказала она, — я безгрешна. Могу не волноваться, пока не примусь за старое.

— Улыбка, дочь моя, на добрых твоих устах позволяет мне думать, что ты свою ошибку осознала. Ты хотела меня лечить, ты заблуждалась. Но поняла, что у тебя самой душа больна. Ты выйдешь здоровее — говорю тебе. Да хранит тебя Бог, дочь моя, ибо прощены будут, которые блуждают в поисках добра.

Теперь он говорил по-польски... Я перевел слово в слово. Ната пожала плечами.

— Категорически вам заявляю. Прекратите. Я не дам вам никакого освобождения. И сама распряжусь, чтобы вас посадили в карцер. Я уже иду. Можете делать всё, что вам заблагорассудится.

Она в самом деле вышла. Я испугался, что она говорит серьезно. Но она меня подозвала и попросила проводить его, если получится, в медпункт. Сказала, что нельзя больше ломать здесь такую комедию, как только что.

Я отвел Христа в медпункт. Мне удалось уговорить его сесть на стул. Сам я встал рядом. Ната и армянин тихо совещались между собой. Время от времени исподтишка поглядывая на Христа. Ната была решительнее... Я видел, что армянин колеблется... Подошла к больному. Смело заглянула в глаза, заслоняя рукой то один, то другой. Приподняла веко.

Христос осторожно взял ее за руки.

— Я всё же не лошадь. Хотя в этой белой стране люди ценятся дешевле лошадей. Продадут ли меня как коня на ярмарке или же как раба на невольничьем рынке, но не пристало тебе, не имеющей ничего общего с кровожадными зверями, белыми медведями, лакающими кровь невинных...

Может, он хотел еще что-то сказать... Я боялся что-то упустить и начал быстро переводить. Теперь я в самом деле опасался, что ему изменило чувство меры... Это не ускользнуло от Наты, и она возмущенно посмотрела на меня. Я сразу опомнился.

Христос плакал. Слезы медленно текли у него по лицу.

— Боже, пронеси чашу сию мимо меня, перенеси меня в иное измерение. Чтобы я стал плоским, как Евклидово пространство, чтобы я тонким стал, как единственное измерение, чтобы я расширился, как твоя измученная Вселенная, и раздулся до бесконечности измерений твоих. А потом дай мне силу, которая быстрее скорости луча света твоего, которая пронзает и проникает сквозь измерения. Дай мне уйти.

Он говорил почти шепотом. Медленно. Без пафоса. Я безотчетно слово за словом повторял. Я не мог иначе.

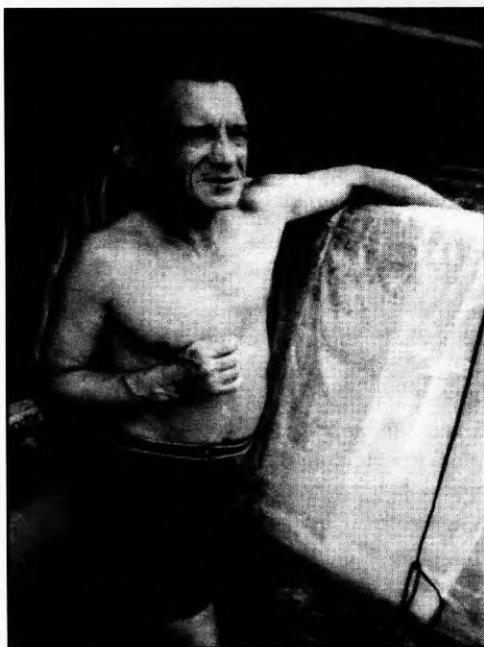
TGIEL

ДАЛЕКО ИЛИ...

Беседа с Ежи Йохимеком

Ежи Йохимек

В нынешнем году библиотека журнала «Тигель культуры» пополнилась сборником под названием «Колымские псы», в котором опубликованы «Дневник на березовой коре» и «Колымские псы» — две первые части цикла романов Ежи Йохимека, в основу сюжета которых был положен его опыт пребывания в советских лагерях. Эти произведения впервые изданы легально и без сокращений спустя полсотни лет, минувших с тех пор, как они были написаны. Автору в этом году исполнится 86 лет, «Тигель культуры» (2003, №№4-6) писал о нем, публикуя «Далеко или еще дальше» — так первоначально назывался цикл его романов, — и в послесловии к только что изданной книге. Однако многие факты в его полной драматизма жизни и в связанном с ней творчестве требуют объяснения, а кое-что — и опровержения. Он уехал из Польши 38 лет назад. Живет в США и не мог принять участия в презентации «Колымских псов», во время которой давние друзья, знакомые и ученики попытались представить его и как писателя, и как человека. Ежи Йохимек ответил из-за океана на вопросы, связанные с созданием его романов.

— Когда вы писали свои романы, основанные на пережитом в лагерях, вами руководила необходимость дать свидетельство, заставить мир осознать угрозы, таящиеся в советской системе, или, может быть, это была попытка понять человеческое и бесчеловечное поведение в экстремальных условиях?

— Я вернулся в Польшу и «домой» в мае 1948 года. Первые четыре мои романа я, можно так сказать, носил в себе. Вернувшись прямо из ГУЛАГа, я был диким. Меня не узнала родная мать. Узнал меня только один из школьных товарищей. Мечислав Яструн (я появился в Лодзи в редакции «Кузницы») сказал, что я ему напоминаю героев Джека Лондона. В то время я решительно не знал, что с собою делать. В конце концов пришлось решение. Я понял, что ученым мне уже не стать. Мне хотелось писать. Но я не знал, сумею ли. Некоторое успокоение пришло лишь тогда, когда я начал учиться на филологическом факультете. Начал с переводов. К этому меня подтолкнул Юрек [Ежи] Помяновский. Еще учась в гимназии, я проявлял определенные склонности к сочинительству. Помню смешную историю, случившуюся в третьем классе гимназии. Польский язык у нас преподавал Мечислав Яструн. И вот контрольная работа. Надо выбрать тему. Что-нибудь из «Илиады». У меня была книга об «Илиаде». В одной из глав этой книги содержался точный ответ на тему сочинения. И я в буквальном смысле от лениности «передрал» эту главу. Я помню, что это был перевод с итальянского. Автором оригинала была Лаура Орвието. Оценка профессора Агата (так мы прозвали Яструна) звучала так: «Работа серая, неинтересная»... А я был уверен, что... В следующий раз я взял свободную тему. Я придумал приключение в лесу — со змеей, ужом и котом. И получил оценку: «Работа написана живо, интересно, читается легко». Я был горд как павлин; это означало, что я пишу лучше тех, кто

пишет и издает книги. В то время мне было 12 лет. В 1956-м мне было 35. Придумывать мне ничего не пришлось. Лишь изложить, выбросить из себя — как-то это скомпоновав. Однако у меня было опасение, что «мир» не слишком хорошо знает то, о чем я намеревался писать. Я думал в конце года — когда наступил «польский октябрь» и вспыхнуло восстание в Венгрии и... — что я могу писать и рассчитывать как на успех, так и на издание. До того как я начал переносить задуманное на бумагу, в голове у меня уже всё сложилось. Даже слишком много. Многие я потом выбросил. Первая часть, мой первый том, если бы я оставил все так, как у меня сложилось тогда в голове, насчитывал бы не 330, а все 650 страниц рукописи. То же самое и с «Колымскими псами» — возможно, несколько меньше, но наверняка вышло бы почти 600 страниц.

— *Сам дневник на бересте появляется лишь в конце первого романа, но именно он дал ему название, прямо указывая, что произведение надо воспринимать как свидетельство того, о чем мир не знает и о чем — есть такое опасение — так и не узнает. В 1948 г. в Лондоне вышла книга «Катынское преступление в свете документов, с предисловием Владислава Андерса». Книга была о Катыни, но в ней были также опубликованы немногочисленные рассказы свидетелей, в частности о затопленных на Белом море баржах с польскими офицерами. Возможно, эти рассказы, воспринимавшиеся, впрочем, в то время как слухи, и подтолкнули вас написать про дневник на бересте?*

— О Катыни — вообще — я узнал только по возвращении в Польшу, в мае 1948 года. Конечно, об этом рассказывали самое разное. У меня особых сомнений не было — чтобы не сказать: не было никаких сомнений. О вышедшей в Лондоне книге «Катынское преступление» я ничего не знал. И не слышал о «слухах». Баржи на Белом море... Я знал о них. Сомнений у меня не было.

— *В первом томе вы противопоставляете различные позиции заключенных поляков. Наиболее неблагоприятно при этом выглядит часть офицеров, как можно догадаться, эндецкой ориентации. Явно дискредитируется их представление о том, как в лагере можно с честью выжить. На протяжении всего цикла романов герой — это тот, кто умеет, не отказываясь от своей человеческой позиции, приспособиться к бесчеловечной ситуации. В 50-е годы за границей были уже известны книги «На бесчеловечной земле» Юзефа Чапского и «Иной мир» Густава Герлинга-Грудзинского. Предполагалось ли в книге «Далеко или еще дальше» представить другой «иной мир»?*

— «Иной мир» Густава Герлинга-Грудзинского я прочитал впервые только в ноябре 1967 г. в Париже. Тогда же я прочел «На бесчеловечной земле» Чапского. Он сам подарил мне экземпляр. И Чапский же на одном дыхании прочитал мои романы.

— *Стали ли романы, рукописи которых кружили по широкому кругу ваших знакомых в Польше, причиной репрессий?*

— В 56-м году госбезопасность, можно сказать, «отступала после поражения». Вообще весь сталинизм «отступал». В то время у меня не было неприятностей с СБ. Я совершенно легально передал рукописи в ПИВ [Польский госиздат]. Они там пролежали довольно долго. В конце концов Анджей Киёвский, редактор отдела прозы, пришел к выводу, что не может быть и речи об издании, цензура не пропустит. Он весьма высоко оценил мою прозу и очень сожалел, что невозможно ее издать. Это происходило за несколько лет до выхода первого произведения Солженицына в СССР. Хрущев лично разрешил опубликовать «Один день Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир» в 1962 году. Тогда у меня проблем с ГБ не было. Многие друзья читали мои повести в рукописи.

— *А учителя из V общеобразовательного лицея в Лодзи, они об этом цикле прозы знали?*

— Я начал преподавать русский язык в V общеобразовательном лицее в 1958 году. Или в 1959-м. Время от времени я подрабатывал и в других лицеях. Мне надо было заработать на катамаран. Цикл был уже готов, хотя я постоянно вносил какие-то поправки. Ни о моем гулаговском прошлом, ни о моих книгах учителя ничего не знали.

— *Были ли попытки вывезти рукописи из Польши? Кто-то же в конце концов их вывез?*

— Мои друзья, Халина и Болек Оломущкие, легально переезжали во Францию. Он — архитектор и художник, она — невероятно талантливая художница. Они дружили с семьей тогдашнего ректора Щепанского. При мне они упаковали мои рукописи в ящик (вместе с разными вещами), который был

отправлен багажом. Во Франции они провели добрых несколько лет. В Париже у них была чудесная квартира, которая — можно смело сказать — была прекрасной выставкой Халины. Оба они пережили Освенцим. Главная тема картин Халины была тесно связана с Освенцимом. Когда в 1967 г. я оказался в Париже, меня там ждали мои рукописи. Спустя несколько лет Оломуцкие переехали в Израиль. Несколько лет назад Халина получила орден от правительства (уже свободной) Польши. У нее было несколько выставок во Франции, в Израиле и в Каире. Кроме того были еще два человека, которые тоже кое-что перевозили. Я предпочитаю не называть их фамилий.

— *О том, что вы собираете катамаран, знали все вокруг, в том числе учителя и ученики. Это был способ усыпить бдительность органов, которые должна была усмотреть в этом признаки безумия и перестать заниматься сумасшедшим?*

— Да, я хотел усыпить их бдительность. Одновременно в этом был для меня шанс «выплыть» на свободу. Всех возможностей побега из охраняемой страны я здесь обсуждать не буду. Единственный путь вел через море.

— *Томаш Яструн в 2004 году в приложении «Плюс Минус» к газете «Жечпосполита» написал:*

«Мой отец до войны был учителем в лодзинской Общественной гимназии. (...) Среди учеников этой лодзинской школы был один странноватый юноша, которого звали Ежи Йохимек. Многие из учеников отца погибли, больше всего среди тех, кто занимался на варшавских подпольных курсах, во время восстания. Многие из тех, лодзинских учеников, «растворились» по миру. Йохимек чуть было не погиб, а потом «растворился». Поэтому мой отец был весьма удивлен, когда тот вдруг постучался к нему в двери, — это было, кажется, в начале 60-х. Он производил впечатление очень нервного человека, ходил, жестикулируя, словно звезды срывал. Оказалось, что во время оккупации на его долю выпали страшные испытания, он бежал в СССР — с тайной миссией помочь тем, кто пытался выбраться через Венгрию и вступить в польскую армию. Был арестован, получил пять лет лагеря, потом добровольцем вступил в Красную армию, был тяжело ранен под Орлом и лишь в 1948 г. вернулся в Лодзь. А своему бывшему учителю польского языка принес рукопись своего романа о лагерях. Он просил отца помочь ему издать книгу за границей. Моего отца этот визит встревожил, он опасался провокации, писатели в то время были в немилости. Рукопись он спрятал в подвале. И забыл о ней. (...)

А Ежи Йохимек? Он был человеком, который всегда сбегал — из оккупированной Польши, из советской России и из лагерей тоже. В 60-е годы ему не давали заграничный паспорт. Поэтому он тайно собрал в своей лодзинской квартире катамаран. Тут меня подводит воображение, но, говорят, катамаран вытаскивали через окно. Балтийское море в августе 1967 г. оказалось к нему благосклонно».

Нет ли в словах Томаша Яструна каких-либо искажений? Как там было, например, с Красной армией?

— Мне кажется, что Томаш Яструн кое-что перепутал. Я не мог быть учеником подпольных курсов; ведь я был далеко на востоке. Учеником этих курсов был мой младший брат. Никто не «бежал» в СССР. Я никогда не вступал добровольцем в Красную армию. Мой брат, насколько я знаю, погиб во время восстания в Варшаве. В 1948 г., вскоре после моего возвращения в мае того года, я застал Мечислава Яструна в редакции «Кузницы» в Лодзи. Я сказал ему, кто я такой. Мы разговоривали около часа. Кстати, Яструн — я помню — сказал мне про Юрека Помяновского. И о нем мы немного поговорили. В 1948 г. я еще не писал...

Катамаран... Я не собирал его тайно. Множество людей знало об этом. Ю.Вишневецкий говорит о каком-то пожарном подъемном кране. Не было никакого крана. Я сам вытащил его через окно. Мне помогали двое парней. Из окна моей комнаты на улице Коперника был протянут стальной трос и прикреплен к фонарю на противоположной стороне улицы. Оба корпуса катамарана потихоньку спускались вниз. Не было необходимости тянуть их по всей длине троса. Трос ослабляли, и половинка катамарана «приземлялась» на тротуаре.

В начале 60-х я принес рукописи своих романов Мечиславу Яструну. Мне прежде всего хотелось, чтобы он их прочитал. Некоторое время спустя я увиделся с моим бывшим учителем (в писательском клубе). Мы поговорили о романах. Тогда он сказал, что сомневается, сможет ли помочь мне в

передаче рукописи кому бы то ни было. На этом все закончилось. Я, правда, напомнил ему о ПИВе и об оценке, которую дал моим повестям Анджей Киёвский. Но он только всплеснул руками и сказал: «Это написано так сильно и... так опять же опасно».

— *У кого-нибудь еще, кроме Яструна, в Польше остался экземпляр романов?*

— Да. Перед отъездом я оставил мои рукописи еще нескольким людям. Не буду их тут называть.

Гедройц, несмотря на положительную оценку Чапского, не захотел публиковать повесть «Далеко или еще дальше». Говорят, он увидел в этом лишь некую «лондониаду». Возможно, на решение Гедройца повлияло то, что в 1965 г. он переиздал «Иной мир», а за три года до этого — «На бесчеловечной земле» и уже готовил к изданию Солженицына, который описывал лагерь добросовестно, но не затрагивал тему преступлений против польского народа. В то же самое время «Культура» поменяла направление своей политики в отношении СССР. Об этом свидетельствует цитата из № 4 за 1968 год:

«Эта политика — не «ягеллонство» и не так называемая «прометейская идея» в ее довоенном виде. Наше отношение к России продиктовано здравым смыслом. Один американский дипломат был прав, заметив, что нации обращаются к здравому смыслу лишь в том случае, если у них нет альтернативы. А у поляков нет альтернативы, и им следует обратиться к здравому смыслу».

— *Исходя из этих фактов, как оценить причины, по которым Гедройц отказался печатать книги, написанные в Польше и вывезенные с риском нарваться на серьезные неприятности?*

— Чапский был со мной откровенен и имел отличное от Гедройца мнение о моих романах; Гедройц считал, что написанное мною и чересчур сенсационно, и слишком смело. Ему не понравился некий род активного антитеррора со стороны некоторых «политических» заключенных. Ему трудно было согласиться с тем, что в большинстве своем это были коммунисты и их взгляды в принципе ничем не отличались от взглядов тех, кто их посадил. Я был убежден, что приди эти заключенные к власти — мало что изменилось бы. Чапский прекрасно это понимал.

— *Отказ в публикации не был личным поражением, но мог вызвать ощущение бессилия и желание сбежать... в США, чтобы работать над диссертацией. А потом вы всё-таки отказались от карьеры в университете. Почему?*

— Вопрос сложный. О карьере говорить тут не приходится. Подобная карьера в 95 случаях из 100 заключалась в том, что студентов обучали алфавиту и началам грамматики. Литература? Опять же на 95% — в переводе на английский язык. Существовало несколько исключений, но эти «исключения» были уже «оприходованы». Не буду касаться деталей. Скучища. Мне хотелось этого избежать.

— *И вы брались за разные занятия, в частности, работали поваром, но прежде всего писали.*

— У меня готово шесть романов — это свыше двух тысяч страниц плотного машинописного текста. Больше всего, однако, меня заботит то, что меня вечно что-нибудь отвлекает от писания. Если ничего не изменится, то мне придется отослать страниц двести моего, вероятно, последнего романа «В погоне за крылатой кошкой». Я запланировал и по-прежнему планирую, что в нем будет 550-650 машинописных страниц. А эти 200 страниц уже точно никаким изменениям не подвергнутся. Не хочется говорить о том, что может произойти «в самом худшем случае»... Мне надо написать много писем. Боюсь, что если я этого не сделаю, то не дождусь презентации следующих томов. А ожидание в моем возрасте — занятие весьма рискованное...

Беседовала Кристина Столецкая

Лешек Шаруга

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ: ПОЭЗИЯ МАСТЕРОВ

Что важного произошло в польской литературе за последние 20 лет, минувших от обретения страной независимости? И прежде всего: что предложили за это время поэты, которых не без основания называют старыми мастерами?

Одно из важнейших явлений последнего двадцатилетия — активность авторов старших поколений, прежде всего Чеслава Милоша, Тадеуша Ружевица, Виславы Шимборской, Ежи Фицовского, Збигнева Херберта, Юлии Хартвиг, а также Анджея Мандальяна, Казимежа Хофмана, Людмилы Марьянской. Большие мастера не только подтвердили свой высокий художественный уровень, но сверх того открыли в лирике новые пространства мысли. Это созвездие поэтов несомненно решающим образом, хотя каждый по-своему, повлияло на динамику поэтического дискурса. В его состав — за исключением Милоша — входят поэты военного поколения, и если можно указать мотивы или проблемы, объединяющие их в особую группу, то следует подчеркнуть, что именно в их произведениях мы имеем дело с профильтрованным через индивидуальный тип эмоций соборный голос, где слово поэта сохраняет не только величие, подвергаемое ныне испытанию постмодернистской отчужденностью, но и способность открываться в диалоге.

Об этом величии напомнил в рассматриваемый период их младший современник Адам Загаевский в эссе о достоинствах высокого стиля. Что это означает? Это означает в первую очередь заботу о непрерывности традиций, во времена «реального социализма» постоянно оказывавшуюся в опасности, но в то же время и сознание неустанного нажима, которому — сегодня хотя бы через господство массовой культуры и давление рынка — подвергается искусство, не поддающееся «чудищу непосредственной пользы», о котором еще до войны писал Виткаций. Одновременно это и напоминание о строгости художественной формы, о ясности и читаемости поэтического дискурса.

Однако этот вопрос не так-то прост. Милош, многие годы во всё новых сборниках демонстрировавший возможности «формы более вместительной», обращал внимание на обманчивость поэтического дискурса. Так, в тексте «Псалмы» он подчеркивал: «Псалмы Давидовы, которые я перевел на польский, одним помогают в молитве, других отталкивают, потому что они почти корыстны. (...) Нужна немалая потребность смирения перед Всемогущим, чтобы простить псалмам их детские хитрости». Как будто дополнительным комментарием к этим словам стало стихотворение «Читая «Записную книжку» Анны Каменской»:

*Читая осознал как она была богата а я беден.
Богата любовью и болью, плачем и снами, и молитвой.
(...)
Не была выдающимся поэтом. Но это справедливо.
Добрый человек не обучится хитростям искусства.
(Здесь и далее стихи в пер. Н.Горбаневской)*

Безжалостность этих суждений строится на крайней искренности — как это имеет место и в «Честном описании самого себя над стаканчиком виски в аэропорту, предположим в Миннеаполисе», где в длинных стихотворных строчках речь идет о «компоновке сцен сей земли по приказу эротического воображения»:

Не моя вина, что мы так вылеплены, наполовину из бескорыстного созерцания и наполовину из аппетита.

Если после смерти я попаду на Небеса, там должно быть как здесь, и всего лишь избавлюсь от тупых чувств и отяжелелых костей.

Эта искренность составляет сумму опыта как экзистенциального, так и метафизического — демонстративная в своей откровенности, она, как на исповеди, становится шансом спастись перед лицом суда, от которого нет апелляции. Это нечто, что больше правды, как исповедание веры больше познания.

В свою очередь Ружевич из сборника в сборник — начиная с «Барельефа» с парадоксальным признанием: «жизнь без бога возможна / жизнь без бога невозможна», — создает контрапунктную по отношению к «высокому стилю» линию, а в то же время подводит своеобразный итог опыту и, продолжая противопоставлять «человеческий язык» традиционному, еще тональному «языку Муз», доводит концовку до задачи, которую он себе некогда поставил в ироническом комментарии к тезису Адорно и которая состоит в том, чтобы «писать стихи после Освенцима». И тут оказывается, что «латинский якорь», о пользе которого писал в 1945 г. Ежи Загурский, по-прежнему остается пригодным. Фрагмент поэмы Ружевича «recycling» начинается цитатой из «Метаморфоз» Овидия (кстати говоря, «recycling» — это как бы сегодняшняя формулировка «метаморфозы»): «Aurea prima sata est aetas (...)» Потом, как известно, этот золотой век, который был первым, прошел разнообразные преобразования. И вот: «минует век XX / приходит конец / христианскому миру».

Этому концу сопутствуют различные знамения на небе и на земле: что-то творится странное, тревожное, может быть, даже апокалиптическое. Если присмотреться к этим наблюдениям в контексте всей поэзии Ружевича, окажется, что христианство подвергается здесь тому же самому преобразованию, что и всякая действительность, погруженная в постмодернистское пространство. Как выглядит этот конец «всего», можно исключительно четко увидеть, следя за «метаморфозами» золота: «на слитках золота / в сейфах Риксбанка / центрального банка Швеции / золото начало плакать / кровавыми слезами». Потом лавина нарастает: «Nazi-Gold / auch in Portugal». И вот оказывается, что современная культура подсовывает выход из этой морально подозрительной ситуации: это выход, обращающийся к праву подвергнуть сомнению «большие повествования», которые до сих пор сопутствовали нашей культуре, вместе с правом усомниться в том или ином основополагающем опыте современности: «а может / Холокоста не было / всё чаще читаешь об этом / в постнацистских немецких газетах / в газетах американских». Итак, развивается *das lange Gedicht* вплоть до иронической и вместе с тем драматической концовки: «P.S. / какое длинное стихотворение / так оно / тянется тянется не скучно ли «мастеру» / не возможно ли это вместить / в японское хайку? Невозможно».

Можно подвергнуть сомнению «большие повествования», говорит поэт, но тем самым придется отвергнуть возможность оценки наших поступков. Если же остается желание сохранить способность различать добро и зло, то надо уметь принять рассказ о человеческой судьбе и ее метаморфозах. Иначе будет вновь и вновь повторяться — как в стихотворении «Я видел Его» — жест Пилата. И, быть может, одно из важнейших поэтических событий в этом контексте — ответ Милоша на рассуждения Ружевича о том, что зло берется «из человека / всегда из человека / и только из человека». В стихотворении «Unde malum» Милош договаривает: «действительно пан Тадеуш / зло (и добро) берется из человека».

Свою высокую форму подтвердила и Шимборская. Мы знаем хотя бы из ее нобелевской лекции, что Шимборская избегает определения поэзии. Однако если она берется сделать такую попытку, то делает это коварно, как в начале последнего стихотворения в сборнике, который так и называется «Собственно любые стихи»:

*Собственно любые стихи
могли бы называться «Мгновение».*

Стихотворение завершается двоеточием. Но действительно ли двоеточие его завершает? Не так ли обстоит дело, что прямо после двоеточия «всё» и начинается — на чистом белом листе. В Книге Шимборской, как во всякой Книге, такой лист появиться обязан. А из стихотворения Ярослава Марек-ка Рымкевича «Лист» мы знаем: «Кто его прочесть сумеет / В изумленье обомлеет». Знание об этом, разумеется, вписано в поэзию Шимборской, где не случайно одно из «самых странных слов» — слово «Ничто», о котором она пишет: «Выговаривая слово Ничто, / я создаю нечто, невместимое ни в какое небытие». То же самое происходит, когда в конце стихотворения появляется двоеточие — таким образом открывается целый космос возможностей, одна из которых — молчание.

Силой этой поэзии всегда была ее сосредоточенность на деталях. Двоеточие — такая деталь, и такая же деталь — «точки копытца» из «Радости писать»: «Над белым листом затаились к прыжку / буквы, которые могут сложиться плохо, / предложения-загонщики, / от которых не будет спасения». Каждый знак существует по отдельности, однако каждый, как в этом стихотворении, становится звеном «цепочки знаков», связывающей время. И можно написать трактат о времени в этой лирике, о его поэтической философии. В «Греческом приданом» говорится, что мраморные скульптуры «погибают (...) бело / и не всегда до конца». Уцелевший торс продолжает приковывать внимание, «ослепляет и живет». Неустанно трудятся Парки, в особенности разрезающая нити жизни Атропос. Тем не менее поэтесса (лирическое я?) способна остановить их труд, поспешно заканчивая «интервью с Атропос». В последних сборниках юмор Шимборской — это зачастую шутки со смертью (не над смертью). Это своеобразная и требующая углубленного анализа переоценка барочных традиций, одной из господствующих точек отсчета современной лирики. Учítывая, что когда-то Милош признал Шимборскую недостающим звеном нашей позитивистской поэзии — хотя не знаю, верно ли: при ее-то преклонении перед Паскалем? — эти барочные концепты заставляют задуматься.

Еще один важный сборник стихов этого времени — прощальная книга ровесника Ружеви́ча Ежи Фицовского «Всё, чего я не знаю». Это обширное избранное снабжено послесловием Петра Соммера, где говорится об одном из отличительных признаков этой лирики — о языковом «перевороте иерархии»: «Оказывается, то, что сразу после войны по-всякому было важно для Тадеуша Ружеви́ча и Чеслава Милоша как «спасение», у Фицовского — выговоренное тридцать лет спустя с позиции полной зрелости медитирующего «я» — возвращается и оказывается важным как «не-спасение»». Верное замечание, тем более что оно опирается на строки, открывающие цикл стихов, посвященных Катастрофе, — «Прочтение праха»: «я не сумел спасти / ни одной жизни / не умел задержать / ни одну пулю // и вот кружу по кладбищам / которых нету / ищу слов / которых нету / бегу // на помощь незваную / на запоздалое спасение // хочу поспеть / хоть бы задним числом». Поспеть на запоздалое спасение нет способа, тем не менее бежать надо, потому что бежать спасать надо всегда, даже и «задним числом», ибо попросту — так нужно. Этот лингвистический парадокс — а «лингвизм» лирики Фицовского заслуживает особого внимания: это «лингвизм» тонкий, более скромный, чем в поэзии его ровесников Бялошевского или Карповича, — обладает глубоким этическим аспектом. Этическим аспектом обладает и сама концепция поэзии, изложенная в заглавном стихотворении сборника:

*листанье домыслов
пагинация чудес
в обложке оставшейся
от вырванной книги.*

Здесь открывается простор для домыслов истолкования — внимание устремляется как к чудесной первой детской книжке, так и к утраченной Книге: в обоих случаях мы перенесены «в такие стороны света / где если что и творится / творится навсегда», «в цвета такие просторные / что радуги трещат». В поэзии Фицовского предстает абрис негативной философии — кстати, это связывает его поиски с лирикой как Ружеви́ча, так и Шимборской, — где заглавное «незнание» становится содержанием поэтического опыта. Поэзия становится ответом на отсутствие — отсутствие Книги, отсутствие

добра, отсутствие любви, но при этом изъяснение этого отсутствия становится его опровержением, правда, неполным, но обещающим полноту, ту полноту, о которой говорится в концовке «Definitum», стихотворения, открывающего книгу: «Сначала умереть надо».

Когда Рышард Пшибыльский много лет назад искал ключа к пониманию поэзии Юлии Хартвиг, он обратил особое внимание на роль ее поэм в прозе как формы, специфически упорядочивающей и «рационализирующей» видение на границе сна и яви, использующей сюрреалистический возврат к истокам поэзии, но отвергающей беспорядок неконтролируемой вспышки образов. Подтверждение тому мы находим в сборнике «Говоря не только себе», в котором собраны так сконструированные произведения. В коротком послесловии Хартвиг пишет: «Поэма в прозе оказалась созданной для меня. Я дебютировала в «Антологии люблинских поэтов» двумя ранними поэмками, еще неясно тогда понимая, чем отличается эта форма и каковы ее тайны». Одна из тайн этой формы, извлекаемая пером Хартвиг, — созвучие сжатых и развернутых предложений. Если прислушаться к этой музыке, мы найдем в ней ритм стихотворной строки, о котором Милош когда-то писал, что это самое поэтически несущее средство выражения. Его несущую силу можно было бы определить как способность преобразования рассказа в притчу. Прекрасно иллюстрирует возможности такой стихотворной строки размышление из поэмы «Бывают стихи»:

Мы знаем поэтов, которые восхищали речью совсем не одетой и благородной, как бывает иногда нагота, не дающая впечатления наготы.

Да, и такая бывает «поэтичность» этих поэм, которые зачастую отказываются от своей поэтичности и становятся естественными, как разговор. Потому что эти записи Хартвиг — это собственно и есть разговор или скорее предложение разговора. В них идет речь о самом простом опыте: о жизни, в том числе и о жизни в пространстве поэзии, рассматриваемой так же, как все остальные пространства нашего бытия. Ритм стихотворных строк этих поэм накладывается на ритм дыхания, ритм сердца. Автор говорит здесь — как обнаруживает заглавие — «не только себе», но в то же время предсказывает себя самой себе, отдает себе отчет в своей жизни, которая никогда не бывает жизнью только для себя. Проза жизни становится поэзией, как в поэме «Всё выше», где бренность и ничтожество существования встречается с вечностью бытия:

*Рожденные на свалке, жертвы семи бедствий, что ни день откладываем победу.
Еще день. Еще есмь.
А свалка растет и уносит нас вверх, к бессмертию.*

Цивилизация как свалка — троп, неустанно повторяющийся в современной литературе; дело в том, что это наша собственная свалка, полная ненужных вещей и неоткрытых сокровищ, свалка мечтаний и снов, временной и случайной рухляди жизни, а жизнь не случайна. Поэтическое слово очищает эту свалку от случайности, преобразует в процессе обновления. Пространство этого преобразования — форма, которая обнаруживает, как мы читаем в «Одном шаге», тайну существования: «Мирское, profanum отделяет один шаг от sacrum. Но почему лишь некоторым удастся сделать этот шаг — навсегда останется тайной». Так же останется тайной и ответ на вопрос, почему среди говорящих прозой так мало претворяющих ее в поэзию.

Людмила Марьянская в своих «Избранных стихотворениях» обращается к опыту Лесьмяна:

*Под легким вздохом на стекле
прозрачный круг растет всё шире,
и взгляд ложится всё просторней
на свет, рассвет, тот свет.*

Это стихотворение называется «Сад зимой». Зимние сады давно увлекают художников — живописцев, поэтов. Зимняя сказка, ein Wintermarchen, — это обычно жестокая сказка о смерти, об умирании. Белизна, морозное дыхание, четкость рисунка природы, с которой сорваны цветастые одежды, — вот контекст заполненного таинственными значениями пространства, которое гарантирует смысл существования: в зимнем саду «сквозь ветви просвечивает прошлое». Так появляется эта сверхреальность, лесьяновский «тот свет», который по существу есть определение «метафизического аспекта предметов».

В поздней поэзии Марьянской сталкиваются «свет, рассвет, тот свет», три аспекта нашего опыта. Мороз, холод, белизна, резкость — в том числе и резкость взгляда — определяют оригинальность ее воображения, которое нашло свою родину в пространстве символического Большого Каньона: «Висла, Луара, Рейн / в те же впадают околицы» — это околицы, где «просторы дальние и ближние, / иглою боли отморожены, / сплавляются — и кровью брызнул / Большой Каньон в глухой колдобине». «Тот свет» Марьянской — это мир, просвеченный болью опыта, как хотя бы в стихотворении, обращаемся к опыту Варшавского восстания:

*Как повстанцы по каналам бредешь
в нечистотах, сточных водах, отбросах,
с надеждой увидеть наверху
свет. И это тебе страшно.*

Природа этого света-светлоты неуловима, таинственна, но в то же время это свет разоблачающий, от его истины нет возможности уйти: это свет холодный, замороженный, безжалостный. Безжалостна и даже жестока — вопреки иллюзиям первого чтения — и сама поэзия Марьянской, особенно ее стихи последнего двадцатилетия. Эта поэтесса, до сих пор остающаяся как бы в тени, замечательная переводчица Эмили Дикинсон, заслуживает особого внимания.

И наконец, чтобы заключить разговор о старых мастерах, стоит обратить внимание на удивительное развитие поэзии Анджея Мандальяна, два последних сборника которого несомненно представляют собой одно из важнейших поэтических событий этих двадцати лет. Его «Поэма отъезда» — сборник исключительной несущей силы, как художественной, так и познавательной. Здесь поражает способность сплавить в общем повествовании реалистические сведения с метафизическим размышлением: первые — по-юношески хищны, второе — плод опыта. В сборнике Мандальяна то и другое в совершенстве сплавлены воедино. Как и предыдущий сборник — «Лоскут савана» — это поэма, расписанная на отдельные стихотворения, но на этот раз не эпическая, а рефлексивная. Место действия — варшавский Центральный вокзал — трактуется здесь как реалистически, так и метафизически («Центральный» — надзаголовок цикла, вписанного в целое; контрапунктом ему служит цикл «Зал ожидания»). Время действия — современность, болезненно озаменованная историей. Появляющиеся здесь фигуры — это прежде всего герои социального дна вроде Маньки Скоросвит или той, безымянной, из стихотворения «Странствующая с кошками». Время от времени становится небезопасно:

*Идут.
Лавиной.
По лестнице.
Левой, левой.
От стенки до стенки.*

*Ланы обритых затылков.
И бутсы — по коленки.*

Это обычный мир, но его заурядность, описанная с совершеннейшей языковой точностью, ужасает. Ужасает прежде всего сознание того, что жизнь не в состоянии ответить на мечты: «нынче под этой сучьей звездой, / плачет на коленях тот мир, что во мне умер». Этот мир (не)исполнившихся любовей, мир случайных встреч и разлук, полон мрачных закоулков. Причем всё это взято в скобки иронии.

Чтение стихов всех старых мастеров — а стоило бы составить такую «антологию двадцатилетия» и расширить ее за счет еще нескольких поэтов — позволяет в том собрании, какое создают их произведения, выделить на глаз два основных течения: позицию скептического оптимизма (Милош, Шимборская, Хартвиг, Марьянская) и позицию иронического катастрофизма (Ружевич, Херберт, Фицовский, Хофман). Это разные диагнозы, основанные на сближенном распознавании состояния вещей. Быть может — крайне приблизительно — различие между ними выражено в той деликатной поправке, которую в мысль Ружевича о том, что зло берется из человека, вносит Милош, прибавляя (правда, в скобках), что из человека берется и добро. Это различие всё-таки — а оба поэта жаждут поэзии, написанной «человеческим языком» — создает несколько иные мелодические линии их поэзии: у Милоша — тональную, у Ружевича — атональную. Одно для меня не подлежит сомнению: обе представляют собой запись исторического опыта. И это, по-видимому, отличает эту лирику от той — заслуживающей отдельного обзора, — что пишут их поздние наследники, дебютанты того же периода, более или менее демонстративно стремящиеся избавиться от истории, в крайнем случае — взять ее в скобки.

Марта Замбжицкая

НОВАЯ РУССКАЯ ДРАМАТУРГИЯ НА ПОЛЬСКИХ СЦЕНАХ

Активный интерес к общественным и политическим проблемам, смелый, бескомпромиссный диагноз, поставленный современности, острая критика российской — и не только российской — действительности. А еще смелость в экспериментировании и новаторство в формах. Так кратко можно охарактеризовать специфику современной российской драматургии. Эпатируя брутальностью, нередко шокируя зрителей и вызывая их протест, авторы нового российского театра разрушают традиции мещанского искусства, показывая нам деградировавший мир, болезненно уродливый, жестокий или просто до банальности жалкий и пустой. Мир, который нам не хотелось бы видеть в театре, но с которым мы непрерывно сталкиваемся в повседневной жизни.

Произведения русской драматургии уже на протяжении нескольких лет можно видеть на польских сценах, а интерес в Польше к современному русскому искусству и культуре, как представляется, неуклонно растет, о чем могут свидетельствовать постоянные выступления российских балетных трупп на сцене Национальной оперы, а также неослабевающая популярность выдающегося хореографа Бориса Эйфмана. Растущее число фестивалей российского кино или создаваемые в последнее время коллекции фильмографии свидетельствуют о том, что постепенно уходит в прошлое стереотипное представление о русском искусстве как о чем-то неинтересном и принудительно создаваемом, как о «крепостной культуре». Изменения происходят и в сфере литературы: Пелевин, Прилепин, Сорокин, Кононов, Василенко, Букша, Улицкая, Маринина, Акунин — это фамилии лишь некоторых представителей современной российской прозы, чьи произведения переводятся на польский язык. Знакомится польский зритель и с новейшей русской живописью. Однако той сферой, в которую творчество «восточных соседей» вступает всё увереннее и смелее, представляется театр.

Иван Вырыпаев, Николай Коляда, братья Пресняковы — вот имена, которые хорошо знает всякий поклонник современной драматургии. Спектакли по их произведениям, поставленные молодыми польскими экспериментаторами или же — в несколько более традиционной форме — классиками польского театра, можно увидеть на сценах Варшавы, Кракова, Вроцлава и Познани. Всё чаще слышны и новые имена — Василий Сигарев, Максим Курочкин, Евгений Гришковец. Уже традиционными стали смотры важнейших явлений в новой русской драматургии. Достаточно сказать о проекте «Saison gusse» гданьского театра «Выбжеже», а также о начинании познанского Польского театра, так и названном: «Новая русская драматургия». Итак, современный русский театр присутствует на польской сцене. Присутствует и, судя по всему, удостоивается все более высокой оценки у критиков и зрителей. По утверждению Лукаша Древняка, «оказалось, что в течение последних театральных сезонов наиболее часто инсценируемыми у нас текстами зарубежных авторов, наряду с произведениями немецкой драматургии, стали пьесы русской новой волны: братьев Пресняковых, Вырыпаева, Сигарева, Коляды, Гришкова».

Названные выше имена побуждают к размышлениям над спецификой творчества представителей «новой волны». Над тем, чем объединен их взгляд на мир, чем определена оригинальность направления современной русской драматургии. Когда смотришь «Кислород» Вырыпаева, «Мурлин Мурло» Коляды или даже «Изображая жертву» братьев Пресняковых, нельзя отделаться от ощущения, что у всех этих — таких разных — спектаклей есть некоторое сходство. Апокалиптическая история красивой, не вполне нормальной женщины, алкогольный бред провинциальных героев «Кислорода», жалкая пустота существования Вали, который, осваиваясь с явлением смерти, имитирует жертв во время следственных экспериментов... то есть провинция, мир заброшенный, замкнутый и душный, и герой-марионетка, запуганный, раздавленный, не способный к борьбе за иную жизнь и все-таки

борящийся. Борющийся со своей слабостью, с глупостью и пустотой своей жизни. Именно сосредоточенность на личности и превращение ее судьбы в притчу о существовании современного человека и есть, по-видимому, то, что характеризует творчество молодых русских драматургов. Однако, как обычно бывает в театре и в искусстве вообще, оригинальность явления предопределяется не столько содержанием, сколько формой. Ведь что за новость в том, что человек страдает, что он одинок и обуреваем страхами, и можно ли считать открытием констатацию того, что мир жесток и беспощаден? Пожалуй, нет. И никто не понимает этого лучше, чем сам автор. Поэтому русская «новая волна» — это в значительной мере попытка поисков новой формы художественного выражения. Здесь прежде всего необходимо сказать об источниках обсуждаемого явления, то есть о созданном в 1998 г. московском Центре драматургии и режиссуры Алексея Казанцева и Михаила Рошина и особенно о заложенном в 2002 г. «Театре.doc» во главе с Еленой Греминой и Михаилом Угаровым. Эти две сцены, что подчеркивает уже цитировавшийся Лукаш Древняк, отвечают за «обновление российского театра, превращение его в машину по комментированию действительности и экзистенции». Именно форма непосредственного комментария, документирующего, а не интерпретирующего, составляет основу специфики обоих начинаний. Об этом говорит уже само название «Театр.doc», которое следует расшифровывать как театр документальный, то есть прямо отражающий жизнь, реальные события, реальные ощущения и эмоции. Реализм, максимальное приближение к действительности определяет новое искусство. «Театр.doc» — протест против традиционной театральной эстетики, он настаивает на возвращении искусства к повседневному, пусть даже болезненному опыту, он предполагает отказ от декоративности, отвергает сценические и формальные приемы, используемые для того, чтобы «потрясти». Искусство должно быть буквальным, а эта буквальность достигается лишь с помощью техники подлинного интервью с реальными участниками представленного в пьесе события (если спектакль оно касается) или с представителями конкретной социальной группы (чаще всего маргинальной). Такое интервью и используют в качестве основного формального приема создатели «Театра.doc». Разумеется, представленная формальная стратегия документального театра — это лишь некий источник, из которого современные драматурги черпают в большей или меньшей степени, а вовсе не канон формальных приемов. И всё же своего рода стремление к документированию действительности, к непосредственному, нередко жесткому отражению реалий жизни с использованием техники показа мира «без наркоза» мы найдем и в «Кислороде» Ивана Вырыпаева, связанного с Театром.doc, и в «Мурлин Мурло» Николая Коляды, и в драматических произведениях братьев Пресняковых, и в произведениях Василия Сигарева. Для творчества всех перечисленных авторов характерна некая буквальность представления — стратегия, определяемая термином *Verbatim*.

Итак, буквальность как стратегия формы. Эстетика натурализма с элементами брутального турпизма. Использование вульгаризмов как ресурса разговорной речи. Искусство как документ жизни — жизни без прикрас, грязной. Жизни, которую мы не хотим видеть в театре, но которая очерствляет нас при ежедневном столкновении с хамством, равнодушием, отсутствием участия. Что еще? Возможно, характерная для современности вовлеченность в общественно-политические проблемы. Драма как ответ на политическую ситуацию в стране, на действия властей и СМИ. И в то же время драма как протест, своеобразный манифест сопротивления социальной несправедливости. Творчество русских авторов «новой волны» глубоко погружено в общественно-политические реалии, и хотя по вполне понятным причинам это прежде всего реалии российские, тем не менее мы находим в них универсальные сюжеты. Таким образом, искусство молодых русских авторов — это диалог с современностью, искусство «о чем-то конкретном», повседневном, болезненном и зачастую замалчиваемом. Именно о такой роли искусства говорит в одном из своих интервью Иван Вырыпаев: «Для меня искусство — это диалог о чем-то, искусство должно ставить вопросы философские, социальные, политические, экономические, должно участвовать в жизни того мира, в которой живет художник. (...) Если молчит пресса, пусть театр говорит». Надо признать, что театр Вырыпаева говорит бескомпромиссным языком, показывает современного человека во всем его убожестве и мерзости, разоблачая ложь, слепоту и глупость повседневно, механизированного растительного полусуществования. Но вместе с тем — и это также характерно для российских авторов новой драмы — Вырыпаев не остается безучастным

наблюдателем, равнодушно взирающим на представляемую в спектакле действительность. Показывая отчаянные, жалкие попытки поиска «лучшего мира» и «настоящей жизни», автор сочувствует своим героям и заставляет сочувствовать им зрителя. Дело же вовсе не в том, чтобы обнажить и осмеять человеческую глупость, а в том, чтобы пробудить эмоции и воззвать к совести зрителя. Это же не какие-то жалкие «они» мечутся по сцене, но, возможно, — о, ужас! — это мы сами слепо и безнадежно пытаемся найти выход из тесной клетки нашей обыденности. И есть тут еще нечто важное. Совесть. Как Вырыпаев, так и Коляда, которого интересуется человек «второго сорта», человек маргинальный, дегенерат, наркоман, бездомный пьяница, проститутка, пытаются заставить «культурного» любителя драматургии и завсегдатая театров войти в то запрещенное пространство, на которое наложено некое табу, взглянуть на тех людей, которых наш взгляд обходит на улице, которых мы не желаем иметь соседями, которых мы не хотим видеть ни в своей жизни, ни уж тем более в искусстве, призванном, в конце концов, быть развлечением! Обращаясь к среде социального дна, авторы «без наркоза» демонстрируют нам истинную трагедию человеческой жизни, драму, ежедневно разворачивающуюся рядом с нами. И безнадежные подчас попытки ее участников выйти из этой ситуации. Состоит ли цель искусства Вырыпаева, Коляды, Сигарева и других авторов в том, чтобы шокировать зрителя? Вероятно, да, однако можно предполагать, что, наверное, это делается не ради дешевого эффекта, не ради того, чтобы привлечь жаждущего экстремальных ощущений зрителя. Используя эстетику шока, авторы пытаются расшевелить совесть зрителя/читателя, заставить его посмотреть на то, на что ему смотреть совсем не хочется.

Говоря о специфике современной русской драматургии, необходимо упомянуть о ее своеобразной периферийности. Эта периферийность, намеренная и вписывающаяся в контекст постмодернистской апологии маргинальных культур, проявляется как в содержании произведений, так и, что любопытно, в индивидуальных биографиях авторов. Прочитируем снова Лукаша Древняка: «Карьеры русских драматургов нового поколения демонстрируют типичное для империи движение из провинции в центр, отрицание театральной Москвы, которая всегда пренебрежительно относилась ко всему, что не столичное. Ученик Николая Коляды из уральского Екатеринбурга Василий Сигарев — уроженец Нижнего Тагила, Иван Вырыпаев — из Иркутска, Евгений Гришковец — из Калининграда». Маргинальность и культура периферии организуют фабулу произведений и определяют судьбы героев. Невзирая на то, представляют ли авторы удушающую атмосферу провинциального маразма, глупость и лицемерие маленького городка или же среду наркоманов больших городов, мы имеем дело с «людьми дна», то есть людьми, которые находятся на обочине жизни, вне главного культурного потока центров.

Польский зритель встречается с творчеством русских драматургов главным образом в театре, знакомится с более или менее удачными постановками их произведений. В определенной степени это искажает картину, навязывает зрителю восприятие пьесы через призму концепции режиссера. Постановки драм Вырыпаева, Коляды и Сигарева неоднократно порождали споры, наряду с полными энтузиазма рецензиями были ясно слышны голоса критики. А критика касалась прежде всего тенденций к эпатажу за счет жестокости, чрезмерного использования вульгаризмов, «сценической болтовни» и «погружения зрителя в состояние безнадежности». Столь же спорными оказались и постановки произведений братьев Пресняковых. Как «Терроризм», поставленный Павлом Лысяком, так и драма «Изображая жертву» в постановке Яна Энглерта вызвали волну недовольства и разочарования. Лысяка критиковали за буквализм, отсутствие понимания смысла текста; Энглерта же критики клеймили за то, что жесткий текст он превратил в мещанскую слащавую комедию, сдобренную гротескно звучащими тирадами из вульгаризмов. Не забывая о критике и всегда помня о неизбежности «двойного авторства» спектакля, следует, однако, сказать, что новая русская драматургия на сцене польских театров не только знакомит нас с современными направлениями развития русского театра, но и становится источником необычайных переживаний для всех, кто рассчитывает найти в театре нечто большее, чем только развлечение.

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» Двадцатилетие свободной Польши стало поводом подвести различного рода итоги. В середине мая еженедельник «Политика» напечатал интересную статью, касающуюся нашего отношения к культуре, под заголовком «Поляк (более) культурный». Автор, Мирослав Пенчак, социолог и публицист, рассматривает и комментирует результаты опроса, проведенного группой под руководством профессора Войцеха Ю. Буршты. Одним из важных итогов этого опроса, выполненного по заказу министерства культуры, является вывод: деление культуры на «высокую» и «низкую» перестало быть таким актуальным, как 20 лет назад.

В целом результаты опроса настраивают оптимистически.

«Следует прежде всего подчеркнуть, — пишет «Политика», — что, вопреки стереотипным суждениям, поляки пользуются ныне культурой значительно интенсивнее, чем двадцать лет назад. Во-первых, предложение стало больше разнообразней. Во-вторых, доступ к «культурному товару» намного проще и шире, чем когда либо раньше (масс-медиа, интернет, кабельное и спутниковое телевидение, аудио — и видеоносители); в крупных городах главные кинопремьеры проходят одновременно с берлинскими или парижскими, а с концертами популярной музыки в Польшу приезжают крупнейшие мировые звезды. Наконец, в-третьих, как пишут Духовский и Секула (авторы доклада по результатам опроса. — Э.С.), «можно наблюдать возрастающую активность создателей и потребителей неинституционализированной, самородной культуры — от общественных объединений до авангардных театральных групп».

Можно полагать, что демократизация культуры, формируемая законами спроса и предложения, способствует, с одной стороны, коммерциализации (продается то, что является ходовым товаром), а с другой — это не мешает начинаниям некоммерческого характера. Ко-

нечно, в основном правят бал деньги. «Деньги, — пишут авторы доклада, — остаются важным критерием выбора в сфере культуры: люди участвуют в том, на что у них хватит средств». Более того, по мнению работников учреждений культуры, люди больше ценят то, за что платят. Разумеется, бесплатные представления на открытых площадках, где можно увидеть звезд «живьем», а не «в телевизоре», привлекают множество публики, но каждый знает, что Мадонна, U2 или Селин Дион никогда не приехали бы в Польшу концерттировать бесплатно. Времена дармовых представлений за счет властей миновали, кажется, бесповоротно.

Словом, «культурный поляк» изменился, но остается «культурным».

» Свое двадцатилетие отметила крупнейшая в Польше ежедневная «Газета выборчей». Центр современного искусства «Уяздовский замок» в Варшаве подготовил к этой дате выставку Яцека Гавловского «20 лет рисунка в «Газете»». Этот график, иллюстратор и карикатурист, родившийся в 1957 г., — сегодня один из самых оригинальных и ярких польских художников прессы. Он учился в Варшавской академии художеств у Терезы Понговской и Генрика Томашевского. А с «Газетой выборчей» связан с 12 мая 1989 г., и за это время на ее страницах напечатано около 15 тысяч его рисунков, иллюстрирующих события нашей новейшей истории. Из этого огромного количества автор выбрал для выставки 150 листов.

О своем коллеге по редакции когда-то написал Михал Огурек: «Много лет работая в качестве газетного «иллюстратора», он никогда ничего не иллюстрирует: то, что он рисует, — это всегда что-то самостоятельное, отдельное и вообще не требует никакого текста. Авторы не без страха ждут его рисунков. Его работы не «дополняют» газетных текстов, а чаще их заменяют».

Читатели «Газеты выборчей» прекрасно это знают. Рисунки Гавловского — настоящие жемчужины! — ценны сами по себе.

» С 5 по 29 мая уже в 29-й раз проходили Варшавские театральные встречи. Их организует Театральный институт, который в прошлом году возобновил этот фестиваль после восьмилетнего перерыва. Среди привезенных в столицу спектаклей, в частности, «Провинциальные актеры» Агнешки Холланд и Витольда Заторского (Театр имени Яна Кохановского, Ополе, реж. Агнешка Холланд и Анна Смоляр), «Factory 2. Коллективная фантазия, вдохновленная Энди Уорхолом» (Старый театр имени Хелены Моджеевской, Краков, реж. Кристиан Люпа), «Лавочка с корицей» Бруно Шульца (Белостокский театр кукол, реж. Франк Зонли), «Полюс» Владимира Набокова (Белостокский театр кукол, реж. Эва Пиотровская), «Дело Дантона» Станиславы Пшибышевской (Польский театр, Быдгощ, реж. Павел Лысак), «Король умирает, или Церемония» Эжена Ионеско (Старый театр имени Хелены Моджеевской, Краков, реж. Петр Цепляк), «Сожженный роман» Якова Голосовкера (Белостокский театр кукол, реж. Войцех Шеляховский).

— 29-е Варшавские театральные встречи продолжают курс, избранный нами в прошлом году: мы отобрали самые интересные польские премьеры последнего года, — пишет Мацей Новак, директор Театрального института им. Збигнева Рашевского. — В нынешнем году у фестиваля и сопутствующих мероприятий просто звездная афиша: Кристиан Люпа, Агнешка Холланд, Кшиштоф Варликовский, Гжегож Яжина, Мариуш Трелинский, Ян Клята, Петр Цепляк, Павел Миськевич, Михал Задара. Рядом с ними не столь знаменитые, но не менее талантливые Агата Дуда-Грач, Анна Смоляр, Барбара Высоцкая, Павел Лысак, Павел Водзинский, Кшиштоф Бабицкий, Ремигиуш Бжик и Кшиштоф Минковский. Такому параду талантов может позавидовать театральная Европа, а ведь это далеко не полный перечень имен, которыми польский театр может сегодня гордиться. Одна из особенностей нынешних Варшавских театральных встреч — это международный контекст. Почти половина показываемых спектаклей поставлена в сотрудничестве с зарубежными партнерами. Просто удивительно, что симпатии польской публики все еще концентрируются вокруг дюжины футбольных уродцев.

Достижения театра — значительно более эффективное лекарство от нашего неважного национального самочувствия.

» 16 мая во многих городах Польши прошла Ночь музеев. В Варшаве мероприятие проводилось уже шестой раз, в нем приняли участие более 140 столичных музеев и галерей, многие были открыты до трех часов ночи. И хотя погода не радовала, ночное (бесплатное) посещение притянуло толпы варшавян. В Центр современного искусства пришло свыше 5 тысяч, в «Захенту» — 7 тысяч, а в Музей Варшавского восстания — 8 тысяч посетителей.

В Ночи музеев впервые участвовало Варшавское отделение Института национальной памяти, предложившее ночным гостям, в частности, возможность познакомиться с его архивом. В Ночи музеев принял участие и Сейм, который позволил осмотреть ряд своих помещений, среди них галерею, с которой можно наблюдать за заседаниями, и Колонный зал.

Дебютантом мероприятия стал и созданный в стиле неорококо Кондитерский дворец на улице Мокотовской, 25 (ныне здесь расположен Институт Адама Мицкевича), который впервые открыл свои двери публике. В прекрасных интерьерах дворца были представлены мебель и выставка декоративного искусства в стиле модерн и ар-деко из собрания Мазовецкого музея в Плоцке.

» «Издания Самуэля Тышкевича из типографского дома «Stampeteria Polacca» во Флоренции и Ницце» — так называется выставка, которая открывается 14 июня в Историческом музее столичного города Варшавы. Выставка приурочена к 120-летию со дня рождения и 55-й годовщине смерти Самуэля Тышкевича (1889-1954) — польского эмигрантского типографа и издателя.

«Прекрасные вещи — прекрасно издавать», — таков был лозунг Тышкевича. Издания, которые выходили в 1926-1954 гг. из-под его печатного станка, вызывали всеобщее восхищение. Этого и добивался знаменитый типограф, который говорил: «Старинный, редкий в эпоху автоматизации способ получения оттиска в гармоничном сочетании с не менее эксклюзивным ручным набором и ручной работы бумагой сообщает книге, помимо иных достоинств, то теплое дыхание человеческого присутствия и недостижимые при механизированном мас-

совом производстве индивидуальные черты ручной печати, где самая мелкая особенность типографской формы предстает как плод заботы и усилий человека — как создание его рук, воплощение его замысла».

На выставке представлено несколько десятков работ флорентийского издательства, среди них, в частности, «Italia» — описание путешествия по Италии в 1922 году, а также итальянский перевод «Пана Тадеуша».

» В этом же музее до 24 мая проходила выставка «Планы и карты Москвы с XVI по XXI век». На ней были представлены, преимущественно в первые за границами России, ценнейшие экспонаты из собрания Музея истории Москвы.

Кроме планов российской столицы, варшавяне могли познакомиться также с видами улиц, площадей и известных архитектурных объектов. Выставку украсили рисунки и фотографии семейных и бытовых сцен, а также старинные костюмы жителей Москвы.

» Издательство W.A.V. в сотрудничестве с редакцией «Нью-Йорк ревью оф букс» начало серию «Новый канон». В ней будут изданы произведения как широко известных авторов, так и писателей, ранее в Польше не издававшихся. Культовые тексты, забытые тексты, недоступные ранее тексты. Серию открыл роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» в переводе Ежи Чеха с предисловием Адама Поморского. Критик «Монда» в свое время назвал этот большой эпический роман о II Мировой войне и тоталитарных режимах крупнейшим русским романом XX века. Польский издатель в анонсе книги указывает, что она была в Советском Союзе признана «столь опасной, что коммунистические власти конфисковали не только рукописи, но даже ленту с пишущей машинки, на которой роман был перепечатан». Один экземпляр, однако, удалось тайно вывезти на Запад, и роман был издан во Франции в 1980 году. В России же с ним познакомилась только после крушения коммунизма. В последние годы в мире растет интерес к роману Гроссмана. Изданный в Испании, в Барселоне в 2007 г. под названием «Vida y destino», он попал в список бестселлеров. Есть основания полагать, что и у нас роман ждет огромный успех.

» Издательство «Sic!» также предлагает новую серию — «Великие писатели в новых переводах». Ее открывает том Осипа Манделштама «44 стихотворения и несколько фрагментов» в переводе и с комментариями Ярослава Марка Рымкевича. Как указано в издательской аннотации, книга углубляет знакомство читателей с крупнейшим русским поэтом XX века, подчеркивая в его творчестве — наряду с погруженностью в культуру — экзистенциальную проблематику и «пушкинские» интонации, ранее не услышанные.

«Первый перевод из Манделштама («И Шуберт на воде...»), — пишет Рымкевич в послесловии, — я сделал в Москве, в гостинице. Это было в начале шестидесятых, гостиница называлась «Варшава». И сразу же показал его (в какой-то квартире возле Третьяковской галереи — кажется, это была квартира семьи Шкловских) Надежде Манделштам, а потом Анне Ахматовой. Надежде Манделштам перевод понравился, и она рекомендовала мне продолжить переводческую работу. В Москве Манделштама тогда еще не печатали, к его поэзии еще не пришла всемирная слава. Несколько позже я перевел еще 13 стихотворений по просьбе Рышарда Пшебыльского (тогда в наших библиотеках не было хороших изданий на русском языке, и я переводил со списков, которые для меня делал Рышард). И все эти переводы были напечатаны в подготовленном им «Избранном» Осипа Манделштама 1971 года».

Рымкевич еще неоднократно обращался к переводам Манделштама. Последние сделаны в феврале и марте 2009 года.

«Надеюсь, — заканчивает переводчик воспоминания о своей многолетней работе, — что я выполнил данное более сорока лет назад обещание; Надежда Манделштам мною, наверное, довольна».

» Профессор Анджей Щеклик (род. 1938), известный врач, ученый, колоритная фигура краковской артистической жизни, избран доктором honoris causa Ягеллонского университета. Область его профессиональных интересов — болезни сердца и легких, он, в частности, автор теоретических работ по астме и методик ее лечения. Однако это не только выдающийся врач и ученый с мировым именем. Как подчеркнуто в почетном дипломе, который зачитал на церемонии профессор Яцек Мусял, «профессор

Щеклик отличается широкими гуманитарными интересами, он поклонник поэзии, музыки, автор книг, в которых рассуждает о связях медицины и искусства и задумывается над тем, что такое душа медицины, ее сущность». Названные книги это «Соге. О больных, болезнях и поиске души медицины» и «Катарсис» (обе вышли в краковском издательстве «Знак»). (Главу из «Катарсиса» см. в «Новой Польше», 2008, №12. — *Ред.*)

Анджей Щеклик известен как друг и покровитель людей искусства. В числе его пациентов — Чеслав Милош, Анджей Вайда, главный редактор «Тыгодника повшехного» Ежи Турович и Петр Сксинецкий из «Погребка под Баранами». Сксинецкий называл больницу Щеклика «клиникой снов», а Чеслав Милош написал: «Доктор Анджей Щеклик — врач-гуманитарий, поэты и художники ощущают в нем родственную душу, но укрепленную неведомым им знанием микробиологии, химии и генетики».

В речи на церемонии, поблагодарив старейший польский университет за почетное звание, профессор Щеклик сказал: «В каждой профессии существуют ситуации, в которых отчетливо проявляется ее сущность. В медицине это встреча врача с больным. Нужно выслушать рассказ больного, понимая, что для рассказчика его положение — это самое главное, а для слушающего какой-то из этих рассказов может стать его собственной историей, его болезнью».

Прощания

» 25 апреля в Варшаве скончалась Ядвига Жилинская, прозаик, эссеист, автор исторических романов, посвященных преимущественно польскому Средневековью. Самая известная ее книга — «Золотое копьё». Жилинская — также автор многих книг для детей и молодежи, таких как «Судебная тайна» или «Рассказы о Геракле».

Жилинская сотрудничала с «Тыгодником повшехным» почти с самого его основания. В связи со своим двадцатилетием «Тыгодник» так писал о своем авторе: «Ее владения очень обширны — как в пространстве, так и во времени: от Скандинавии до Крита, от Ирландии до греческих полисов в сердце Азии, от неолитического поселения, найденного в Анатолии, до Польши XX века.

Она ведет нас по эпохам и культурам, показывая разнообразие и единство европейского мира, а ее герои, особенно героини, становятся для нас кем-то близким, будь то древняя королева-жрица, или дочь вождя гуннов Аттилы, или рыцари и князья эпохи Пястов». Ядвига Жилинская прожила долгую жизнь. По одним данным, ей было 96 лет, по другим — 99.

» 25 апреля в Париже в возрасте 87 лет умер Петр Слонимский, всемирно известный биолог и генетик. Он представитель известной в истории Польши варшавской семьи. Во время оккупации был солдатом Армии Крайовой, на тайных курсах изучал медицину, участвовал в Варшавском восстании. После войны ему сначала удалось избежать ареста и завершить учебу на медицинском факультете Ягеллонского университета. Вскоре, однако, «народная» власть усадила его в тюрьму в Кракове. Он был освобожден, в частности, благодаря заступничеству своего дяди Антония Слонимского. В 1947 году эмигрировал и поселился во Франции, где сначала работал под руководством знаменитого генетика Бориса Эфрусси, а затем много лет был директором Центра молекулярной генетики CNRS (Национального центра научных исследований) в Париже.

В течение всей жизни Слонимский поддерживал живые контакты с Польшей. В его доме в Жифе частыми гостями были выдающиеся польские мыслители и писатели, например Тамара и Лешек Колаковские, Мария и Казимеж Брандысы, Тадеуш Мазовецкий, Адам Михник, Халина Миколайская. В 1980-е, будучи председателем Общества французско-польской солидарности, организовывал помощь для Польши.

Его называли отцом митохондриальной генетики. Это был обаятельный человек, с прекрасным чувством юмора. В статье памяти Слонимского в «Газете выборчей» написано: «Он любил радости жизни, хорошую компанию, хорошую водку, хороший трубочный табак, но его главной любовью всегда была наука». Его жизнь — готовый сценарий захватывающего фильма. Биография профессора «Генетик и история. Повесть о Петре Слонимском», написанная Робертом Яроцким, была опубликована в 2003 году.

Агнешка Зегер

ДРУГОЕ ПРОСТРАНСТВО

**Fundacja
Inna
Przestrzeń**

«Началось в 2006 г. с замысла нескольких горячих голов из неправительственных организаций. Всё, что случилось позже, превзошло наши самые смелые предположения», — написал во вступлении к отчету фонда «Другое пространство» президент его правления Витек Хибановский. Разумеется, этот фонд не был началом активной деятельности самого

Хибановского, который с 1997 г. осуществляет художественные проекты и устраивает концерты. Кроме того, он активно работал в рамках волонтерских программ Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и «Международной Амнистии».

Фонд «Другое пространство» основала группа людей, которые увлеченно занимались самыми разнообразными проектами. Среди них — общественники, художники, правозащитники. А потому несколько не удивляет широкий диапазон деятельности фонда: сотрудничество и обучение в сфере развития, а также межкультурные, художественные и связанные с Варшавой проекты. Художественные касаются Кавказа, Тибета и Китая, Африки, Украины, России и опять-таки Варшавы.

КАВКАЗ

В 2002 г. несколько человек в рамках общественно-демократического проекта побывали на Северном Кавказе и в Закавказье. Из этого путешествия они привезли с собой ростки многообещающего замысла — поделиться с варшавянами своими незаурядными культурными открытиями, расколдовать доминировавшую в то время картину Кавказа: чеченские партизаны в развалинах Грозного, российские танки на улицах убого выглядящих городков и селений, беженцы, самыми разными путями добирающиеся до Польши.

Из этой идеи вырастает уже в четвертый раз проходящий, динамично развивающийся фестиваль «Транскавказье», проводимый фондом «Другое пространство».

Первый фестиваль, состоявшийся в 2004 г., продолжался три дня. Музыканты сыграли концерты в клубе «Стодола», а художники, специализирующиеся на визуальном искусстве, представляли свои работы в театре «Стара Проховня». В 2005 г. (с того момента «Транскавказье» проводится раз в два года) на Рыночной площади варшавского Нового Города возник «Кавказский городок», где, помимо выставок и творческих мастерских, состоялся концерт. Следующий фестиваль открылся «Академией кавказского стола», посвященной пиршествам, тостам и застольным байкам. Дом культуры «Срудместье» («Центр города») гостеприимно предоставил место для демонстрации кавказских кинофильмов и современного визуального искусства.

Что же обещано на сей раз? Центр тяжести фестиваля приходится на три дня — 26-28 июня. В эти дни откроются выставки, а близ памятника Копернику на улице Краковское Предместье состоится концерт. С этим районом организаторы фестиваля уже успели хорошо познакомиться, когда в августе 2008 г. там осуществлялся другой проект фонда — «Межкультурная уличная вечеринка», представлявшая собой многоцветный парад, забавное развлечение, которое должно было напомнить о разнородном происхождении жителей Варшавы. Как говорит Витек Хибановский, один из авторов идеи этого фестиваля и его организаторов, такие публичные места извлекают нишевую культуру на земную поверхность. Создают возможности для встреч.

В июне выступит звезда грузинской музыки Ниаз Диасамидзе с легендарной группой 33А, ансамбль азербайджанских барабанщиков, играющих на традиционных инструментах, а вдобавок еще и «Пинцет» — единственный в Армении женский ансамбль, исполняющий электропанк.

3-5 июля в рамках фестиваля в варшавской «Кинотеке» пройдет показ грузинских кинофильмов и конкурс короткометражек. В Центре современного искусства состоятся показы видеоарта и экспериментальных фильмов (28 июня — 9 июля). Этим обзором будут охвачены работы, тематически связанные с искусством и процессом творчества. Художники высказываются в них на темы своего ремесла, затрагивая вдобавок такую проблематику, как влияние истории и политики на повседневную жизнь.

В 2007 г. презентация современного искусства Кавказа в Доме культуры «Срудместье» продолжалась один вечер. На сей раз выставка в галерее «Кордегардия» будет действовать в течение трех месяцев. Эта галерея, расположенная на Краковском Предместье, представляет собой «окно в город», поэтому ее куратор Магда Кардаш задала рамки экспозиции: здесь будут выставлены работы, вдохновленные тем или иным городом, прежде всего Тбилиси, Ереваном и Баку. Для польского зрителя они станут возможностью проверить истинность собственных представлений о кавказских столицах или попросту познакомиться с ними.

Художники приедут в Центр современного искусства за две недели до фестиваля. Это время они посвятят подготовке экспозиции под девизом «All & Now». Появятся инсталляции, работы, приготовленные специально к фестивалю. Здесь будет гостить дагестанский перформер Наталья Мали, постоянно живущая в Германии. Экспозиция цикла работ армянского художника Ваграма Агасяна «Ghost city» будет перекликаться с выставкой в «Кордегардии». Автор вдохновлялся ситуацией города Гюмри, где после разрушительного землетрясения 1988 г. советские власти начали возведение новых объектов. Распад Советского Союза и отсутствие средств застопорили эту деятельность. Остались только ветшающие строительные конструкции — свидетельство случившихся перемен, внезапных и резких.

Тринадцать грузинских художников представят свой проект, тоже касающийся перемен и разнообразных взглядов на эту проблему, — «Structural Changes».

Встреча с современным искусством Кавказа — это вместе с тем две первые за много лет выставки в двух главных, конкурирующих между собой варшавских галереях.

Фестивальный городок этого года примет форму странствия по Кавказу. Возникнет нечто вроде тоннеля: проходя через него, можно будет посетить многочисленные стенды и помещения, связанные с различными регионами. Вероятно, именно здесь будет отчетливее всего решаться основная задача фестиваля — демонстрация обычному прохожему всей многоаспектности и разноликости Кавказа.

Кроме приема посетителей, городок выполняет еще и дополнительную функцию: он активизирует иностранные сообщества — эмигрантские, миноритарные (объединяющие меньшинства), беженские.

В этом году «Другое пространство» хочет сделать особый упор на пропаганду фестиваля, в том числе и в городском пространстве; тем ценнее представляется победа в объявленном фондом конкурсе на разработку визуальной идентификации «Транскавказья-2009». Этим конкурсом заинтересовались графики со всего мира.

У Витека Хибановского есть надежда, что фестиваль не только представляет искусство многих культур Кавказа, но еще и становится исходной точкой для дальнейшего сотрудничества в различных областях, как художественных, так и общественных.

Подобно тому, как в другом проекте удалось устроить и провести крупную международную акцию — «Марафон отправки писем в «Международную амнистию»», так и на этот раз организаторы надеются, что фестивали «Транскавказье» будут в дальнейшем проходить в других городах не только Польши, но и Западной Европы, сохраняя основные принципы и используя креативность новых организаторов. Первая группа, заразившаяся этим замыслом, — родом из Гааги.

В 2007 г. Тарлян Гроху, куратор из Азербайджана, рассчитывал, что на следующих фестивалях появятся художники из Европы. В этом году в варшавский Центр современного искусства приедет норвежка, которая уже заглотнула наживку.

Встречаясь в Польше, кавказские художники вдобавок укрепляют связи друг с другом. Как заметила Ева Хачатрян, куратор из Армении: «Мы соседи, но требуется кто-то извне, чтобы мы смогли познакомиться. Варшава представляется хорошим местом для этого».

Размышляя о развитии фестиваля, Витек Хибановский говорит не только о Закавказье. Северные склоны Большого Кавказского хребта располагаются на территории России, а это как раз то пространство, которое интересует деятелей фонда. В ходе будущих фестивалей они хотели бы сотрудничать и с художниками с Северного Кавказа.

При организации этого фестиваля фонд «Другое пространство» сотрудничает с учреждениями, профессионально занимающимися искусством: из Азербайджана (Центр культуры «ТуТу»), Армении (Международная ассоциация искусствоведов и критиков) и Грузии («Союз нового искусства»), — на которые возложена задача представлять свои страны на фестивале. Те же самые организации готовят экспозицию своих государств на Венецианском биеннале.

С самого начала «Транскавказье» получает поддержку от муниципалитета Варшавы, а в этом году — еще и от министерства культуры и национального наследия, а также от Государственного института киноискусства.

Коллектив «Другого пространства» использовал свой опыт взаимодействия с беженскими группами, накопленный при сотрудничестве с «Международной Амнистией», для организации «Чеченского локомотива культуры». Этот проект осуществлялся в рамках Дня беженца, отмечавшегося в июне 2007 года. Специальный поезд Мазовецких железных дорог был использован тогда как пространство для художественных акций, там нашлось и место для фотовыставки, а под звуки исполнявшейся в нем живой музыки можно было отведать деликатесы чеченской кухни. «Локомотив культуры» проехал от станции Тлуц через Варшаву до городка Милянувек. Неподалеку от цели путешествия, в городском центре культуры, прошли творческие мастерские, показы, выставки, концерт. Мероприятие было нацелено главным образом на детей и молодежь. Организаторы хотели активизировать беженцев в роли хозяев этого культурного события.

ТИБЕТ

Проводимое властями КНР последовательное уничтожение народа, традиций и культуры Тибета не позволяет многим людям оставаться равнодушными. Чтобы не присматриваться к этому безучастно, в фонде «Другое пространство» создана Тибетская программа, а в ней — интернет-портал ratujTibet.org («спасай Тибет»), информирующий о различных событиях, акциях и кампаниях. На форуме уже зарегистрировалось свыше 1700 пользователей.

В этой программе решаются не только информационные задачи. Так, в марте 2008 г., после того как в Лхасе, а затем и на всем Тибетском плоскогорье вспыхнули протесты, жестоко подавленные властями КНР, в результате чего погибло более двухсот человек, активисты портала обратились с призывами к министру иностранных дел, президенту и премьер-министру Польши, а также к европарламентариям, заинтересованным правами человека. По всей Польше прошли акции солидарности с Тибетом. 16 марта стихийная демонстрация перед посольством КНР собрала 300 с лишним участников, в том числе политиков и журналистов. Через пять дней уже 800 человек молча проводили манифестацию перед президентским дворцом. Пикетчики выложили из зажженных лампадок надпись «Свободный Тибет».

Демонстрации «Польша и Тибет солидарны» состоялись также в Лодзи, Гданьске, Познани и Кракове.

31 марта было объявлено Международным днем солидарности с Тибетом. Фонд «Другое пространство» организовал совместную акцию с «Газетой выборчей»: к еженедельному приложению «Газеты» — журналу репортеров «Большой формат» — присоветовали в качестве обложки тибетский флаг. Он разошелся по Польше полумиллионным тиражом. В тот день такие флаги висели в окнах, на балконах и заборах, в кафе, ресторанах и клубах. Всемирная ассоциация прессы (World Association of Newspapers — WAN) выделила и отметила эту акцию в конкурсе «World Young Reader Prize» («Всемирная премия молодого читателя»).

С самого начала, то есть с декабря 2001 г., когда было объявлено, что летние Олимпийские игры 2008 г. состоятся в Пекине, эта олимпиада вызывала международные разногласия. Протибетские организации решили воспользоваться интересом СМИ к этому региону с целью получить политические декларации, осуждающие нарушение прав человека, и отбить у политиков охоту к выезду на

олимпиаду. Фонд «Другое пространство» запустил проект «Олимпийский монитор», чтобы привлечь внимание общественности на события, сопутствующие олимпиаде. Информационная кампания стремилась побудить спортсменов к тому, чтобы во время игр они символическим способом выразили свою солидарность с Тибетом. Серебряный медалист, польский штангист Шимона Колецкий в жесте солидарности с тибетскими монахами обрил голову.

Международная общественность стремилась к изменению маршрута олимпийской эстафеты на том ее отрезке, который проходил через территорию Тибета. Активисты опасались жестоких реакций властей КНР на любые формы протеста тибетцев. В рамках этой программы фонд выступил с инициативой акции по рассылке писем тем из числа известных поляков, которые должны были принять участие в эстафете. Среди них фигурировали автораллист, член Европейского парламента Кшиштоф Холочниц, эстрадная певица Рени Юсис и актер Петр Малашинский. Акция закончилась публикацией заявлений всех известных людей из Польши и их отказом от участия в эстафете.

8 августа другая акция фонда собрала примерно 500 человек. Близ посольства КНР состоялось альтернативное открытие Олимпийских игр — в поддержку правозащитников и в знак сопротивления лицемерию всего мира, который согласился на организацию огромного спортивного мероприятия в таком государстве. Выступили театры «Коммуна Отвоцк» и «Академия движения», группа барабанщиков «Пападрам». Прозвучали тибетские песни. Когда в Пекине проходило большое шествие, в Варшаве под звуки барабанов стартовал парад вокруг посольства. В заключение участники пикета выложили олимпийские круги из горящих лампадок.

«Олимпийский монитор» имел, помимо этого, свой особый вариант в виде передачи на информационном радио TOK FM.

В 2008 г. деятели фонда принимали также активное участие в приготовлениях к декабрьскому визиту Далай-ламы в Польшу. Его варшавская лекция в зале «Торвар» собрала около пяти тысяч слушателей.

Общественность интересуется проблемами того или иного региона в те моменты, когда к ним приковано широко раскрытое око СМИ. Олимпиада закончилась, появились новые темы. Но в «Другом пространстве» деятельность в пользу Тибета продолжается. Волонтеры занимаются обновлением сайта ratujTibet.org — переводят и публикуют отчеты крупнейших протибетских организаций, а самые важные сведения передают политикам и журналистам.

РОССИЯ

Сотрудничество с российскими правозащитниками в фонде только начинает развиваться.

Незадолго до конца марта этого года в рамках проекта «Польша-Россия: хорошая практика и сотрудничество в защите прав заключенных» прошла встреча с российскими активистами. В Варшаву приехали Лев Пономарев, исполнительный директор общероссийского движения «За права человека», один из создателей российской «Солидарности», Надежда Раднаева, эксперт и юрист московского бюро фонда «В защиту прав заключенных», Татьяна Рудакова, председатель комитета «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных». Гости встретились с деятелями польской демократической оппозиции времен ПНР — Адамом Михником, Генриком Вуецем, Збигневом Буяком и Збигневом Ромашевским. Они также посетили варшавские изоляторы предварительного заключения, центр «Карта», Хельсинкский фонд по правам человека и «Международную Амнистию». Гости обсуждали с сотрудниками фонда «Другое пространство» планируемые совместные действия. Они приняли также участие в передаче ««Другое пространство» в радио TOK FM», целиком посвященной ситуации в России.

Трудно рассказать обо всей деятельности фонда. Им организовано множество мероприятий и акций. Все время появляются идеи и замыслы по поводу новых. Те из них, которые носят циклический характер, набирают размах. Когда в Польше слышно об интересной инициативе, связанной с Кавказом или Тибетом, то весьма вероятно, что за ней стоит команда «Другого пространства».

Наталья Барбьер

ТАМ, НА НЕВЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ...

Аномальные зоны в Приднестровье (Молдова) связаны с именами сразу двух классиков — Николая Гоголя и Генрика Сенкевича.

Говорят, белые пятна на географических картах давно заполнены неутомимыми путешественниками. И уж совсем странно было бы искать их неподалеку от собственного дома. Однако не такая уж пустая эта затея, считают жители села Лысая Гора. Чтобы убедиться в этом, достаточно совершить путешествие на левый берег Днестра, что течет по Украине, Молдове, а одним притоком даже «задевает» Польшу.

Призрак Гоголя бродит вдоль Днестра

Лысая Гора... Позвольте, о какой именно Лысой Горе идет речь? Мест и селений с таким названием насчитывается немало и на Украине, и в Польше. И у всех своя слава: полумистика-полуправда.

«Лысые горы» — излюбленное место шабашей нечистой силы. В литературе упоминания о них встречаются во множестве. А по мотивам произведений Николая Гоголя и на музыку Модеста Мусоргского даже поставлен балет «Ночь на Лысой горе». Он с большим успехом идет как раз в 2009-м, который ЮНЕСКО объявила годом Гоголя: писателю исполнилось бы 200 лет. Непостижимым образом он присутствует в Приднестровье. В его жизни немало загадок, пусть будет одной больше.

Некоторые жители села Лысая Гора Рыбницкого района (Приднестровье) считают, что свои идеи главный мистик русской литературы почерпнул из истории их края. Во времена Гоголя эта часть нынешнего Приднестровья относилась к Украине. Николай Васильевич никогда здесь не был. Или всё-таки был? Ведь это название встречается в его произведениях, и Днестр не раз упоминается. Да что там название. Мистический дух этих мест вслед за Гоголем ощутил и Генрик

Сенкевич. Он даже описал их в своей трилогии. Но обо всем по порядку.

Левый берег Днестра сначала был самой окраиной Речи Посполитой, а позже Украины. А на периферии, подальше от центра, кто только не живет.

— Считается, что название нашему селу дал холм (конечно, никакая это не гора), близ которого оно расположено. Сколько себя помню, о нем ходили нехорошие слухи. Я не раз взбирался на холм, — рассказал житель села Степан Мокряк. — Присутствие какой-то силы здесь ощущается даже днем — словно кто-то за тобой следит из укромного уголка. Бывает, вокруг ветер, а наверху листок не шелохнется. Или, наоборот, повсюду тишь да гладь, а на холме какое-то непонятное движение воздуха. Как-то я нашел там зазубренный нож — говорят, это магический предмет.

А уж Вальпургиеву ночь (с 30 апреля на 1 мая) ждут с особым чувством. Рассказывают, как еще с вечера странно кричит ночная птица в ближайшем леске, как засветло прячется по домам скот, какие нездешние следы копыт замечают утром у околицы...

Не иначе сюда приходила отмечать Вальпургиеву ночь ведьма Горпына, которую описал в своей трилогии Генрик Сенкевич. Кстати, жила она совсем неподалеку — близ села Рашково. А о таинственности здешних мест свидетельствует не только знаменитый писатель, но и окрестные жители.

Грозный замок Калаур

Они-то верят, что тень Горпыны прячется в почти неприметных постороннему глазу руинах грозного замка Калаур. Здесь она до сих пор гадает по воде, поджидая легкомысленных путников.

Рашково недалеко от Лысой Горы, а район уже другой — Каменский.

Ему уже более 600 лет. Сейчас это село как село. А когда-то было городом. Поляки считали его последним оплотом христианства на границе с басурманским миром. В окрестностях кипели нешуточные страсти: звенели мечи, лилась кровь, а по ночам в дремучих лесах под Рашковом приподнявшихся путников пугали призраки людей, умерших без покаяния.

Полуразрушенный вал и остатки укреплений на холме близ села... Это все, что осталось от грозного замка Калаур (Калавурь), наводившего ужас на татар еще в начале XV века.

Впервые Рашково упоминается в 1402 г. в списке областей, городов, замков Великого княжества Литовского. Правда, будущий крупный город тогда был всего лишь придатком к замку Калаур. Литовский князь Витовт выстроил его на границе своего государства с Молдавским княжеством.

А потом литовцы подарили Калаур польской короне. На левом берегу Днестра были владения Речи Посполитой. Между тем, Рашково разрослось, как на дрожжах, и его купил Ян Замойский.

Но тень замка и через десятилетия падала на город. Судьба Калаура сложилась несчастливо. Заключая договор с гетманом Жолкевским, турки потребовали, чтобы поляки сожгли фортификацию. Они утверждали, что из этого «вражеского гнезда» на Турцию нападают казаки. И в 1617 г. неприступные стены предали огню.

Но и Калаур, и Рашков воскресли. Теперь это был важный посредник в дипломатических отношениях между Польшей, Турцией и Молдавским княжеством.

В 1648 г. Богдан Хмельницкий получил Рашков и крепость после победы над поляками при Желтых Водах и Корсуне. Ключи от города он преподнес на свадьбе своей невестке Роксанде. Дочь молдавского господаря Василия Лупу вышла замуж за сына гетмана Тимофея.

Но подарок оказался роковым. Через месяц молодая жена овдовела. Рассказывают, она так плакала о своей потере, что из ее слез образовался Колодец Господарыни. Согласно той же легенде, через 14 лет бедную Роксанду нашли неподалеку обезглавленной.

Была окончательно разрушена и крепость. Вот как описывал потом ее руины Генрик Сенкевич: «Это был холм над самой рекой, невысокий и облытый, точно круглый, лежащий на земле щит. Луна озирала его светом, озаряя белые, разбросанные повсюду камни. Кое-где они лежали поврозь, кое-где кучами, словно остатки разрушенных храмов и замков. Кое-где из земли, наподобие кладбищенских надгробий, торчали каменные плиты. Весь холм представлялся одной гигантской руиной. Быть может, когда-то встарь, во времена Ягеллы, здесь и кипела жизнь, но сейчас холм этот и вся окрестность, до самого Рашкова, были глухой пустыней, в которой селился лишь дикий зверь да по ночам водила свои хороводы нечистая сила».

А Рашков много раз переходил из рук в руки.

На окраине христианского мира

Знакомство с любым древним городом лучше всего начинать с... кладбища. На здешнем — множество могил с надписями на русском, немецком, а чаще всего польском языках. Это удалось установить благодаря отцу Петру, прежнему настоятелю Рашковского прихода Святого Каэтана и Божьего Милосердия римско-католической Церкви. Вместе с прихожанами он провел несколько субботников, как сказали бы в советские времена, по расчистке последнего приюта сотен рашковцев.

Каждое надгробие — словно страница из летописи села. Пшемьские, Внаровские, Концепольские... Они жили в Речи Посполитой, граница которой проходила по Днестру. Польские крепости стерегли левый берег от нашествия басурманских орд с правого.

Когда-то это был город. Шумный, разноязыкий, сюда часто заглядывали купцы, здесь мирно уживались люди разной веры. О приближении к Рашкову предупреждал своеобразный аромат выделяемого в городе сафьяна. Армянские купцы, сидевшие по-турецки у входа в свои лавки, провозжали внимательным взглядом каждого приезжего. Из кузен наперебой доносился звон: здесь орудовали татары, ковавшие оружие и сельскохозяйственную утварь. А храбрые польские рыцари тем временем на площади состязались друг с другом в искусстве фехтования. Неспokoйно было в окрестностях Рашкова. Польский форпост стоял на самой окраине христианского мира — на левом берегу Днестра, татары и турки на правом. И в промежутке между войнами вагаги разбойников переходили границу, как им заблагорассудится. Смутные то были времена...

«В здешних краях каждый кого-нибудь из близких недосчитался, — писал о Рашкове Генрик Сенкевич в «Пане Володыёвском». — Вера в привидения была распространена во всем Приднестровье по причине соседства Молдавии, и как раз эти края — окрестности Ямполья и Рашкова — пользовались дурной славой. Сколько людей умирало здесь скорострительной смертью, без исповеди, без отпущения грехов». Чтобы сюда добраться, надо было преодолеть долгую дорогу лесом с глубокими оврагами, которые кишели волками и лихими людьми. Да и татары нередко переправлялись с правого берега, убивали и захватывали путников, а сырьё потом продавали в Турции. Недаром рашковцам чудилось, что по ночам в окрестных лесах стонут, хохочут и рыдают неприкаянные души.

— Недаром именно здесь, под Рашковым, жила знаменитая ведьма Горпына Сенкевича, — заметил отец Дмитрий. Он служит в соседнем приходе Св. Марты, хорошо знает произведения польского прозаика и историю края.

Никто не мог подойти к ее дому во Вражьем урочище незамеченным: его стерегли оборотни и призраки. Она гадала на воде, а вот собственную смерть проморгала.

Впрочем, местные жители до сих пор остерегаются ходить ночью в местный лесок. Говорят, нередко здесь можно встретиться с ведьмой. И тут уж как повезет.

Чтобы чаще их Бог замечал...

Неудивительно, что в таких беспокойных местах люди истово верили в Бога.

Князя Любомирские, владевшие тогда землями до самой реки Ягорлык, построили в Рашкове сразу несколько храмов: для православных, иудеев и католиков. Костел Святого Казтана появился в 1749 году.

У него своя нелегкая судьба.

— Костел был предназначен для католиков двух обрядов: армяно-католиков и римо-католиков, — рассказывает нынешний настоятель прихода отец Мартин. — Освящен армянским архиепископом из Львова. Служение ведется с начала постройки. Закрыт в 1932 г. постановлением властей и превращен в зернохранилище. Его перевели лишь в начале 80-х. А здание сначала хотели взорвать, но потом решили создать здесь музей атеизма и рукоделия. По этому случаю стены даже частично реконструировали. Начали собирать экспонаты. Но в 1990 г. костел передали католической общине. С тех пор она и приняла на себя заботу о его содержании.

С 1994-го по 1996-й отремонтировали крышу, осушили фундамент. Этим занимался прежний настоятель отец Петр. Ему пришлось пережить здесь немало. В том числе и необъяснимого с точки зрения заурядного здравого смысла. Отец Петр обосновался на втором этаже, куда надо было подниматься по наружной лестнице. Занимал две комнаты, между которыми была не дверь, а штора из деревянных костяшек.

И каждую ночь без двадцати три происходило одно и то же: из смежной комнаты доносились гулкие удары, словно били раскрытой ладонью по столу. А однажды забрэнчали костяшки на двери, и отец Петр услышал, как зашуршали вещи, которые он оставил на кресле. Только горячая молитва помогла ему выйти из оцепенения и включить свет. И что же? По всему полу была разбросана его одежда. Значит все-таки ему не приснился ночной посетитель?

А однажды осенней полночью, возвращаясь из Рыбницы, он заметил во дворе человека в ушанке. Тот направился к месту, где обычно стояла машина. Отец Петр осторожно, чтобы не причинить незнакомцу вреда, повернул руль туда же. Никого. Обошел вокруг костела. Ни души. Убежать за эти несколько секунд было просто невозможно.

Странные истории продолжали накапливаться. Были вокруг костела какие-то «аномальные зоны»: оказавшись там, человек вдруг испытывал безотчетный страх. Словом, загадки, загадки, загадки...

Вскоре стали появляться разгадки. Там, где отец Петр заметил неизвестного в ушанке, строители наткнулись на кости. А в «аномальных зонах» обнаружили что-то вроде братских могил. При каких обстоятельствах погибли эти люди, были ли похоронены согласно обычаям? На эти вопросы никто так и не смог ответить.

— С точки зрения религии эти явления можно легко объяснить, — считает отец Мартин. — Это не чудеса, а души, неготовые к смерти. В 1941 году неподалеку от костела в горах произошел обвал: ночью засыпало несколько домов с людьми. Их так до сих пор и не отрыли. Примерно в то же время немцы и румыны казнили почти всех евреев села: кого расстреляли, кого утопили в Днестре. Не надо забывать и о репрессиях 30-х годов. Но вот уже лет пять, с тех пор, как я сюда приехал, всё спокойно. Знаю, что были отслужены заупокойные службы.

...Сегодня древний костел кажется помолодевшим. Может быть, еще и потому, что каждое лето сюда, в приход Св. Каэтана и Божьего Милосердия, съезжаются ребята из всех католических приходов Молдовы и Приднестровья. А каждый из них открывает мир заново.

...Раскинулось на левом берегу Днестра село и безмятежно смотрит в воду. А река бежит мимо с Украины, задевая одним из притоков Польшу. А на неведомых дорожках сохранились следы событий прошлого. Их еще можно прочитать...

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

После 1989 года изменения охватили многие области польской общественной жизни, так что вполне обоснованно можно задаться вопросом, в какой мере они влияют на изменение идентичности, человеческих отношений, на индивидуальное самоощущение. В связи с двадцатилетием этих перемен и пятилетием вхождения Польши в Европейский Союз именно на эти проблемы обращает внимание социальный психолог профессор Януш Чапинский, который поделился своими наблюдениями в интервью для газеты «Польска. The Times» (№ 102/2009). Интервью названо «Одиноким маленьким поляком». Этот заголовок напомнил мне польский перевод названия читанной мною в детстве повести Валентина Катаева «Белеет парус одинокий». Напомнил не случайно, поскольку речь идет о том, каковы сейчас молодые поляки. «После 1989 года польское общество начало очень сильно приветствовать предприимчивость, — но не такую, которая направлена на общее благо, на пользу широкой общественности, а направленную на благо для себя и своих близких. (...) Во времена ПНР (неважно, было ли это производительным и эффективным) у каждого была работа, каждый какие-то деньги приносил в дом. Современный глава семьи должен быть более «оборотистым», деловитым. Родители больше, чем когда-то, втянуты в эту символическую гонку, и дистанция между родителями и детьми растет. Социальные перемены, обусловленные экономической трансформацией, не затронули одного: польская семья остается по-прежнему очень авторитарной. Дети должны делать то, что им говорят. Не потому, что распоряжения взрослых всегда разумны и правильны, — просто такова иерархия, в которой ребенок всегда на низшей ступени. (...) Дети, воспитанные в четырех стенах, среди взрослых, очень поздно учатся строить отношения с другими детьми, делают это неуклюже, не умеют найти себя в группе. Если согласиться с тем, что у родителей сегодня нет времени на детей, то государство должно как-то поддержать семью. У меня огромные претензии к сменяющим друг друга правящим группам. Политики без устали твердили, как позаботятся о новом поколении, о его развитии, а затем правительства, одно за другим, ликвидировали детские сады».

Далее Чапинский указывает причины, по которым новое поколение не подготовлено к самостоятельности: «Поколение нынешних родителей, выросшее часто в трудных условиях, свою нишу в общественной системе вырубало собственными силами. И, в общем-то, преуспело. Работа и учеба обеспечили неплохие экономические позиции. Образование было признано шансом для хорошего жизненного старта, с 1989 года число студентов в Польше выросло в пять раз. Однако это в определенном смысле травмированное поколение — оно приобрело вкус к материальному благополучию, обычно сориентировано на потребительский стиль жизни. Это видно по катастрофическому снижению рождаемости. В течение всего периода ПНР число детей на одну женщину держалось на уровне 2,5; сейчас этот показатель едва достигает 1,2. И такой же стиль понимания жизни мы передаем сегодня учащимся, они также не приобретают интереса к формированию семей, к обзаведению детьми. Это дурной знак для всего общества».

Можно сказать, что приличное материальное положение — приличное, конечно, по польским масштабам — ведет к «усыплению» предприимчивости, которой характеризовалось старшее поколение: «Молодых, которые в 2001 — 2003 годах еще учились в школе, не тревожил упадок экономики, они концентрировались на учебе и дружеских отношениях. Окончание ими школы пришлось на период процветания, когда хозяйство налаживалось. Они приобрели ощущение, что экономический рост — это некий постоянный вектор, что может становиться только лучше и лучше. И именно они сейчас пишут на различных интернет-форумах, что никакого кризиса нет, что это выдумки газетчиков. Для них столкновение с кризисной реальностью будет болезненным, они к этому не подготовлены». Усугубляет ситуацию и то, что это поколение, не способное на общие действия: «Поляк более скон-

центрирован на себе, и активность в действиях на пользу других предельно снизилась. (...) Мы уже достигли минимума. И, правду сказать, я не особенно верю, что это удастся в ближайшее время изменить. (...) Половина польских школьников скучает на уроках, эту скуку мы должны как-то победить. Совместная работа школьников, задания для группового выполнения не только способствуют приобретению знаний, но учат разговаривать, устанавливая нормальные детские взаимоотношения. А с этим у многих польских детей проблемы. Детям недостает ощущения, что вместе с друзьями могут сделать что-то важное, что-то вместе построить. Давайте прекратим постоянно концентрироваться на баллах за очередной школьный тест. Современный ученик много знаний приобретает вне школы, без учебников и того, что пишется на доске. Мой старший сын объясняет мне технические новинки — я не имею представления, откуда он это знает! Кроме школы, есть много возможностей учиться, узнавать новое. Меньше возможностей приобретать навыки взаимодействия, сотрудничества. (...) Для детей важнее баллы за тест, чем встреча с другим человеком. В Польше в течение последних 20 лет мы обучили множество молодых людей, создали мощный интеллектуальный потенциал. Теперь новая задача — формирование общественного, социального потенциала. Ведь мы сейчас не умеем понимать друг друга, не умеем действовать сообща, не стремимся сделать что-либо, что выходит за нашу тесную «околицу». (...) Давайте строить общность — это должно стать первой задачей польской школы. Никогда в прошлом не удавалось построить подобную общность учеников, учителей, родителей. Именно сейчас подходящий общественный климат, чтобы попробовать».

О необходимости перемен идет речь в беседе Петра Найштуба с профессором философии Магдаленой Сродой. Беседа напечатана в еженедельнике «**Пшекруй**» (№ 17-18/200) под заголовком «Худшее — это жаловаться». На вопрос о том, когда она почувствовала, что она полька, Магдалена Срода ответила: «В 1968 году, мне тогда было 11 лет, разные вещи творились в университете и в моей школе. Тогда я узнала, что моя подружка Эва (она давно уже за границей) еврейка. Я не знала, что это значит, но о ней говорили: «Она еврейка». В дневнике, который я вела, есть такая страничка, где сначала описываю события за день, а в конце написала: «Эва — еврейка. Боже, что же теперь будет?» И помню, как задала вопрос родителям, что это значит, а они ответили, что я полька, а она еврейка. Моя самая тогда близкая подруга (...) тоже «оказалась» еврейкой. Я помню свое замешательство, конфуз, что она еврейка, а я полька... И в дневнике записала вопрос: «Что значит быть полькой?» (...) Тогда вообще этого не оценивала. Я не чувствовала себя ни лучшей, ни худшей, вообще не понимала, о чем речь».

Спустя годы такие вещи уже понятны. Хотя это и явно некорректно, но все же возьму на себя грех: «перескажу» юмористическую картинку — рисунок Анджея Млечко из недавнего номера «Политики». Родители, ребенок в коляске. И один из родителей говорит другому: «Когда-то нам придется сказать ему, что он поляк!» Быть поляком — это приговор, который Магдалена Срода называет кармой, а впервые почувствовала, как она рассказывает, «во время [президентских] выборов, когда за пост боролись Мазовецкий, Тыминский и Валенса. Для меня Мазовецкий был лучшим, Валенса — мифом, а третий этот гражданин — вообще никем. Я сидела в отеле «Европа» с журналистами и, когда узнала результаты [Мазовецкий выбыл после первого тура — Л.Ш.], просто закричала. Я неожиданно поняла, что мир, в котором живу, не такой, как я о нем думаю. А когда Квасневский во второй раз стал президентом, то я решила: это карма, я должна быть здесь, я не могу отсюда уехать, должна все переждать. И то же самое говорила себе, когда правили Качинские: надо переждать. Надо быть здесь. Это карма. (...) Перед теми выборами я верила, что всегда побеждает разум, правда, свобода... Я была ужасно наивной, потому что считала, что мир делится на людей плохих, то есть коммунистов, и на хороших, то есть всех остальных. И раз мы наконец победили, и наступила эйфория 1989 года, — то разница партийных группировок в новом парламенте будет — ну, не знаю — разницей цвета оперенья на крыльях...»

Разочарование привело к размышлениям над польской идентичностью: «Наша история — безнадёжная. Эти опустошающие восстания, это безрассудство, неумение идти на компромиссы. (...) В 80-е годы я готовила докторскую диссертацию о достоинстве, инспирированном этим нашим польским «собранием» национальных жестов и жизненных позиций. Это тогда меня восхищало! Мне

нравилось, что мы предпочитаем, пусть и голодными, но стоять выпрямившись, чем быть сытыми и коленопреклоненными. Что мы такие гордые, боевитые, неуступчивые. Что мы так чудесно мобилизуемся, когда есть враг. А позже поняла безнадежность такой гордости. Сейчас это уже только... карма. Когда я смотрю на жизнь, окружающую меня, особенно политическую, то все теплее думаю об Эпикуре, который утверждал: чтобы чувствовать себя счастливым, не надо изменять мир, достаточно убежать от него в деревню, в сад и жить среди друзей. Сегодня отчасти как при военном положении. Все то, что снаружи, — чужое, враждебное; и человек этого не любит. Тогда было всё серое, никакое, приторно-заискивающее. А прекрасно было в домах, потому что здесь пили водку, играли на гитаре, спорили. Теперь не спорят, мне часто становится дурно, когда смотрю на парламент».

Может, однако, быть и по-другому: «Люди вместо того, чтобы действовать, сваливают вину на «этих». Когда-то «этими» были коммунисты, теперь политики, все равно какого толка. А политичность — это, прежде всего, устремленность к общему благу (местному, общенациональному). Можно к этому стремиться и не будучи непременно политиком. Мы этого не делаем, и политики этого не делают. (...) Нас никто не учит, что можно и нужно быть ангажированным в общее дело. Что даже дети могут — в школе, в микрорайоне, могут писать письма политикам, требовать компьютеров или еще чего-то, необходимого для их жизни. Этому учат, например, в шведских школах, вообще в Европе. А у нас опускают руки: ничего у меня не выйдет, так что ничего и не буду делать. Почему? Потому что «они» все равно сделают по-своему. (...) И все жалуются, все вокруг. Я тоже жалуясь». И это блокирует активность: «Польша избавилась от коммунистической сермяжной рубахи. Может, удастся ее обновить или хотя бы перекроить национальное платье. (...) Было время, когда я думала, что Польша изменилась. «Круглый стол»... Дело не в его результате, а в той форме, в которой приходили к политическим решениям. Мы оказались способны спокойно, через компромиссы, а не через революцию изменить строй. Если я испытываю потребность в гордости, то горжусь Круглым Столом, потому что он сломал наши польские стереотипы. Мы начали разговаривать и осуществлять политику, а не размахивать сабельками и воздвигать монументы. Но сейчас на это уже наплевать. Большинство предпочтет восстания и памятники. (...) Все поводы для разумной гордости в нашей «реактивной» политике очень быстро пережевываются. А остальное мифологизируется».

Необходимо вырваться из порочного круга польских мифов: «Если бы кто-то меня об этом спросил, я могла бы назвать себя патриотом... Если бы только это слово не было фатально затасканным, а его значение не было поражено какой-то гангреной. Сегодня быть патриотом — это либо выкрикивать «Родина или смерть!», либо принадлежать к какому-то политическому лагерю. Я когда-то писала об этом в «Тыгоднике Повсехном», и это до сих пор актуально: сегодня патриотизм должен слагаться из так называемых «малых добродетелей» — из честности, вежливости, законопослушности, добросовестности, деловитости, гражданской и общественной активности. А сентиментально-военизированный патриотизм положим куда-то на верхнюю полку, потому что пока он ни к чему. Сейчас нужен патриотизм «в штатском». При этом и само понятие «патриотизм» в изменяющихся обстоятельствах понемногу меняется: «Я за сильную Европу. Такую, граждане которой говорят: «Я европеец, родившийся в Польше». Так же как: «Я европеец, родившийся в Лондоне». И тогда, в этой привязанности к Польше, содержится любовь и естественная гордость, а вместе с тем и идентификация с Единой Европой. Пока в Европе только 17 процентов говорят: «Я европеец». Но это число постоянно растет». В Польше необходимы далеко идущие реформы, чтобы произошли подобные изменения в самоидентификации: «У нас до сих пор модель образования из XIX века. Она, разумеется, изменилась, обновилась на определенном уровне, но прежней остается аксиология. (...) Если обратиться к школьным программам с точки зрения акцентированных ценностей, то увидим родину, патриотизм, семью, семейноцентричную модель общества, очень унифицированную, без индивидуализации. (...) В этих программах польская национальная самоидентификация, которая репродуцируется уже 20 лет. Это не слишком отличается от того, что было в мои времена. Я учила Мицкевича и Словацкого, потом читала только Пруса и Жеромского, а перед выпускными экзаменами снова повторяла Мицкевича, Жеромского, Пруса — и ничего больше, именно этим меня нагрузили. В учебниках дети росли в полных семьях, не было национальных различий, не появлялись «другие» (разве что как враги), не было

инвалидов и неполноценных, одиноких и несчастливых, не на чем было учиться толерантности. Пока ничего не изменилось. Нет того европейского либерального подхода, на котором базируется Хартия основных прав или Всеобщеевропейский договор. (...) Образы женщин и мужчин в школьных учебниках — это репродукции стереотипов. Девочка задает глупенькие вопросы, а мальчик отвечает, девочка никогда не сидит за компьютером (разве что выбирает себе косметику), а мальчик разрабатывает программы. В учебниках есть такой рисунок: Ян III Собесский с женой Марысенькой, множество детей, среди которых девочки в платьях. И подпись: «Король Ян III Собесский с сыновьями». Мужские и женские роли в этих учебниках — из XIX века. Гражданские роли также. Нет ни одной семьи, кроме как гетеросексуальная, и иной, чем мама, папа, бабушка, дедушка. Не упоминается, что есть одинокие женщины, дети с ограниченными возможностями, иностранцы, гомосексуалисты, что есть независимые женщины, которые хотят быть независимыми и чья жизненная цель вовсе не обязательно связана с материнством. Во всех учебниках в Европе это есть, а у нас этого нет».

Легко могу себе представить, сколь многие читатели в Польше среагируют на эти замечания с неопровержимой логикой: а у нас и нет причин, чтобы копировать эти европейские учебники. Потому что «иная, чем гетеросексуальная, семья» — это абсурд, *contradictio in adjecto*, а иностранцы не могут быть нашими, потому что в силу вещей чужие, не говоря уже о том, что нельзя подвергать детей опасности влияния гомосексуалистов и независимых женщин. А люди с ограниченным возможностями — что же, это их собственная проблема. Я не шучу: такие аргументы приходится слышать довольно часто. Но, к счастью, не так часто, как раньше, и это позволяет мне верить, что хотя бы в чем-то что-то изменится. А главное, в стремлении к построению гражданской общности.

Ян Воленский

АЛЬФРЕД ТАРСКИЙ, ЛОГИК С ФАНТАЗИЕЙ

Однажды кто-то спросил у него:

«Господин профессор, как стать великим логиком — таким, как вы?»

Тарский ответил: «Это очень просто.

Надо быть или евреем, или поляком, а лучше всего — и тем, и другим».

Через несколько месяцев после смерти Альфреда Тарского состоялось заседание Польского математического общества (отделение во Вроцлаве), на котором Ежи Лось вспоминал великого логика. Начал он следующим образом: «Итак, факт, что Альфред Тарский скончался (...) он умер — быть может, немного сократив себе жизнь сигаретами, которые выкуривал одну за другой, но, на мой взгляд, главным образом, для того, чтобы подтвердить высказывание «Каждый человек смертен». Поскольку это высказывание истинно в смысле его теории истинности, он не мог поступить иначе».

Тарский, пожалуй, согласился бы с таким разъяснением, но, как мне представляется, еще больше его устроил бы следующий подход к этому вопросу: «Альфред Тарский умер,

ибо тем самым подтвердил силлогизм, гласящий, что, коль скоро каждый человек смертен, а Альфред Тарский — это человек, то Альфред Тарский смертен». Ничто и никто не может объявить недействительными законы логики, даже выдающийся логик и его кончина, потому что логика устанавливает порядок вещей и стандарты рационального мышления — не только теоретического, но и практического, не только научного, но и житейского, обыденного. В этом Тарский выступал продолжателем взглядов Станислава Лесневского, который имел обыкновение говорить, что логика есть формальная экспозиция интуиции, и Яна Лукасевича, еще одного своего учителя, который определял логику как нравственность мысли и речи.

» Логик и сибарит

Тарский был одним из величайших логиков в истории. Им получены фундаментальные результаты для теории множеств. Вместе с Банахом он сформулировал так называемый парадокс Банаха—Тарского, исследовал так называемые недостижимые числа. Ввел аксиоматику для геометрии. Способствовал развитию метаматематики, теории моделей и разнообразных логических систем (классической логики, многозначной логики*, интуиционистской логики).

Его семантические идеи, прежде всего знаменитая дефиниция истины, имели огромное значение для современной философии, в особенности для философии языка и философии науки. Выдающиеся научные достижения, а также необычайный талант подготовки и воспитания выдающихся учеников обеспечили Тарскому длительное, прочное влияние на развитие логики. Но, насколько разработанные Тарским логические теории просты, гармоничны и прозрачны, настолько его профессиональная и личная жизнь была полна завихрений, резких поворотов и драм. Обо всем этом повествует книга Аниты и Соломона Феферманов** «Альфред Тарский. Жизнь и логика».

* Первую из таких систем, трехзначную логику, ввел как раз Я. Лукасевич (1920).

** Соломон Феферман (род. в 1928) — ученик А. Тарского, крупный американский математик, философ и логик, профессор Стэнфордского университета.

Подзаголовок весьма меткий. Биография Тарского — это, с одной стороны, сама его жизнь, богатая и сложная, а с другой — логика, великая страсть Тарского, в которой нет места эмоциям, симпатиям, сантиментам, в которой всё упорядочено в соответствии с принципами логического вывода — понятия, которому именно Тарский впервые дал целиком правильное и обобщенное определение.

Как человеческий тип Тарский был сибаритом. Он любил женщин, обычно со взаимностью, а его жизнь была полна романов. Обожал природу, особенно горы и красивые виды; окна его кабинета в Сан-Франциско выходили на блистательные Золотые Ворота. А еще он был ценителем, знающим толк в еде и напитках. Сам составлял и готовил фруктовые настойки; Чеслав Милош, подружившийся с Тарским с момента своего прибытия в США, много лет спустя с умилением вспоминал о качестве спиртного в доме Альфреда. Тарский был человеком чрезвычайно общительным и компанейским. У него имелся обширный круг друзей, в котором среди прочих находилось место для Виткация (автора яркого и убедительного портрета Тарского; он помещен на обложке книги Феферманов), а также Карнапа, Поппера и Куайна, если ограничиться перечислением лишь нескольких знаменитых логиков и философов. Переписка Курта Гёделя, другого великого логика XX в., в частной жизни скорее мизантропа, показывает, что Тарский был одним из тех немногочисленных людей — пожалуй, единственным в профессиональном кругу, — с кем Гёдель был на «ты» и к кому обращался по имени.

» Еврей и поляк

Альфред Тарский родился в Варшаве 14 января 1901 года. Он был родом из еврейской семьи, а его первоначальная фамилия звучала Тайтельбаум (другое написание — Тейтельбаум). Семья Тайтельбаумов была, судя по всему, зажиточной. Моя дальняя родственница Бланш Цверн, живущая теперь в Атланте, присутствовала в начале 1920-х на свадьбе своей сестры с Вацеком Тайтельбаумом, племянником Тарского (их отцы были братьями). Она рассказывала мне, что Тайтельбаумы с гордостью показывали гостям холодильник, вроде бы один из первых в Варшаве.

Родители Тарского не были преувеличенно религиозными, но юный Альфред получил тщательное еврейское воспитание. Это он сообщил Милошу, который приступал к переложению книг Ветхого Завета, о польском переводе Торы Исаака Цилькова, опубликованном в 1895 году. Тайтельбаумы сознавали свое еврейство и гордились им, но жили в согласии с образцами эмансипации. Тарский в гимназические времена ощущал себя поляком и восстановление независимости трактовал как свой личный успех. Окружение не позволяло, однако, евреям позабыть, кем они были. Тарский перед самой войной мог видеть свою фамилию в брошюрге, изданной радикальными правыми и предостерегавшей народ от перекрашенных евреев. И с тех пор национальной раздвоенности предстояло уже сопровождать его вплоть до конца жизни. Однажды кто-то спросил у него: «Господин профессор, как стать великим логиком — таким, как вы?» Тарский ответил: «Это очень просто. Надо быть или евреем, или поляком, а лучше всего — и тем, и другим».

Анекдот звучит весело, но жизнь была значительно более запутанной. Еврею, даже такому, который решил полностью ассимилироваться, в Польше 20-х — 30-х годов приходилось нелегко. Петр Гофман, польский философ, пребывающий сейчас в США, эмигрант 1968-го и друг Тарского, рассказал мне, что Альфред с неохотой вспоминал свои межвоенные годы. Именно из-за антисемитизма, от которого его не спас переход в католичество и смена фамилии (сначала он добавил «Тарский» к своей родовой фамилии, а уже потом оставил себе только ту, которую принял; его брат Вацлав поступил аналогичным образом). Причины были, кроме всего, прагматическими, а именно: соображения, связанные с профессиональной карьерой (так ему советовал Лесневский) и matrimониальные планы (он женился на Марии Витковской).

Тарский никогда не отрекался от своего происхождения. Вероятно, опасаясь, что его заподозрят в пристрастности, он неохотно давал рекомендации евреям-эмигрантам. Юрий Гуревич, видный логик, который покинул СССР еще до 1989 г., рассказывал мне, как он безуспешно просил Тарского написать ему научную характеристику. В 1968 г. Альфред отказался приехать в Польшу на конференцию по основаниям математики и ясно подчеркнул, что это был протест против тогдашней антисемитской политики властей.

Вместе с тем польская национальная принадлежность была неизменным фактором, проходившим через всю жизнь Тарского. В его доме в Беркли всегда говорили по-польски. Отмечали традиционные польские праздники, причем так, как это у поляков принято. И это было демонстрацией не религиозности — Тарский был человеком неверующим, — а связи с Польшей. Он помог многим полякам получить стипендию либо найти работу. Способствовал тому, чтобы Милошу предоставили профессию в Беркли. Дом Тарского был всегда открыт для поляков — не только для логиков или математиков, но и для каждого, кто появлялся в Калифорнии. Ныне эту традицию продолжает его семья, в чем я мог убедиться сам, прожив целый месяц в их доме на Мичиган-авеню в Беркли.

Тарский живо интересовался польскими общественными делами. Он оказывал финансовую поддержку Комитету защиты рабочих (КОРу) и парижской «Культуре». С 1980 г. постоянно носил значок «Солидарности». И выразил пожелание, чтобы после его смерти определенная сумма денег пополнила стипендиальные средства Костюшковского фонда. В Польше он после войны побывал лишь трижды, всякий раз проявляя необычайную взволнованность и растроганность. Когда мы устраивали в Варшаве конференцию по случаю столетия со дня рождения Тарского, я пригласил на нее Леона Хенкина, выдающегося американского логика, коллегу Тарского по Беркли и его преемника в роли лидера тамошней группы специалистов по логике. Хенкин не смог приехать из-за преклонного возраста. Он написал мне, что Альфред наверняка бы хотел, чтобы его годовщина праздновалась в Варшаве, так как его сердце всегда было там. В одной из последних фраз в книге Феферманов мы читаем, что Тарского «никогда не покидало чувство польскости». И это правда.

» Гений без профессуры

Тарский очень рано проявил свои недюжинные способности. Первую научную статью он опубликовал еще в бытность студентом — в журнале «Пшеглэнд филозофичный» («Философское обозрение»), то есть не где попало, — диссертацию защитил в 1924 году. Руководителем был Лесневский. Позднее тот уже больше никем не руководил и любил говорить, что у него было 100% гениальных диссертантов, с гордостью поясняя, кем был этот гений. Спустя два года Тарский стал доцентом, оказавшись самым молодым математиком в истории польской науки, занявшим эту должность. Поначалу ему сопутствовало самосознание чрезвычайно одаренного ребенка или юноши, но потом — горечь человека, который не мог воплотить свои профессиональные амбиции в жизнь. До самого конца своего пребывания в Польше, т.е. до 1939 г., Тарский так и не стал профессором, хотя уже с 1930 г. считался крупнейшей звездой математической логики в Польше — такова была не только отечественная, но и международная точка зрения. После завершения учебы и защиты диссертации он состоял ассистентом в Варшавском университете. В 1928 г. он проиграл во Львове соперничество Хвистеку. Вопрос о его профессуре в Варшаве многократно дискутировался, но это всегда заканчивалось на уровне факультетского ученого совета. В 1937 г. освободилась кафедра логики и методологии в Познани, но ее, как тогда говорилось, свернули ввиду того, что железным кандидатом был Тарский. После смерти Лесневского в мае 1939 г. Тарский рассчитывал стать его преемником и не хотел уезжать в Америку на Конгресс по единству науки в Гарварде. Он предпочитал в период решения вопроса о наследстве, оставшемся после своего руководителя, находиться в Варшаве. Но в конце концов решил отправиться в путешествие. Лайнер «Пилсудский», на котором он плыл, пришвартовался в Нью-Йорке 22 августа 1939 года. Отъезд, по всей вероятности, спас Тарскому жизнь. В Катастрофе погибли его родители, брат и множество дальних родственников. Мария Тарская с сыном и дочерью смогла пережить оккупацию и воссоединилась с мужем в 1946 году. На протяжении нескольких лет Альфред ничего не знал о судьбе самых близких ему людей.

История профессиональной жизни Тарского хорошо отражает проблемы, связанные с еврейским вопросом в промежутке между двумя мировыми войнами. В 1989 г. я выступал в Беркли с лекцией о развитии логики в Польше в 1918-1939 гг. У меня спросили, не отказали ли Тарскому в кафедре по причине польского антисемитизма. Именно так сказано в воспоминаниях о Тарском в хронике университета в Беркли, подписанных пятью коллегами и учениками Тарского. Действуя типично американским способом, они проголосовали и тремя голосами против двух постановили вставить в

свой текст упомянутый пассаж. Семья Тарского запротестовала, но это ничуть не помогло. Отвечая на поставленный вопрос, я упомянул об этом голосовании. И заметил, что не следует таким способом устанавливать, была Польша антисемитской или нет. После лекции ко мне подошли три члена комитета Тарского. Когда последний из них сказал мне: «Знаешь, я был против», — я ответил: «В таком случае кто был за?»

Представляется, что во Львове его еврейство не имело особого значения. Хвистек был старше и известнее, чем Тарский, а также пользовался поддержкой львовских математиков (речь шла о вакансии профессора математической логики на факультете математики и естественных наук). Вдобавок он был мужем сестры Гуго Штейнгауза (как и Тарский, еврея), одного из лидеров львовской математической школы. Кроме того, Хвистека поддерживал Ягеллонский университет — правда, потому что его не хотели в Кракове, но и это обстоятельство тоже шло в расчет.

Вопрос о профессуре Тарского обдумывался и в Варшаве. Трудно сказать, какое значение имел в этом деле явный антисемитизм Лесневского и усиливающийся — Лукасевича. Я спрашивал об этом у Янины Котарбинской. Та ответила, что никогда не слышала о каких-либо действиях Лесневского или Лукасевича против создания отдельной кафедры для Тарского, а проект этот не проходил по финансовым соображениям и из-за того, что в Варшавском университете уже существовали две кафедры, связанные с логикой и основаниями математики. Тем не менее, представляется скорее несомненным, что в данном случае аргумент происхождения играл какую-то роль, хотя, может быть, не в университете, а в министерстве.

Точные сведения о том фоне, на котором происходила ликвидация кафедры логики в Познани, отсутствуют. Я задавал вопросы о документах, но никто их не обнаружил. По поводу возможной кандидатуры Тарского мне говорил Генрик Хиж, который был накоротке с Тарским в качестве его давнего гимназического ученика из Варшавы, а потом — протеже в США. Если Хиж что-нибудь и знал, то лишь от самого Тарского. Познань была цитаделью национал-демократов. Тот факт, что кафедра логики и методологии наук Познанского университета вообще осталась незаполненной, выглядит поразительным, принимая во внимание престиж логики в Польше. Неким косвенным следом является следующая история. Примерно в 1958 г. Тарский встретился — кажется, в Брюсселе — с каким-то профессором из Познани, которого знал по довоенным временам. «Моя фамилия Тарский, — сказал он. — Вы меня помните, пан профессор?» На что познанский профессор ответил: «О да, помню, вы — Тайтельбаум-Тарский». Рассказывал мне об этом очевидец того происшествия, тоже из Познани, причем даже весьма довольный подобным ответом, так как считал его отменной шуткой своего старшего коллеги. Однако и он заметил, что Тарский воспринял это как оскорбление. Наверно, ему мгновенно вспомнился скверный опыт схожих инцидентов в Польше.

Профессором Тарский стал в конечном итоге в Беркли в 1945-м. Там же он умер 26 октября 1983 года.

» Педагог и герой

Связь Тарского с традицией польской логики была несомненной и в Беркли. Он никогда не скрывал, что воспитание получил в Варшаве, в несравненной атмосфере польской математической школы и львовско-варшавской философской школы. Свой прославленный том статей «Logics, Semantics, Metamathematics» Тарский посвятил Тадеушу Котарбинскому, своему учителю, о котором говорил: «Это настоящий человек». Он всегда подчеркивал достижения польских логиков и математиков. Высоко оценивал и постоянно вспоминал атмосферу, царившую в среде варшавских логиков, способы обучения и научную идеологию этой группы.

В Беркли Тарский внедрил отдельные элементы, типичные для варшавской богемы 20-х — 30-х годов (приемы, светские встречи и т.п.). Обычаи, принятые в его научной группе, были компромиссом между традиционной для Европы академической натянутостью и более свободным американским стилем. Папа Тарский — так его называли ученики — использовал своих молодых воспитанников, дабы те носили его портфель и наклеивали марки на конверты, а обращаться к самому себе по имени допускал только после того, как ученик защитил диссертацию. Из этого правила не существовало

исключений, причем оно торжественно вступало в силу посредством традиционного брудершафта. У непьющих возникали проблемы с этим обрядом, но папа Тарский не позволял никаких изъятий или отступлений.

Он добился необыкновенного дидактического успеха: ни один другой логик в США не выучил и не подготовил столько докторов такого научного класса, как Тарский. Американские логики того же поколения, что и первые ученики Тарского, но обучавшиеся в других университетах, по сей день вспоминают, с каким недоверием они выслушивали известия о мощном круге логиков в Беркли. Без всякого преувеличения можно сказать, что калифорнийская логическая школа (иногда именуемая западной школой теории моделей) была продолжением варшавской логической школы. Причем это проявлялось еще и в стремлении Тарского к тому, чтобы в университете в Беркли логика располагала институциональными основами. Сам он работал в качестве профессора математики, но заботился о том, чтобы специалисты по математической логике работали и среди философов. Со временем Тарский организовал группу логики и методологии наук, объединяющую логиков и философов. Это тоже было отсылкой к варшавской традиции, в которой логика рассматривалась, правда, как дисциплина, связанная с математикой и философией, но еще и как автономное поле исследований.

Среди нас, польского логического и философского сообщества, и уж, как минимум, среди аналитических философов Тарский всегда был (и остается) крупной величиной, авторитетом и причиной гордости. Дефиниция истины, выработанная Тарским, представляет собой самый важный польский вклад в актив мировых философских достижений — по крайней мере, с социологической точки зрения. Политическая позиция Тарского привела к тому, что наши власти не согласились, чтобы он стал иностранным членом Польской Академии наук. Тарский фигурировал в научном обороте, так как иначе не могло быть, но не в общественном пространстве. После 1989 г. вышло в свет двухтомное издание его трудов «Логико-философские сочинения», а ранее — «Введение в логику». Важным событием оказалась упоминавшая выше юбилейная конференция. Первоначально мы планировали ее как совместное мероприятие с университетом в Беркли, но американские коллеги отказались от участия в этом проекте. Многие, однако, приехали в Варшаву. На них произвел впечатление памятник Тарскому в библиотеке Варшавского университета (наряду с тремя другими — Лукасевича, Лесневского и [львовского философа Казимежа] Твардовского).

Феферманы тоже вспоминают этот бюст в конце своей книги: «Самое трогательное и наглядное свидетельство признания Тарского находится в новом внушительном здании библиотеки Варшавского университета. Близ центрального входа на колонне, где выгравирована его фамилия, а также фрагменты работы, посвященной понятию истины, установлено его скульптурное изображение (...). Наконец-то он обрел в Польше подобающее ему место».

Возможно, получилось хорошо, что фигура Тарского будет шире популяризироваться непольскими авторами. Пусть это станет для нас вызовом и образцом того, как надлежит относиться к «собственным героям», в том числе и научным. Альфред Тарский, бесспорно, принадлежит к ним.

*Автор статьи — философ, ординарный профессор
в Институте философии Ягеллонского университета.*

В тексте автор воспользовался фрагментами своего вступления к книге Феферманов.

Стефан Братковский

ПОЛЕМИКА С АНДЖЕЕМ КОРАШЕВСКИМ*

Я не считаю, что следовало бы одобрять Единую сельскохозяйственную политику Евросоюза с ее дотациями для сельского хозяйства — вместо дешевых кредитов. Не считаю также, что следовало бы искать советов и рекомендаций в Третьем мире. Скорее нужно было бы передать как Третьему миру, так и деревне бывшего Советского Союза простой — из-за приземленности соответствующих фактов — опыт тех стран Европы, которые построили свое благосостояние высочайшего уровня исключительно благодаря сельскому хозяйству.

Никто не снял ни единого сериала о том, каким образом Дания, у которой адмирал Нельсон за три дня сжег все деревянные суда, составлявшие ее морское могущество, проделала путь от крайней нищеты, последовавшей за этим катастрофическим поражением, от голода и массовой эмиграции до положения самого зажиточного народа Европы, если не всего мира. Эта страна имела своего апостола развития. Им был протестантский епископ Николай Грундтвиг, который в середине XIX века стал переносить из Англии в мир датского народа разнообразные идеи самообразования, взаимодействия, обоюдной дружбы и уверенности в будущем. Но на первом месте стояло образование. Датские «народные университеты» со своими странствующими преподавателями обучали всему: читать и писать, хорошо возделывать почву, выращивать упряжных лошадей, великолепный рогатый скот, свиней и кур, учреждать кооперативы для сбыта собственных продуктов, а также для покупки сельскохозяйственных орудий и образцовых экземпляров наилучших пород скота и птицы с целью их разведения. А еще — петь в хорах и веселиться вместе... Это стало фундаментом грядущего благополучия — с безмятежным душевным спокойствием и жизнерадостностью, в немалой степени чуждыми протестантству. Словом, образование, а не финансовая помощь. Свои будущие кредитные кооперативы датские крестьяне создавали сами, опираясь на собственные доходы. В их стране отсутствовали полезные ископаемые. Всё, чем они располагали после открытия электричества, — это маленькие водные потоки и ветряные мельницы. И они же конструировали первые в мире ветряные электростанции. Их национальным средством передвижения сделался велосипед. Им требовалось ездить лишь недалеко, и автомобили там приживались медленно...

Экспортировалось всё, что удавалось продать. И лишь в тот период, когда война прервала вывоз масла в Англию и датчане начали сами его есть, они избавились от эпидемически преследовавшей их трахомы. Но уже до I Мировой войны они нанимали сельскохозяйственных рабочих с польских земель, аннексированных Пруссией, — столько у них там было работы... И уже в межвоенные годы датчане принадлежали к самым богатым народам мира. Дания восстановила свой флот, и морская торговля умножала ее благосостояние.

Маленькая Словения, горная страна на пограничье Австрии и Хорватии, обладала похожим апостолом мудрости. Глава католической семинарии в Любляне Янез Крек учил своих воспитанников-клириков, будущих священников, как распространять грамотность, как устраивать торговые и кредитные кооперативы, как обучать сельскому хозяйству и разведению скота, как устанавливать гидротурбины на малых плотинах и дамбах, — словом, всему, чему они должны были обучить свою паству, чтобы построить современную Словению. Сами эти священники тоже умели всё — скажем, епископ учредил акционерную компанию, которая положила начало собственному торговому флоту Словении в Риеке. Книжные издательства публиковали учебники и высокую литературу, в том числе и такую, что

* См. «Новую Польшу», 2009, №3.

фигурировала в ватиканском индексе. В 1900 г. Словения могла похвалиться самым высоким уровнем читательской активности в Европе. Она перебралась с диких Балкан в Западную Европу, не поменяв места на карте!

Третья такая страна, в основе своей низинная, Литва тоже не имела никаких природных богатств или полезных ископаемых, да и почвами располагала весьма бедными. Литовская интеллигенция, которая во второй половине XIX века возложила на себя задачу возрождения нации (литовская шляхта полонизировалась почти полностью), привлекла к себе на рубеже XIX-XX столетий, несмотря на царскую аннексию, датских наставников прогресса. Литовская деревня училась охотно и результативно, ее сельское хозяйство прогрессировало прямо-таки молниеносно. Там учреждались собственные кооперативы — по сбыту и кредитные. После 1920 г. в независимой Литве провели аграрную реформу, разукрупняя обширные имения польской шляхты и выплачивая за них высокие компенсации. Литва создала общенациональные кооперативные центры сбыта и развернула экспорт своей сельскохозяйственной продукции, конкурируя с польским. В годы великой депрессии она снизила цены своего экспорта наполовину и удвоила его, вытолкнув Польшу с рынка яиц и бекона в Англии! Советское завоевание постепенно ампутировало у литовцев даже память о тех достижениях; когда я в 1991 г. рассказывал о них литовской интеллигенции в Вильнюсе, часть слушателей была настолько тронута, что прослезилась, — они слышали об этом впервые в жизни...

В ПНР удалось еще в герековские времена снять художественный фильм-сериал о схожихключениях деревни и мелкого предпринимательства в Великопольше, находившейся под прусской неволей. Мы назвали этот сериал «Самая долгая война современной Европы»*; в нем рассказывалось о многочисленных событиях начиная с 1815 г., с возвращения сюда наполеоновского адъютанта, будущего зачинателя современного сельского хозяйства в тех краях, а далее — через все перипетии в науке взаимодействия, через сельскохозяйственные кружки, обучение аграрному делу и торговле, через крестьянские читальни и кредитную кооперацию, через самые разные вещи, организуемые несмотря на преследования всего польского, и вплоть до победоносного восстания 1918-1919 гг., опиравшегося на ту же самоорганизацию. Пруссия давила и истребляла это польское «государство в государстве», как только могла, но наш сериал, многократно повторяемый и очень популярный, должен был учить соотечественников, каким образом справляться с трудностями — даже в самых неблагоприятных условиях. Пожалуй, кое-что из этого сохранилось и в новых польских традициях...

Чего я желаю и российским читателям «Новой Польши», для которых писал свой текст Анджей Корашевский.

---

* Автор заметки был его сценаристом. — *Ред.*

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Проза: **И. Амиэль, Е. Рыльский**

К. Тарас: о новых польских фильмах

Стихи Тадеуша Домбровского, Казимежа Вежинского

Витольд Куля: заметки историка

О. Закиров: из воспоминаний

Неизвестные письма Ф. Зелинского

К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к началу столетия

Наши за границей: А. Северин, В. Пшоняк, З. Рыбчинский,

А. Холланд, Р. Полянский, А. Кшивицкий и др.

Беседы Сильвии Фролов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг,

Яструна, Херберга и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,

Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»

допущен к распространению на территории Российской Федерации

Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.novpol.ru

Лучшие писатели и критики Национальная Библиотека представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627-15-52;
тел./факс: +48 (22) 628-95-07
e-mail: tworczośc@bn.org.pl
www.culture.pl/pl/culture/artykuly/cz_tworczośc

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826-62-60;
тел./факс: +48 (22) 826-62-35
e-mail: noweksiążki@wp.pl

Dialog

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608-28-80, +48 (22) 608-28-81;
тел./факс: +48 (22) 608-28-82
e-mail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

dwutygodnik ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608-28-70, +48 (22) 608-28-71;
тел./факс: +48 (22) 608-28-72
e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl
www.ruchmuzyczny.pl

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827-47-91;
тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608-25-65, +48 (22) 608-27-95
тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl
www.nowpol.ru

odra

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344-77-37;
тел./факс: +48 (71) 343-55-16
e-mail: odra@odra.net.pl
www.odra.net.pl

a akcent

literatura i sztuka • kwartalnik

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит в Люблине с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532-74-69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

TEATR

Ежемесячник, посвященный современному театру. Обзор последних премьер в Польше и за границей, критика, эссе, комментарии.
тел. +48 (022) 692 88 19;
тел./факс: +48 (022) 692 88 18
e-mail: teatr@bn.org.pl

Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich

02-086 Warszawa, al. Niepodległości 213, tel. +48 (022) 608 23 74; tel./fax +48 (022) 608 24 88
e-mail: czaspatron@bn.org.pl; www.bn.org.pl

Cena 7 zł w tym 0% VAT

ISSN 1508-5589

9 771508 1558096